

ЧЕЛОВЕК
И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС.

РОБОТЫ
И КОМПЬЮТЕРЫ.

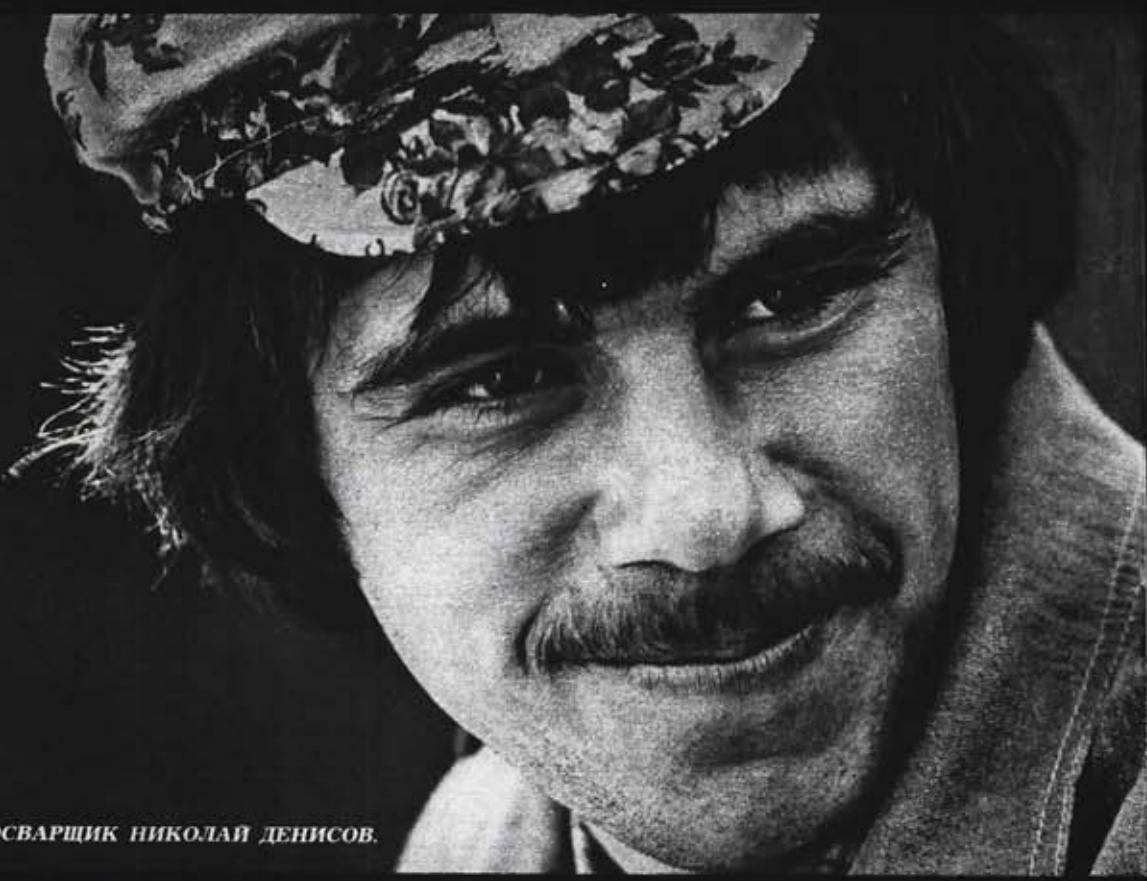
ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПЕСНЯ
СЕГОДНЯ.

смена

№ 12 (1394) июнь 1985

ISSN 0131-8656

ВОТ УЖЕ ПЯТЬ ВЕКОВ ИЗ НИХ
ДВА — В ЗВАННИИ ГОРОДА,
СТОЯТ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ
МЕДЕНКИ.

Валерий ЕВСЕЕВ.

НЕДЕЛЯ ГОРОДА

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ.

ЛЬНОКОМБИНАТ — ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО.

ПРОФЕССИЯ СЕРГЕЯ АНИСИМОВА —
ЛОЗОПЛЕТЕЛЬЩИК.

ВСТРЕЧА
НА УЛИЦЕ
РАЙЦЕНТРА.

Фото Сергея ВЕТРОВА

ДИК ДОК

УТРЕННИЙ ПАРОМ.

Где бы ни жил человек, где бы ни трудился, кто бы его ни окружал — чувство ответственности за общее дело, за настоящее и будущее Отечества прежде всего должно определять весь склад его жизни, стремления и поступки. Вот о чём никак нельзя забывать, вот какой мерой надо оценивать свои дела. Как из малых рек и ручейков рождаются в слиянии великие реки, так из поступков и работы каждого из нас складывается день настоящий и грядущий.

Вот уже и штамп в рассказах о небольших городках сложился: дескать, не на каждой карте его найдешь, но... И дальше следует перечисление всех его достопримечательностей. Спору нет, каждый город — большой или малый, каждое село, каждая деревушка имеют свою историю, свои, присущие только им особенности, имеют свое лицо. И мне тоже не обойтись без упоминания об этом. Но начать хочется с другого — не с особенного, а с общего, о том, что, пожалуй, объединяет, что роднит тысячи таких городов-невеличек.

Начать хочется со встречи случайной и печальной. Но не потому, что грустная нота зозвучна рассказу о маленьком городе, а потому, что восприятие ее, кажется мне, как ничто другое, помогает моментально высветить сам уклад его жизни.

...На показавшемся впереди перекрестке мы увидели вереницу людей. Ветер донес протяжные сигналы автомобилей. Будто гигантский орган выводил свою тревожную песню.

— Шофера хоронят, — ответил на вопросительный взгляд мой спутник. И назвал фамилию и имя умершего.

Мне доводилось слышать подобные автосалюты, когда прощались с водителями, чья жизнь трагически оборвалась за рулём. А этот умер в своей постели и, не в упрек покойному будет сказано, при жизни особо знаменит не был. Но за его гробом шло человек двести.

— Сколько ни принимали решений запретить по примеру больших городов траурные процесии, ничего не помогает. Бывает, весь город выходит проводить человека. — И в голосе моего спутника звучало не столько сожаление по поводу невыполнимых решений, сколько гордость за своих земляков.

«Провинция», — усмехнется иной столичный читатель. И не поколебать мне, наверное, его высокомерной ироничности ставшим притчей во языцах напоминанием о том, что в больших-то городах мы и соседей по лестничной клетке не всегда знаем.

Провинция... Живучее слово! В XVIII веке так назывались в России административно-территориальные единицы, входившие в состав губерний. В свою очередь, они делились на доли и дистрикты. О последних, пожалуй, не все и слышали. А вот понятия «провинция», «провинциал», «провинциализм» сохранились и живут. Что за ними?

Вчера, например, меня в метро назвали провинциалом только за то, что не очень проворно уступил место на эскалаторе бегущим вниз молодым людям. Не правда ли, без обращения к словам ясно, что хотели сказать мне «столичные» юноши? «В нем все же много провинциального», или «брось ты эти провинциальные штучки» — это выражения из бытовой речи, вариации которой на ту же тему можно множить. А в критике «провинциализм» стал чуть ли не литературоведческим термином, употребляемым, скажем, когда речь идет о манерности стиля автора, пусть даже и коренного москвича. Однажды даже такое довелось слышать: «Вы знаете, в последний раз Ленинград показался мне несколько провинциальным». Тут уж комментарии, как говорится, излишни! И все-таки чаще в провинциализме обвиняют жителей небольших городов, поселков, сел...

Конечно, можно — и нужно! — сказать, что провинция — определение не территориальное, а душевное, что провинциализм проявляется не в галстуке, а в костюме и лености мыслей, в дремучести идей, в мещанской склонности к бездумному подражательству и вымурности... Все так. И все же я был бы неискренен, начав доказывать, что понятие «провинция» полностью потеряло ныне свой географический смысл, что средства массовой коммуникации свели культурно-бытовой уровень жителей больших и малых городов к единому знаменателю.

Нет, провинция существует и сегодня. Причем, положа руку на сердце, те же Меленки — типичный ее пример, хотя добираться до них от Москвы всего-то несколько часов... Впрочем, стоп! Коль уж назвали впервые мы имя главного героя этих заметок, то прервем на время рассуждения и представим городок как положено.

Расположен он действительно недалеко от столицы, там, где сходятся границы трех российских обла-

стей — Владимирской, Рязанской и Горьковской. Места легендарные. «Из того ли то из города из Мурома, из того села да с Карабарова выезжал удаленный дородный добрый молодец». Когда это было! Но стоит до сих пор на берегу Оки Муром-город — всем известен. И село Карабарово, хоть и не существует уже — вошло давно в черту города, но тоже памятно. А вот среди тех же муромских лесов лежащие Меленки помоложе будут, в былинах «прописаться» не успели, потому и не прочитаешь о них в хрестоматиях. Да и в энциклопедиях всего несколько строк.

А тем не менее рассказать про свою историю городу есть что. По преданию, стоит он на русской земле с XV века. Сначала это было село — Ляхи называлось, затем Рогожино, затем Веретьево. Веретьево — это уже когда Муром уездным городом стал. В Муроме-то и шепнули богатые купцы наместнику Владимирской губернии князю Воронцову, что их, как бы мы сейчас сказали, веретьевские коллеги хотят оказать князю услугение. Не хотелось Воронцову в глухое село ехать, да и боялся он, что в обмен на «услужение» замутают его тамошние купцы жалобами, но жадность свое взяла.

А купцы веретьевские, видно, не промах были. Знали, чем князя взять. На подъезде к селу по обе стороны Муромского тракта запалили бочки со смолой, украшенными избами и развешанными фонарями встречали, ну и прием закатили соответствующий. Утром пришли в богато обставленную опочивальню, в ноги князю кинулись. «От всего миру с прошением», — говорят. А попросили одно, что князю без особых хлопот сделать легко было: «Поименовать село городом».

Вот так два с лишним века назад появился на свет новый русский город Меленки. Назвали его так потому, что сторона была мельничная. И на гербе городском в верхней части был изображен герб губернского Владимира, а в нижней — золотая ветряная мельница на фоне голубого неба.

Ну, а потом? Потом стали Меленки уездным центром. Но и тогда, скажем честно, не наделила их жизнь громкой славой. Хотя — и, может быть, это главное? — каждый шаг истории города был в ногу с историей всей страны.

И крестьянские бунты, и рабочие восстания — все видели Меленки. Об Октябре 17-го напоминают мемориальные доски на стенах домов: здесь находился первый военно-революционный комитет, здесь — первый Совет рабочих депутатов. И на скрижалях Победы в Великой Отечественной достойны быть упомянуты Меленки: полтора десятка Героев дал стране городок-невеличка.

Но как в годы первых, так и послевоенных пятилеток фронт индустриального наступления обошел один из самых удаленных районов Владимирской области, к тому же стоящий в стороне от железных дорог. «Главное занятие жителей — покупка, обработка и сбыт льна» — так определяло промышленный профиль Меленок историко-статистическое описание, сделанное в конце прошлого века. Не изменил своей основной профессии город и сегодня. Самое крупное его предприятие — льнокомбинат «Красный текстильщик», названный так в 1921 году, когда, видимо, помнили еще, что в прежние времена профессия ткача была чисто мужской. Сейчас же впору именовать комбинат «текстильщица» — здесь женское царство. Для мужчин главное место приложения сил — небольшой литейно-механический завод, бывший когда-то ремонтным цехом комбината. Есть еще в городе филиал завода зонтов, леспромхоз, промкомбинат, выпускающий кадки, веревки, горшки, заготовки для ложек, садовые домики...

В общем, до индустриального центра нашему герою далеко. Добавлю, что и стариной достопримечательной, подобной судальской, не довелось в свое время обзавестись Меленкам, потому золотое туристское кольцо России проходит мимо. Так что в городской гостинице места всегда есть.

...Вот, кажется, подходящий момент вернуться к нашему разговору о провинции. А если еще вспомнить тут про Тынду, Надым, Уренгой, то и вовсе обидным сравнение получится. Тоже ведь не города-миллионеры, да и выросли в буквальном смысле слова в медвежьих углах, а провинциальными их не назовешь. Там передний край, там ритм жизни почище столичного. Туда и союзные знаменитости за честь

считают наведываться. А в Меленках и подобных им городках, хоть и стоят они в центре России, даже особых перспектив на бурное развитие и соответствующие ему привилегии не предвидится. Богатых месторождений здесь не открыты, и новая «магистраль века» через эти места не планируется. И концертные приезды сюда пониже рангом едут, и тот же модный галстук здесь купить пока сложновато.

Прав—к сожалению!—герой романа Д. Гранина «Картина» Лосев, председатель исполнкома маленького города, когда говорит в запале: «Мы, конечно, живем в глухи, мы и без того во многом обездолены. Я не в порядке жалобы, но позвольте спросить, почему все только в Третьяковскую галерею? Почему сюда все: и выставки, и апельсины, и французские духи? У нас ведь тоже вакаливают, и тоже Россия. Может, самая что ни на есть Россия...»

Понятна обида Лосева, хотя и понятны ответы, которые можно дать на его вопросы,—просто всего для всех пока еще не хватает. Время—причем не просто время, а время созидания—изменит, разумеется, это положение. Но разве только с одними минусами можно перечислять приметы провинции: нет театра, нет музеев, нет апельсинов?.. Есть ведь у провинции и свои плюсы по сравнению со столицами.

Во всяком случае, в Меленках из 50 человек, которым я задал вопрос, где бы они предпочли жить—в большом городе или в маленьком,—больше половины со всей определенностью высказались за маленький. А ведь моими собеседниками были те, кого менее всего залодориши в привязанности к тишине и покой, в безразличном отношении к проблеме модных галстуков или в боязни поломать устоявшийся быт. Меленковские десятиклассники—вот кто отвечал на мои вопросы.

Энергия, бушевавшая в классе во время нашего разговора, готова была, кажется, выплыть не только за пределы Меленок, но и всей Вселенной. И вдруг такой, скажу прямо, несколько неожиданный для меня результат импровизированного анкетирования.

Чем же привлекает семнадцатилетних непосредственных родной город? Живописной природой, тем, что здесь «все друг друга знают», «довольно хороший библиотекой»; тем, что в городе родился известный летчик, наставник космонавтов Н. П. Каманин, что «можно заниматься музыкой, спортом», и даже тем, что «здесь есть куда деть свободное время»...

Не будем улыбаться некоторой наивности этих аргументов, а попытаемся в них разобраться. Тем более, что абсолютно бесспорен из них, пожалуй, один—возможность на зависть жителям больших городов постоянного, каждодневного общения с лесом, речкой, полями, лугами. Необходимость и благотворность близости к земле, к природе, видимо, нет смысла доказывать.

А вот как использовать свободное время—это вопрос дискуссионный. В тех же ответах моих молодых собеседников в полный голос звучало единодушное неудовлетворение количеством и качеством работы культурных заведений, отсутствием в городе молодежных клубов, кафе, хорошего стадиона, обустроенного парка и т. д. С этим нельзя не согласиться. И все же, мне кажется, десятиклассник меленковской средней школы № 1, не указавший своей фамилии и, кстати, сам предпочитающий жить в большом городе, может быть, неосознанно, интуитивно, но нащупал своим «здесь есть куда деть свободное время» один из очень важных узелков, связывающих всю цепочку аргументов в пользу маленького города.

Возводя в абсолют ХХ века ритм жизни больших городов, мы сегодня все время спешим. Бежим по ступеням эскалатора, по картиным галерям, по служебной лестнице... Остановиться, разглядеть, подумать над чем-то никогда... А в Пензе вот открыли музей одной картины. Поговорите с посетившими его и поймете, что часовое общение с одним шедевром куда как глубже и полезнее для души, чем пробежка вдоль целого их ряда. Конечно, картины в Пензу привозят из лучших музеев страны, и инициатива эту вряд ли возможно широко подхватить. Но разве в каждом нашем городке, в каждом селе, наконец, в каждом из нас самих нет того, что достойно углубленного изучения? Не к самосозерцанию я призываю—к самопознанию, к творческому развитию своих интересов. И для этого, оказывается, вовсе не обязательно иметь «под рукой» Эрмитаж или Третьяковку.

Примеров увлеченности, получившей реальное, зримое воплощение, можно привести немало и из жизни меленковцев. Скажем, в Москве есть театр, который почти никто не называет, указывая полный его титул, говорят—«образцовский». С чем-то подобным столкнулся я и в Меленках, когда услышал про «лапоноговский» кружок. Основал его много лет назад нынешний начальник цеха литейно-механического завода Владимир Михайлович Лапоногов, а сейчас эстафету принял его сын, слесарь того же завода Михаил, в свое время прошедший полный курс отцовской науки и ныне обучающий меленковских ребятишек премудростям азии- и судомоделирования.

ния. Я думаю, народный артист СССР С. В. Образцов не обидится за сравнение его знаменитого на весь мир театра с маленьким кружком, потому что основа у них общая—увлеченность и преданность делу.

Молодой художник-самоучка Федор Журавлев, работающий в совхозе «Меленковский», признался «Ночь настанет—хочется за все взяться: и лепить, и рисовать, и резать, и рассказы писать. Аж руки чешутся. Все хочется, а времени—двадцать четыре часа, и в них только одна ночь». Хороша, черт возьми, жизнь, если говорит человек так! А впереди у него еще недочитанная книга, свежий номер любимого журнала, да, может быть, пару раз в месяц стоящий спектакль по телевидению. У многих ли москвичей, ленинградцев, киевлян духовная жизнь замешана круче?

Мне могут сказать: конечно, свободного времени в маленьком городе больше, чем в столицах, но ведь не все умеют его правильно использовать, не все тянутся к перу и кисти, некоторые могут и горько заплакать от «ничего делать». Конечно, как говорится, человек сам хозяин своей судьбы. Но пьяных на улицах тех же Меленок я видел несравненно реже, чем в больших городах. Потому что стыдно, потому что все тебя знают.

Директор меленковской средней школы № 2 Борис Константинович Иванов, когда разговор у нас зашел на эту тему, поименно назвал своих старшеклассников, которые уже пробовали вино. Заметьте—не выпивающих, а только пробовавших. И назвал, кстати, без оговорок «мне кажется», а с абсолютной уверенностью. Сможет ли так же уверенно сделать это хоть один столичный учитель?

Жизнь на виду—она трудней и ответственней, чем изолированное существование в квартире с задернутыми шторами. Но она и плодотворней. Разве не «провинциальная закалка» сделала великим Ломоносова? А сколько других людей, ставших гордостью страны, взрастила провинция! Пусть простят меня социологи за столь некрачный метод доказательства, но, взяв наугад 15-й том Большой Советской Энциклопедии, не поленился я подсчитать всех выдающихся людей нашей Родины, отмеченных в этом томе статьями с портретами. Потом поделил их на две группы. В первую отнес тех, кто родился в столичных, губернских и областных городах, во вторую—совсем уж «провинциалов» по рождению. Результат? 51:38 в пользу провинции.

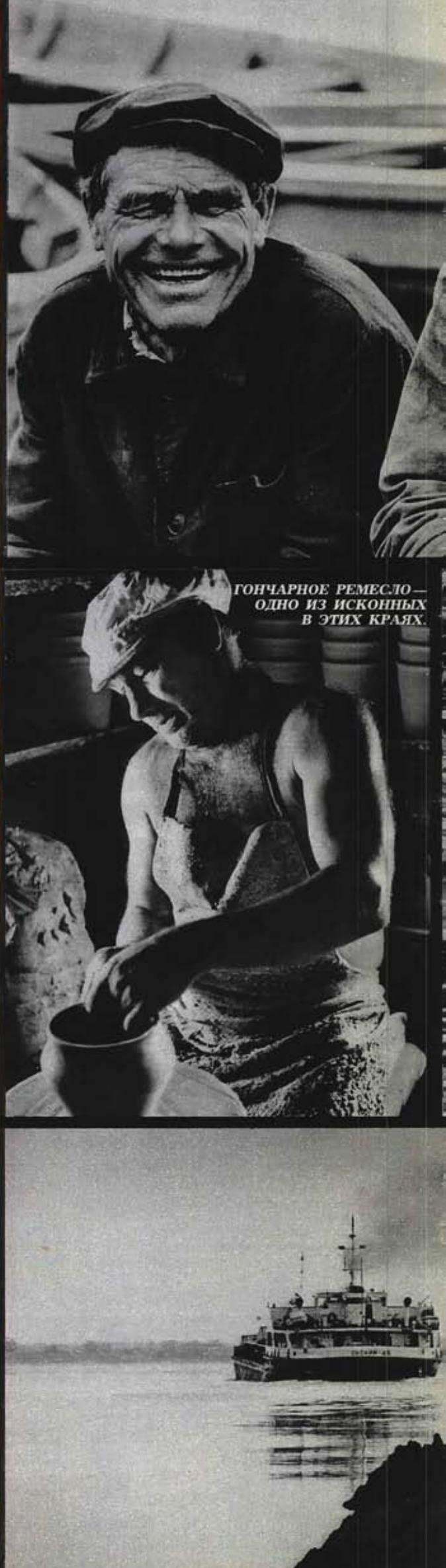
Гордятся своими знаменитыми земляками и в Меленках. Активной участницей двух революций В. И. Суздальцевой-Тагуновой; одним из организаторов Советской власти в Молдавии, Е. М. Бенедиктовым; художником О. В. Розановой, на могиле которой выступал Луначарский; литературоведом, академиком П. И. Лебедевым-Полянским; наставником космонавтов Н. П. Каманиным... А сколько докторов наук, профессоров, окончивших школу в Меленках, называли мне!

Нет, «провинциал» слово не обидное. Обыдно обвинение в провинциализме. А это, извините, понятие совсем не географическое. Провинциализм—это душевная, а не территориальная отдаленность от сокровищ культуры и науки.

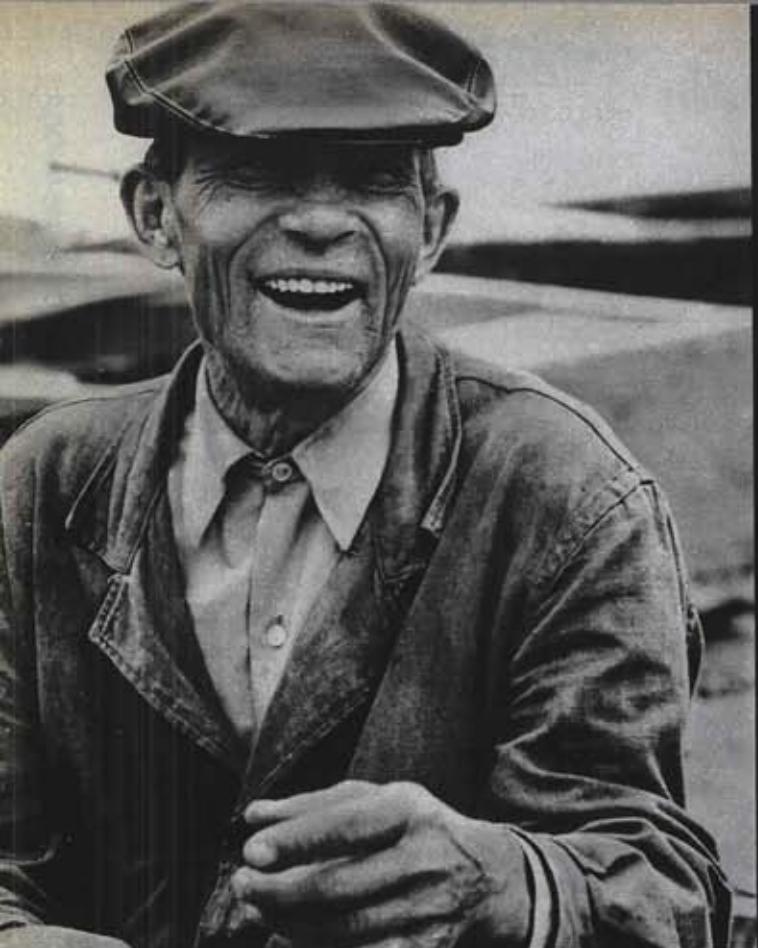
Однажды я уже рассказал о Меленках в центральной газете и получил на свое выступление немало откликов. Один среди них был очень сердитый. Московский инженер упрекал меня в желании воздвигнуть шлагбаум на пути урбанизации, в излишней и непонятной ему любви к старым деревянным домам маленьких городков, в идеализации провинции. Что ж, на сей раз я вообще обошелся без описания каких-либо красот, предоставив читателям возможность самим оценить их по фотографиям. Но если говорить серьезно, то и тогда, и сейчас заставила меня взяться за перо отнюдь не ностальгическая тоска по патриархальному быту. Ведь даже создатели ультрасовременных городов стремятся спланировать в них так называемые промышленно-жилые комплексы—своевобразные сплеки с наших старых маленьких городков, в которых можно будет сохранить «провинциальные» взаимосвязи—отношения людей между собой, отношения с природой, с естественным и необходимым физическим трудом, а также разумные и несуетные отношения людей со своим свободным временем. Это, если так можно сказать, архитектурные уроки провинции. Но куда важнее ее нравственные уроки. Их нельзя сбрасывать со счетов и в наш стремительный век.

Таких городов, как Меленки, городов рядовых—тысячи в нашей стране. Они, как старые солдаты,—и на вид не очень-то бравые, не часто попадавшие в объектив фотокорреспондента, но отбывшие войну «от» и «до», не ставшие героями по званию, но заслужившие наш низкий поклон за то, что честно и достойно прошли все выпавшие на их долю битвы и после вернулись к своему прежнему, скромному, но необходимому стране труду. На таких, говорят, земля держится.

ДОБРАЯ ШУТКА—ДЕЛУ ПОМОЩНИЦА.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО—
ОДНО ИЗ ИСКОННЫХ
В ЭТИХ КРАЯХ.

ЮНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ КАРТИНГА.

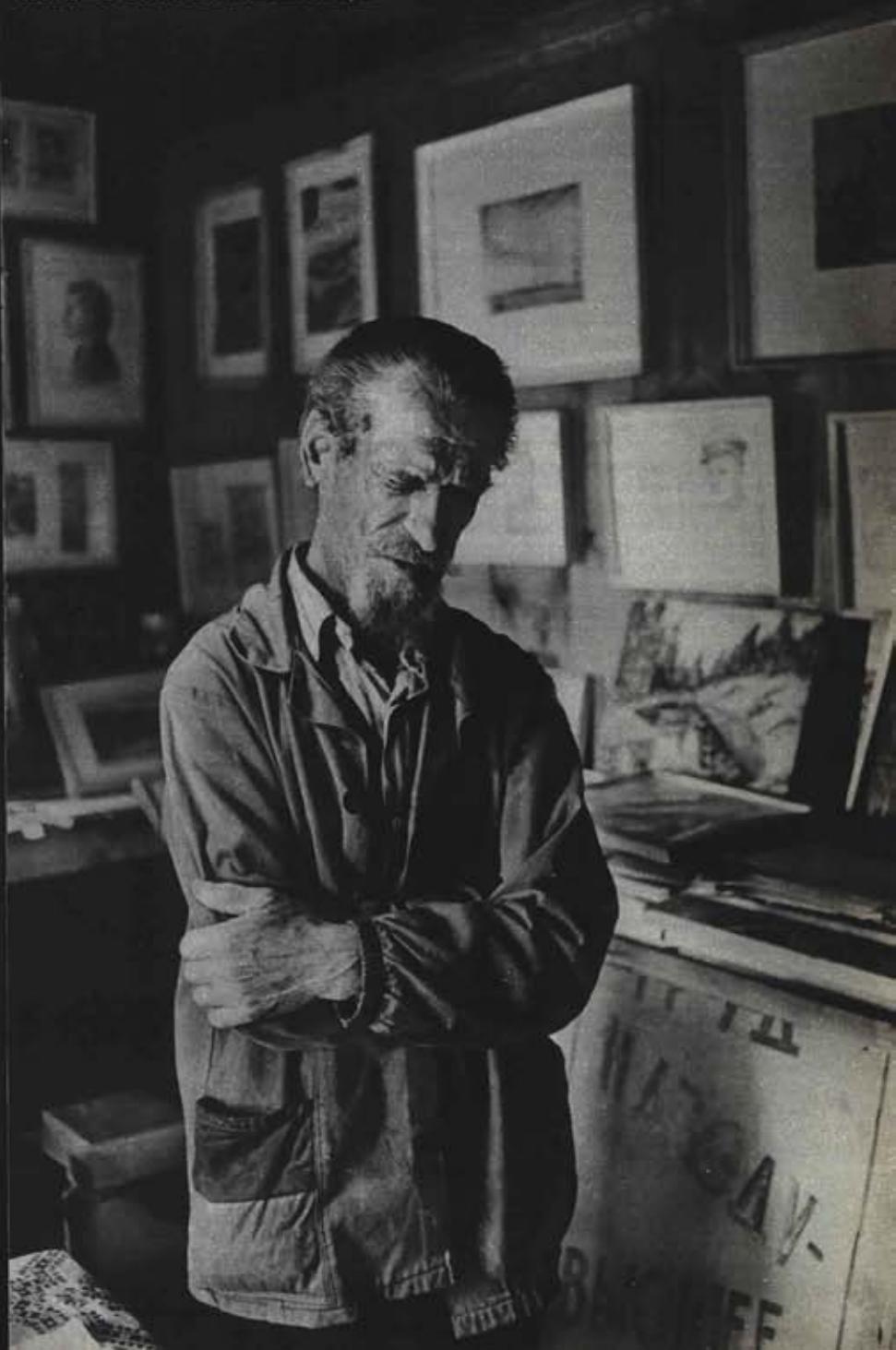

РОДНИК
И РОДИНА —
ОДНОГО КОРНЯ.

ОТ МЕЛЕНКОК ДО ОКИ — РУКОЙ ПОДАТЬ.

КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ЩЕПКИНА
ХОРОШО ЗНАЮТ МЕЛЕНКОВЦЫ.

Из стен Нижегородской гимназии в разгар занятий выпорхнула «сизяка», как называли воспитанников этого учебного заведения за цвет форменной одежды, было непросто. Бдительность инспектора, надзирателей, помогавшего им сторожа казалась неусыпной. И все-таки в тот пахнувший весной день ученик четвертого класса Яков Свердлов смог преодолеть все преграды. После третьего урока, пользуясь шумом перемены, выбрался на улицу и сразу затерялся среди многочисленных пешеходов.

Знал: за нарушение гимназической дисциплины спросят несомненно. Но лишь бы никто не остановил сейчас. Иначе все сорвется, все, ради чего предпринят этот шаг. В последний путь предстояло проводить бывшего студента Московского университета Германа Ливена, земляка-нижегородца. О его трагической смерти говорили вслду. Весь о ней поразила и членов семьи Свердловых. Про «мученика, решившегося на самосожжение», Яков узнал от старшего брата. Оказывается, полиция давно следила за Германом, подозревая его в связи с членами недозволенного кружка. Дважды арестовывала. Но из-за отсутствия улик выпускала на волю. Очередное заключение в Бутырскую тюрьму было третьим по счету. Столь же, впрочем, бездоказательным, как и предыдущие. Создание личной бесправности, незащищенности от полицейского произвола угнетало Германа. Как освободиться из стена одиночной камеры? Такой возможности он не видел. И тогда, находясь в состоянии отчаяния, он привязал себя к койке, облился керосином, что был припасен для заправки лампы, и чиркнул спичкой... Смерть от ожогов наступила через два дня в тюремной больнице.

...Вот и траурная процесия. Гроб на руках несут молодые люди, такие же, как Герман, студенты. Сосланы в Нижний Новгород из разных мест России за причастность к революционной деятельности. Колонна растянулась на несколько кварталов. Свердлов быстро сориентировался: занял место в одном из ее рядов, оказавшись локоть к локтю с мастеровым в суконном бушлате. Где-то впереди грянули звучавшие набатом слова: «Вы жертвой пали в борьбе роковой...» — и колонна дружно подхватила песню, вызвав переполох среди находившихся поблизости полицейских.

Ничто не укрылось от внимательных глаз, не пролетело мимо чутких ушей Свердлова. Он догадался, что присутствует не просто на похоронах. Нет, траурное шествие превратилось в своеобразную политическую демонстрацию. Возникла она вроде бы стихийно. А фактически?.. Кто-то сумел обо всем подумать заранее, предусмотрев развитие событий до мельчайших деталей, застраховавшись от неожиданностей. Потому-то полицейские чины и не смогли ничему помешать.

Не первый ли организаторский навык удалось приобрести Якову Свердлову в результате этого наблюдения?

Понятно, что это всего лишь догадка. А вот факт, зафиксированный журналом «О манифактурах и преступках учащихся», который воспитанники Нижегородской гимназии называли обычно «кондитором». День похорон Германа Ливена получил отражение в этом документе следующей записью: «8 апреля 1899 года Свердлова не было на 4-м уроке». И резолюция: «9 апреля оставлен (после занятий.— В.П.) на 2 часа». Самоволие гимназиста не осталось тайным. Оценено штампованным наказанием. «Санкция могла бы стать иной, окажись автор кондиторской записи посвежее...

Запомним эту дату. В жизни Свердлова будет еще не одно памятное 8 апреля. А начиналась эта жизнь так.

...Родился 4 июня 1885 года в Нижнем Новгороде. Отец Свердлова был гравером-печатником. Имел маленькую мастерскую в центре города. Приобрел ее несколько лет назад, переехав сюда с семьей из Саратова. Яков — третий ребенок в семье. Восьми лет стал посещать трехгодичную начальную школу. Был одним из первых учеников. Подтвердил это и успешной сдачей экзаменов при поступлении в Нижегородскую гимназию. Запомнил читал Жюля Верна, Вальтера Скотта, А. Конана Дойля, Д. Фенимора Купера. Стремился быть сильным, ловким, выносливым. И честным, как подобает великодушному рыцарю, который всегда на стороне добра в борьбе со злом.

Свердлову исполнилось всего четыре года к моменту издания на английском языке романа С. Степняка-Кравчинского «Карьера нигилиста». Он познакомился с книгой уже гимназистом, когда в 1898 году ее выпустили для русского читателя, но под другим названием — «Андрей Кожухов». Нельзя сказать, что Андрей Кожухов понравился безоговорочно. К нигилистам Свердлов симпатии не питал. Привлекательным было в главном герое романа то, что он целиком и полностью посвятил себя служению революционному долгу, действовал настолько же бескорыстно, насколько и самоотверженно. Позицию, которой постоянно придерживался, обозначил такими словами:

— Вся наша нравственная сила заключается в том, что мы социалисты.

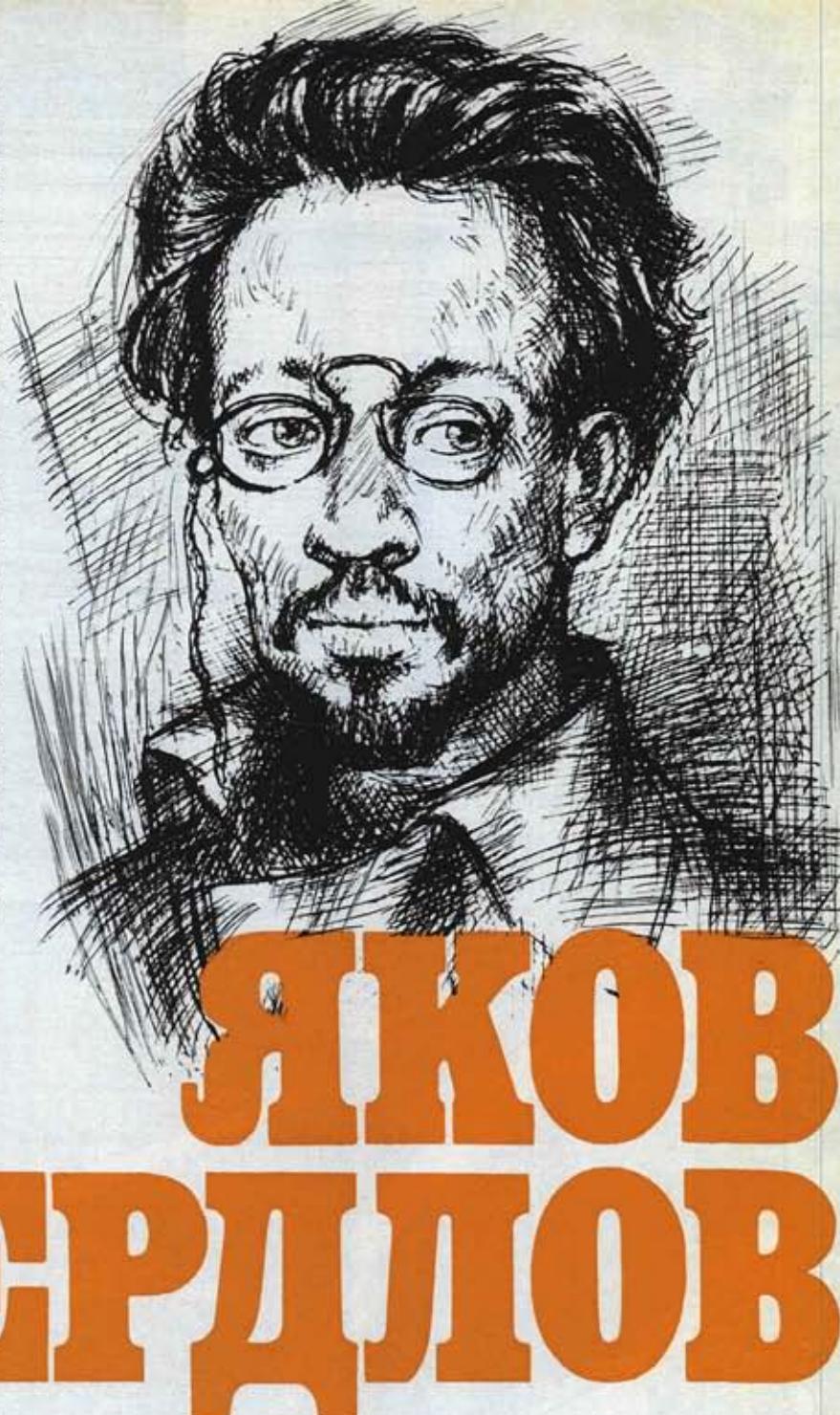
ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЮДЕЙ

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

Отбросьте социализм, и наша сила пропадет.

Книги, что читал сверх рекомендованного в гимназии, помогли создать фундаментальный кругозор — фундаментальный не по возрасту. А что дальше? Ответ находим в ленинской оценке, данной Свердлову: «...еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции». Наступил рубеж зрелости, способной здраво судить, искать верные пути в будущее. Именно в эту пору родилась концепция-доминанта, принятая как руководство к действию. Накануне своего тридцатилетия Яков Михайлович расшифровал ее так: «...сама борьба людей и с внешними условиями и между собой за господство новых начал жизни полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе — огромное наслаждение». Будто назидание современникам и потомкам: оптимизм — это качество сильных людей!..

Не этот ли оптимизм, беспредельная вера в силу завтрашнего дня помогли твердо встать на ноги? Детства мало, отрочества почти нет. Сразу — юноша. Зов призыва был услышан, сыграл мобилизующую роль. Сказалась и личная драма. Когда Свердлову исполнилось пятнадцать лет, умерла его мать. С гимназией пришлось рас прощаться. Из родительского дома перебрался в Канавино — один из пролетарских районов Нижнего Новгорода. Владелец аптеки

принял на работу учеником. Мыл мензурки, крутил «фантики» порошков. Часы досуга использовал для знакомства с населением рабочего поселка. Чаще всего бывал в зоне лесопильных заводов.

В сентябре 1901 года был создан Нижегородский комитет РСДРП. Секретарем его стала библиотечный работник О. И. Чачина, лично знавшая В. И. Ленина, выполнявшая ряд его поручений по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Она внимательно приглядывалась к Свердлову, наводила о нем справки. Наконец решила: «Можно доверять». После похорон Германа Ливена прошло всего два с половиной года, а революционное подполье получило уже опытного работника, выросшего из не-приметного «сизяка». Нет, самообольщаться ему было рано. О. И. Чачина часто критиковала за излишнюю горячность, нарушения правил конспирации. Но она же первой признала тот факт, что Свердлов вполне сложившийся член РСДРП. Партийный стаж у него начался с 1901 года.

Юному подпольщику дается одно задание ответственнее другого. Вот он едет в Саратов, где жила старшая сестра. Устраивается там на работу аптекарским учеником. Но вскоре возвращается в Нижний Новгород. А вслед за ним прибывает крупная партия нелегальной литературы. Проходит время, и предпринимается такая же командировка в Чистополь. Нижегородцы поддерживали тесные связи с социал-де-

мократической группой этого города. Иначе говоря, начался особый род деятельности. Смысл ее раскрыт В. И. Лениным: «В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера...»

Великие люди всегда провидцы. Умевшие подмечать то, что другим не дано. Таким был В. И. Ленин. Поняв закономерности общественного развития, он не жалел сил, пропагандируя революционные идеи. Разделяли их многие. Но одни пассивно, другие активно. Свердлов относился ко вторым, лидируя среди них по результативности усилий. Помогало этому политическое сознание. В рабочие кварталы молодой революционер шел не оттого, что за этим виделась объективная необходимость. Нет, ему там нравилось, его туда тянуло.

Члены Нижегородского комитета РСДРП признавали: работоспособен, инициативен, приверженец курса «Искры», по достоинству оценил и безоговорочно поддержал позицию большевиков на II съезде РСДРП, склонен к организаторской деятельности.

Все знающие Свердлова отмечали его острый ум. Сидят играть в шахматы — поражает партнера оригинальностью ходов. Прочитает очередную книгу — готов сразу же дать развернутую рецензию. Осваивая теорию, немедленно переводил понятое и осмыслившее в сфере практики. Это по достоинству

оценило Бюро комитетов большинства, созданное на исходе 1904 года в дополнение к Заграниценному отделу ЦК РСДРП. Для Свердлова начинается полоса постоянных разъездов. Некоторое время был в Ярославле. Потом маршрут: Нижний Новгород—Казань. Всюду представлял собой Бюро комитетов большинства. Таких полномочных лиц называли в то время «агентами ЦК». Молодой возраст—распространенное явление. Но и по этому «цензу» Свердлов держал первенство: летом 1905 года ему исполнилось только двадцать лет!

Революционное движение стремительно набирало силы. Все острой ощущалось «голод» на кадры партийных работников. Еще в июне 1905 года Н. К. Крупская писала Казанскому комитету РСДРП: «Сейчас работа везде страшно растет, спрос на людей и литературу прямо колossalный». Интересовалась: нет ли таких, кому на месте оставаться нельзя? Для Свердлова этот момент наступил в сентябре 1905 года. Вновь почувствовал, что попал под пристальное наблюдение агентов полиции. Пришло время волгарю расстаться с любимой рекой. Путь лежал на Урал.

...Мелькают за окном железнодорожного вагона ели, пихты, сосны. Леса таежные, дремучие. Пейзаж намного сорвее, чем в среднерусской полосе. А люди? Свердлов с нетерпением ждал первых встреч, бесед, оценок.

Вот, наконец, и перрон Екатеринбурга. Устроился на новом месте быстро. Уездный город Пермской губернии насчитывал сто улиц и пятнадцать площадей, пять с половиной тысяч домов, четыре банка. Заводских и фабричных труб несметное количество. Дымили густо. О масштабах промышленного производства можно было судить по сумме банковского оборота, которая превышала миллиард рублей. В России таких крупных индустриальных центров насчитывалось немного. Одним из первых, с кем довелось познакомиться, был рабочий Верх-Исетского завода П. З. Ермаков. Надежным помощником стал техник электростанции С. А. Черепанов.

Всех интересовали решения III съезда РСДРП, центральные вопросы: как готовиться к вооруженному восстанию, каким должно быть временное революционное правительство, какой тактики придерживаться в отношении к крестьянскому движению? Отвечал. Разъяснял. Излагал собственную точку зрения. Помогала уверенность в себе, основанная на всесторонне развитом политическом сознании.

В сфере человеческих отношений такие люди, как Свердлов, законодательствовали, утверждая простоту, доброжелательность, демократическую завершенность каждого своего шага. Так рождались традиционные формы внутрипартийной этики и морали, получившие массовое признание. Мы ими руководствуемся постоянно, не всегда и задумываясь, как пришли к этому. Мол, иначе быть не должно! В таком утверждении—сила завоеваний далекого революционного прошлого.

В 1905 году развернулась подготовка к очередному съезду партии. Екатеринбуржцы должны были направить на него своего делегата. Кого избрать? Сохранились воспоминания рабочего С. А. Глухих. По ним известно, что для обсуждения этого вопроса активисты социал-демократического движения собирались в одном из надежных домов. Свердлов раздал каждому из присутствовавших стандартные листки бумаги. Написавший фамилию делегата клал «буллетень» в шапку, служившую урной. Когда подвели итоги, то оказалось: все выдвинули одну кандидатуру—товарища Свердлова.

Съехавшиеся к 10 декабря в Петербург делегаты по предложению ЦК решили провести вместо съезда большевистскую конференцию. Она состоялась с 12 по 17 декабря в Таммерфорсе на финляндской земле. Уральский представитель опоздал: подвел волнения,

хватившие революционно настроенных железнодорожников, поезда ходили с перебоями. В Таммерфорсе он появился, когда конференция уже закончилась. Сорвалась возможность повидаться с В. И. Лениным, о которой так мечтал Яков Михайлович. Было горько и обидно. Когда еще представится такой случай?

На ожидание его ушло двенадцать лет. Их первая встреча состоялась в апреле 1917 года на VII Всероссийской конференции большевиков. Свердлов после этого никогда не расставался с вождем пролетарской революции.

А пока... путь снова лежал в Екатеринбург. Политическая обстановка к тому времени изменилась—начался разгул реакции. Свердлову пришлось переехать в Пермь. Большую помощь «агенту ЦК» в Перми оказывала его жена—Клавдия Тимофеевна Новгородцева, являвшаяся секретарем Пермского комитета РСДРП. Пост говорит сам за себя. Трудно назвать дело, к которому она не имела бы отношения. Занималась партийной пропагандой, распространением нелегальной литературы, устройством конспиративных квартир... Вместе с тем часто бывала на заводах и фабриках, пользовалась большим авторитетом среди социал-демократов. Когда пермские большевики избрали Клавдию Тимофеевну делегатом на IV съезд партии, это была радость для обоих супружеского. Впечатления, привезенные ею при возвращении, первым, конечно, воспринял муж. Он же дал и ряд ценных советов, как лучше достичь решения съезда до сведения широкой массы революционно настроенных рабочих. Сообщил новости, которых Клавдия Тимофеевна еще не знала: есть теперь у Пермского комитета РСДРП своя типография, наложен выпуск листовок, прокламаций. Новый размах получила военно-боевая работа...

Между тем судьба приготовила сурое испытание. 10 июня 1906 года Свердлов и Новгородцева были арестованы. При Якове Михайловиче имелись документы Льва Сергеевича Герца. Под этим именем он и числился среди заключенных, пока не счел нужным раскрыть себя. «Не унывать!» — вот команда, которую давал сам себе профессиональный революционер, когда обстоятельства складывались не в его пользу, умел строго ей следовать, мобилизуя для этого всю свою волю.

А теперь—несложная арифметика, раскрывающая героизм яркой личности. Всего прожито менее 34 лет. Из них 11 ушло на тюрьмы и ссылки. Первые 14—пора «разбега». Остается 9. Лишь о малом, что было сделано за эти годы, рассказано вкратце выше. А о многом и не упомянуто. Назовем лишь несколько из наиболее памятных вех: 1912 год—Свердлов кооптируется в члены ЦК РСДРП, вводится в состав Русского бюро ЦК, становится одним из редакторов «Правды», 1917 год—Свердлов на VI съезде РСДРП(б) выступает с организационным отчетом ЦК, осенью—один из руководителей подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции, с 8 ноября—председатель ВЦИК, высшего государственного органа Советской республики.

К числу первоочередных забот председателя ВЦИК относились дела, связанные с разработкой Конституции РСФСР: Свердлов возглавлял специально созданную комиссию. 8 апреля 1918 года выступил на заседании ВЦИК с речью о национальном флаге Российской Федерации. Каким он должен быть? Таким, отметил оратор, «с которым мы шли на борьбу с самодержавием и с буржуазией», «ни один революционер не станет возражать против того, что красный флаг... останется национальным флагом». То было тридцать третье 8 апреля с начала жизни и деятельности Якова Михайловича Свердлова. До тридцати четвертого он не дожил. Память о нем в сердцах советских людей осталась на века.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

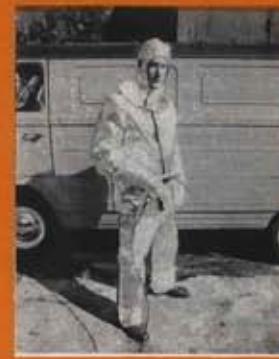

Смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1394) ИЮНЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
новый
костюм сварщика.

Фото
Владимира
ЧЕШВИЛИ.

- 1 «НЕВЕЛИК ГОРОДОК». Фotoочек Валерия ЕВСЕЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 4 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. Виктор ПАНКРАТОВ. «ЯКОВ СВЕРДЛОВ».
- 6 ЧИТАТЕЛЬ—«СМЕНА»—ЧИТАТЕЛЬ. «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЫНУ».
- 8 Рассказ Леонида БЕЖИНА «ПОСЛЕДНИЙ КИНТО».
- 12 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС. Сергей СЕРГЕЕВ. «ЦЕХ ХХI ВЕКА».
- 14 Федор УГЛОВ, академик. «ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ». Беседа третья.
- 16 НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ. «ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНЫ».
- 18 Конкурс одного стихотворения «СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ».
- 19 «ЖАЖДА ПОНИМАНИЯ». Размышления над письмами читателей.
- 20 «ЧЕРНИГОВСКАЯ ДИКОВИНА».
- 22 Джульетто КЬЕЗА. «ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭСТРАДА: ПЕВЦЫ И ПЕСНИ».
- 24 СИЛУЭТЫ. Алексей ПЬЯНОВ. «ФЕДОР ГЛИНКА».
- 26 ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ. Беата БУШЕЛЕВА. «ГОСТЬ В ДОМЕ».
- 27 Мугаз КЕШТ. «СЕМЬ ЗВЕЗДНЫХ БРАТЬЕВ». Стихи.
- 28 Литературный глобус «Смены». Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Педер ХУЗАНГАЙ,
народный поэт Чувашии

Полем войны

Мы — над Западным Бугом. Признаться,
Не широк он. Заверить могу:
Если смелый захочет купаться,
То нырнет — и на том берегу.

Освежится, привычно встряхнется.
Крепкий торс, точно налит огнем,
Заскрят в лучах — и проснется
Дух язычества, дремлющий в нем.

Плотным мышцам под кожею тесно,
Загорелые грудь и спина...
Но совсем о другом моя песня,
Не такие теперь времена.

Колосится повсюду пшеница —
Но без лишних, как водится, слов
В ней сегодня стоят вереницы
Орудийных укрытых стволов.

Сколько щедрых полей Украины
Мы, присяге и долгу верны,
Исходили в лихую годину
По суровым дорогам войны!

Сквозь зеленые стебли пшеницы —
Маки, маки, — куда ни взгляни.
Нет числа им. Когда появиться?
Здесь, на поле, успели они?

До войны ли их здесь засевали
Или выросли сами? Как знать!
Средь колосьев в безмерной печали
Пламя алое стало пылать.

Поле, поле! Издревле прекрасны
И приволье твое, и покой.
На войне человек ежечасно
Тяготится своею бедой.

Красота? От нее отвыкаем...
Сколько маков цветет над рекой!
Это поле — мы все это знаем —
Сплошь забрызгано кровью людской.

1944.

Перевел с чувашского
Владимир АЛЕЙНИКОВ.

Роман ЛЕВИН

В книге лауреата Ленинской премии С. С. Смирнова «Брестская крепость» есть глава о мальчике, прошедшем через ужасы войны, а первые стихи этого мальчика, «Медальон», писатель включил в свою книгу. После войны автор «Медальона» работал фрезеровщиком, но стихи продолжал писать и, выпустив несколько стихотворных сборников, стал профессиональным поэтом. Представляя его однажды читателям, С. С. Смирнов писал:

«Мальчик из Бреста» — так называют Романа Левина защитники героической Брестской крепости. Он не был в стенах цитадели над Бугом, но страшный рассвет 22 июня 1941 года застал его в пионерском лагере в той же пограничной полосе, с первым залпом немецких пушек превратившейся во фронтовую полосу. Чудом оставшийся в живых, как и немногие защитники Брестской крепости, он, пройдя через круги фашистского ада, дожил до святого дня освобождения. И участники героической обороны недаром считают харьковского поэта, автора уже нескольких поэтических сборников Романа Левина своим побратимом: в его стихах звучат их мысли и чувства, их суровые воспоминания, их мужественный голос».

Ну что я знаю о войне...

Ну что я знаю о войне?!
Я не был на войне солдатом,
Но вот горит она во мне —
С весны победной
В сорок пятом.
Не мерз в окопах я, не мок
И не месил упрямую глину
Кирзою стоптанных сапог
От Сталинграда до Берлина.
Но почему всю жизнь тогда
О ней пишу и вспоминаю?
Что я о ней, нещадной, знаю,
Чем с нею связан навсегда?
Я бы присвоил не посмел
Чужую боль, чужую славу,
Но этот горестный удел,
Но это тягостное право —
Быть кровно связанным
С войной!
Вернее, с тем пролитием крови,
Что в скорбной памяти
Надгробий
И в долгой памяти иной.
Солдаты гибли на фронтах
И умирали в лазарете,
А женам, матерям и детям
Хватало смертных мук и так.
В аду бомбежек и блокад,
Как на передовой, по сути,
Война входила в наши судьбы,
Война пытала всех подряд.
Бредя дорогами войны,
Пацан подробней и детальней
Ее увидел не с батальной,
А с повседневной стороны.
Ну что я знаю о войне?
Солдатом не был я, но свято
Я помню главное о ней —
Весну Победы в сорок пятом.

Лебеди в Брестской крепости

Подмывает вода кружевные закраины.
Любопытными клювами тронув ледок,
Белый лебедь плывет с белокрылою краleю
В лабиринтах речных незамерзших проток.
Отразились в реке крепостные развалины,
Оголенные вербы и сваи моста.
Легендарных фортов имена и названия,
Словно свет, осенила собой красота.
Не припомнит никто, чтоб когда-нибудь лебеди
Прилетали сюда посреди декабря,
В мягком шорохе крыльев, в гогочущем лепете,
Угощены из рук человека бера.
Изгибаются шеи легко и возвышенно,
Далью лет и судьбы своей отрешены
От гремящего над головами и крышами
Из незримых динамиков гула войны.
Имитирует запись то утро. Над полднями,
Над закатами каждые четверть часа
Сотрясается небо, чтоб знали и помнили
Те, кто, к счастью, войны не видали в глаза.
Вот она, грохоча, к рубежам приближается,
Крестоносные крылья во мгле распластав,
Вот она в крепостных казематах сражается,
Полыхает огнем пограничных застав.
Говорят Левитан, трагедийно вестью
Потрясая сердца, поднимая страну.
Безымянных солдат лебединая песня —
Брест, где выпало встретить и кончить войну.
В первый день, и назавтра, и через неделю
Здесь их жертва и здесь их победа была.
Это белые лебеди к ним прилетели,
Это юность недолгая их ожила.
Это письма родных, что всю жизнь их искали,
Это платья невест, что белели вдали,
Это выюги, что бугскую гладь расплескали,
Это смуты, что мир и покой обрели.
Словно память по незамерзающим водам,
Как любовь и надежда, что в сердце живут,
В нашем мире тревожном сквозь годы и годы
Пусть всегда лебединые стаи плывут.

ВОЗ

Читатель —
«Смена» —
читатель

аждому человеку перед объявлением приговора представляется последнее слово. Специальный корреспондент «Смены» В. Попов своим открытым письмом, опубликованным в журнале, устроил своего рода общественный суд надо мной. Многое из сказанного в том горьком для меня письме изображает мои отношения с Игорем не совсем так, как они складывались в действительности. Поэтому я решил использовать свое право на «последнее слово».

Сразу скажу, что руководствуясь в данном случае не только и не столько желанием самооправдаться. В конечном счете корреспондент прав, утверждая: «Если сын растет никудышным гражданином, значит, виноваты родители, и в первую очередь отец». Согласен, это, наверное, аксиома. Вот только понимание ее приходит иногда слишком поздно. Как случилось это и со мной. О многом я передумал за год, прошедший после ареста Игоря. И потому просто хочу поделиться некоторыми мыслями с молодыми отцами, чтобы кому-нибудь еще когда-то не пришлось провести долгие дни в думах над открытым письмом, полученным мною.

Начну с конца. Недавно я побывал в колонии, где уже около года находится сын. Увидел высокий забор с колючей проволокой, за которым Игорь отбывает наказание. Разговаривал с воспитателями, учителями, начальником колонии. Об Игоре все отзываются только положительно. Он входит в состав актива, помогающего педагогам. Разве это не говорит о том, что в парне семьи были заложены и хорошие качества? Вот почему эти качества не проявились раньше? Думаю, этот вопрос стоит задать не только мне, но и всем, с кем сталкивался Игорь до своего осуждения. И прежде всего школьным учителям, видевшим в моем сыне лишь лентяя, двоечника и грубянина.

В одной из комнат административного здания колонии очередной прием вел юрист. Он разрешил мне присутствовать на беседах с колонистами. Один за другим в комнату входили коротко стриженные ребята в одинаковых синих формах с фамилиями на кармане. Спокойные, вежливые, выдержаные. Спрашивали в основном, как добиться условно-досрочного освобождения.

У большинства оказалась та же 206-я статья Уголовного кодекса, по которой за хулиганство был осужден и Игорь. Дрались в разных местах и по разным поводам. Как правило, «зарядившись» спиртным.

Я спрашивал ребят, что толкнуло их на преступление. В чем видят сами они теперь, проведя год-два в колонии, причины отклонений от нормального пути. Ответы в основном сводились к тому, что было слишком много свободного времени и они не знали, как правильно им распорядиться. И еще влияние старших друзей, вожаков компаний, подобных Шмыреву.

С тревогой ждал я, не укажет ли кто на семью. Нет, ни один не сказал, что виновником своего осуждения считает родителей, отца.

Наконец наступила минута, из-за которой я prodela nеблизкий путь. В помещение для свиданий вошел Игорь... Сильно похудел, исчезли по-детски пухлые щеки, тоньше и длиннее стала шея. Особенно поразила меня стриженная голова.

Довольно долго мы смотрели друг на друга. Словно заново знакомились.

— Здравствуй, Игорь, — выдавил я из себя.

— Здравствуй, папа, — услышал в ответ.

Как давно он не называл меня «папа»! Последнее время все обходился «отцом», а то и вовсе без

ВРАЩЕНИЕ ВНУ

Взаимная ответственность поколений, их умение понять друг друга, увидеть за частностями общие заботы — залог нравственной силы, морального единства общества.

Очень разные и интересные отклики пришли в редакцию на публикацию открытого письма отцу Игоря Прохорова («Чужой сын», № 22, 1984 г.). Напомним читателям, что в этом письме шла речь о суде над подростками, избившими незнакомого им человека только за то, что он не прошел мимо их хулиганских выходок.

Получила редакция письмо и от самого Сергея Гавриловича — отца Игоря Прохорова, к которому обращался наш корреспондент через журнал. Письмо это, нам кажется, заслуживает того, чтобы быть опубликованным.

обращения. Да и разговоров, признаться, сколько-нибудь долгих у нас уже давно не получалось. Спросишь: «Как дела?», он отмахнется: «Нормально». И за дверь. Как, видимо, и во многих других семьях, сыновья которых теперь здесь. «Слишком много свободного времени».

Поговорили о распорядке дня, учебе, работе.

— Трудно жить по режиму?

— Первые месяцы было трудно. Теперь уже привык.

О самом преступлении и суде мы не говорили. Лишь в конце свидания я попросил у сына прощения.

— За что? — удивился Игорь.

— За то, что ты здесь. Два года в колонии... Плохо, значит, смотрел за собой. Просмотрел...

— Ты тут ни при чем, — отрезал сын.

У меня словно гора свалилась с плеч. Дорогим подарком прозвучали эти слова похудевшего, по-взрослевшего сына. Вот так-то, товарищ Попов, подумал я. Пишите, что придумаете, клеймите, как хотите, а родной сын, моя плоть и кровь, на меня не в обиде. У него своя жизнь, он совершил собственную ошибку, добровольно выбрал себе друзей и теперь сам искушает вину за совершенное преступление.

Но это я только поначалу обрадовался. Первые несколько дней после свидания ходил спокойный. Потом уже, значительно позже, пришли новые мысли.

Да, я, конечно, могу отделить себя от преступления, совершенного Игорем. Здесь я действительно «ни при чем». Поэтому, кстати, а не по каким-то другим причинам я и не пошел в суд.

Но могу ли я, имею ли моральное право отделить себя от сына вообще? Снять с себя родительскую ответственность за то, что вырастил не того человека, какого хотел бы? И разве не логическим завершением нашего взаимного отчуждения, «несложившихся отношений», как правильно пишет корреспондент «Смены», стал тот трагический для нашей семьи «обычный зимний вечер»?

Сын по молодости лет мог не видеть всю цепочку. Юность не задумывается над глубиной причинно-следственных связей. Но мы-то, взрослые, и, видимо, родители в первую очередь, должны же задумываться. И я снова и снова вчитывалась в строки открытого письма. Мысленно искал ответы на жесткие, справедливые вопросы, поставленные передо мной журналистом.

«Как вы допустили, что единственный сын совершенно перестал считаться с вами?»

А ведь действительно перестал. Хотя бы потому, что даже внешне выглядел совсем не так, как мне бы хотелось. Когда это произошло? В шестом он как будто был еще вполне управляемым, послушным мальчишкой. А вот в седьмом Игоря словно подменили.

Нет, я не считал воспитание сына «тяжкой обузой», немужским занятием. Но если быть до конца честным, то действительно излишне передоверился жене и школе. Как-то так получилось, что все родительские собрания посещала именно жена. И опять люблю себя на неполной правде. К сожалению, получилось это не случайно. Я просто не сумел найти общего языка с классным руководителем и некоторыми другими учительницами.

Когда Игорь стал хуже учиться, мне показалось, что виновны в этом как раз педагоги. Дома ничего не изменилось, парень вроде тот же, и вдруг в пятом классе посыпались двойки. На собрании я услышал упреки в свой адрес. К публичному унижению не привык, всхлипал и высказал в ответ свою точку зрения. Естественно, после этого в школу стала ходить только мать. Как будто ничего особенно тревожного она не приносila, я и успокоился.

Дальше В. Попов спрашивает: «Кто должен был открыть Игорю истинное обличье нового «друга»? Полагаю, что вы, Сергей Гаврилович. Но вы вряд ли даже знали в лицо Шмырева».

Действительно, я никогда не видел в лицо этого, как выяснилось, ближайшего друга и «поводыря» Игоря. Компания Шмырева стала еще одним предательским «союзником» в моих отношениях с сыном.

Все мальчишки растут в компаниях — уличных, дворовых. Так было в мое время, почти тридцать лет тому назад, так водится и теперь. Наверное, это закон возрастной психологии — для подростка важнее всего общение со сверстниками. Все мы прошли через это. И ничего плохого в принципе тут нет. Ну, а если в частности...

Вот я думаю: узнай я вовремя, с кем связался мой сын, что можно было бы сделать? Ведь притяжение сверстников куда сильнее родительских нотаций... Нет, опять я выискиваю для себя самооправдание. Сделать наверняка можно было что-то. Ведь я радиолюбитель с большим стажем. До шестого класса и Игорь любил выходить со мной в эфир. Потом куда что подевалось. Мне даже обидно стало: ну, не хочешь, так не хочешь. А пригласи я их тогда вместе с Мишкой Шмыревым, вдруг все сложилось бы иначе...

Сейчас, когда я знаю исход моих несложившихся отношений с сыном, я вижу и еще один выход из положения. Года три назад с нашего предприятия уволился хороший специалист. Выглядело этоувольнение очень странно. В коллективе он пользовался большим авторитетом, работал с увлечением над перспективной темой, сущившей ему научную степень, и вдруг...

Слышал я краем уха, что у него неладно с сыном, но тогда не придал этому значения. Недавно разыскал, поговорил. Ситуация оказалась очень похожей на мою. В старших классах, начиная с седьмого, его сын сильно задурял. Отец в отличие от меня не пустил дело на самотек. Ходил часто в школу, пытался записать сына в кружки, брать с собой в походы. Видел: все бесполезно — компания явно перетягивала. Сын все сильнее грубил, все меньше считался с родительскими словами, и тогда отец пошел на крайнюю меру: их семья переехала в другой город. Недалеко от нашего, но окружение сменилось полностью. Не сразу, но парень выправился. Окончил школу, теперь уже студент института.

Вот, оказывается, и такой метод есть в арсенале борьбы с «трудностью» собственного сына, его привязанностью к плохой компании. Только родителям надо уметь жертвовать своим благополучием. Раньше я этого не понимал.

Знал ли я, чем может кончиться отчуждение Игоря от дома, от семьи, его плохая учеба, полное растворение в молодежном «балдже»? Честно скажу: не думал, что мой сын способен совершить преступление, не мог в это серьезно поверить. Всегда считал, что преступники вырастают совсем в других семьях. В подобных Шмыревой, как она описана в открытом письме.

«Почему классически «трудная» семья Шмыревых и не менее классически «благополучная» семья Прохоровых вырастили, по сути, одинаково запущенных и распущенных детей?»

Такой вопрос задал мне и предложил задуматься, почему так произошло, корреспондент «Смены». Что ж, как ни горько, но приходится признать его правоту. Да, одинаковое преступление, одинаковое наказание, одна компания. При всей разнице наших семей был в них один общий враг. Одним словом его можно назвать — «инерция». Жизнь день за днем, месяц за месяцем шла в наших семьях по заданному поряд-

ку: у Шмыревых — выпивки, ругань, рукоприкладство, у нас — лаковый и хрустальный порядок, телевизор, мое хобби — радиодело. И от того, и от другого нашим детям хотелось убежать. Они и убегали.

Что-то неладное я чувствовал давно. Кажется, это называется моральным дискомфортом. Время от времени пытался даже поговорить с Игорем. Но ничего путного не получалось. Он лишь ждал момента, когда закончится моя нотация и можно будет удрать. Я видел это, злился и вместо спокойного задушевного разговора срывался на осуждение его поведения, а то и угрозы. Нужен был какой-то совсем другой подход. Но всерьез поискать его я так и не успел. Инерция!

«Чем вы его встретите? Упреками и презрением: дескать, подвел семью, уронил фамильную честь? Или сумеете увидеть, оценить и осмыслить и свою долю вины в преступлении?»

Думаю, на эти вопросы я уже ответил. Игорь был, есть и всегда будет моим сыном. К сожалению, единственным. В свое время не сумел убедить жену родить второго ребенка. Сын или дочь могли бы стать мощным, самым искренним и надежным союзником в воспитании старшего брата.

Наконец, о «любви к близким». В нормальных семьях это чувство, конечно, присутствует, является фундаментом домашнего очага. Когда Игорь был маленьким, любви в наших отношениях вполне хватало. Но, прокручивая сейчас по совету корреспондента ленту памяти, вижу, что с годами все менялось не в лучшую сторону. Появились недовольство, раздражение, стыд. Стыд за сына, стремительно приобретающего черты «трудного» подростка. И за себя, бессильного пресечь это движение.

Может быть, главный урок пережитого мной заключается в том, что я в корне переосмыслил свою семейную жизнь, посмотрев на нее не только своими глазами, но и со стороны? И глазами сына в том числе. И мне стало ясно, что у Игоря тоже хватало поводов быть недовольным, огорченным, раздраженным...

В колонии я спрашивал ребят, часто ли они получают письма от родных, сами пишут домой. Ответы были разные. Некоторые и пишут, и получают письма регулярно. Видно, что они скучают по дому, рвутся в родную семью. Другие относились к переписке спокойно. А один парнишка меня поразил: «Не писал и не собираюсь».

До нашего свидания Игорь писал редко и мало. Уже после моей встречи с ним пришло два длинных письма. Но дело, конечно, не в количестве строк. Изменился сам тон его писем. Был сухим. Стал теплее. Так что надежда на то, что «из тлеющих под пеплом угольков удастся раздуть спасительное пламя», заметно окрепла.

И последнее, чем хочется мне поделиться с отцами ребят, отбывающихся от дома. И что я вынес опять же из посещения колонии. Так вот: на мои вопросы, почему свободное время ребята проводили обязательно на улице, в компании, где выпивка считалась непременным занятием, почему не оставались дома, с родными, они все отвечали в один голос: «Дома неинтересно». Понимаете? Неинтересно! Вчера, сегодня, завтра... месяцы и годы. Тут, по-моему, нам, родителям, есть о чем думать и думать.

Секции, кружки, клубы могут найтись. Но за нравственное становление, за обретение нашими сыновьями человеческого достоинства ответственны прежде всего мы, отцы. Спасибо «Смене», что она помогла мне, хоть и с опозданием, осознать эту истину. Всем семьям, всем родителям я желаю понять это как можно раньше.

С уважением.

С. Г. ПРОХОРОВ.

Рассказ Л. Бежина, который мы предлагаем сегодня вниманию читателей, ясно и непримиримо раскрывает всю губительность стремления некоторых людей «утопить в вине» те сложные проблемы, которые встречаются в их жизни. В результате рушится семья, уродуется внутренний мир личности, отворачиваются самые дорогие люди...

Думается, рассказ не оставит читателей равнодушными и они расскажут в письмах о тех уроках, что вынесли из него.

Леонид БЕЖИН

РАССКАЗ

Удивительная вещь! — говорит Лев Валерьевич Зимин, мужчина к сороку, с покатыми плечами и большим лицом, который до сих пор занимает должность младшего научного сотрудника одного московского института, и в его словах вместе с желанием заинтересоваться слышатся нотки вызова и готовность обидеться, если с ним не согласятся, не поймут, не проявят должной внимательности. Одет он в домашнюю кофту с разными пуговицами и тренировочные брюки, застиранные до неопределенного белесого цвета и давно потерявшие форму, на его огромных босых ногах женские шлепанцы с пушистыми помпонами, и, глядя на него, никто не скажет, что он причастен к тайным органической химии, у себя в институте носит выглаженный белый халат и весь его стол заставлен колбами и пробирками с искусственными смолами. Из комнат его вытеснили дети, мешающие ему своей беготней и криками, поэтому сейчас он сидит на порожке кухни, держит перед собой раскрытую библиотечную книгу и бледечко с пенками клубничного варенья, которое варится на плите. И говорит он это, обращаясь к жене Светочке, маленькой рыжеволосой женщине, работающей в том же институте, но к тому же успевающей заниматься детьми и хозяйством.

— Удивительно! Ты когда-нибудь слышала о кинто? В старом Тифлисе так называли людей, праздно шатающихся по городу и проводящих время в пирамидах, дружеских застольях и всевозможных приключениях.

Жена отвечает мужу одним из множества беглых взглядов, которые она успевает бросать на кастрюлю с вареньем, закипающий чайник, моющуюся в раковине посуду и наполовину накрытый к обеду стол, и тем самым как бы подчеркивает, что при всем ее внимании к удивительным вещам она вынуждена заботиться о вещах обычных и прозаических, поскольку этого, кроме нее, никто не сделает. Лев Валерьевич чувствует адресованный ему упрек (Светочка со вчерашнего дня просила закрепить фанерку, вставленную в дверь террасы вместо разбитого стекла, и подкачать шины детских велосипедов), но по-мужски заставляет себя сдержаться, и зачерпывает ложечкой пенки клубничного варенья, и словно бы сравнивает их вкус с таким же сладким плодом собственного воображения.

И всеми своими мыслями он там, среди уличных шарманчиков, бородатых жандармов и беспечных кинто, и ему кажется, что он высоким голосом поет грузинскую песню. Жена устало вздыхает:

— Фанерку бы закрепил. Или ты решил теперь стать кинто? Но ведь ты же не грузин! У тебя равнинный темперамент!

Она смеется, как бы смягчая свой смех готовностью тотчас же стать серьезной и понимающей, если он вдруг обидится и сочтет себя задетым. Лев Валерьевич, раз уж он решил быть мужчиной, великодушно прощает жене и этот смех, и назойливые напоминания о фанерке.

Главное не в темпераменте, а в отношении к жизни, — говорит он, забирая назад свою книгу и бережно закладывая страницу выцветшим календарным листком. — Можно и в Москве быть настоящим кинто.

Подобные разговоры часто возникали в семье Зиминих, и объяснялись они тем, что Лев Валерьевич страстью любил читать и отношение к книгам у него было свое, особенное, можно даже сказать, фантастическое. Он, к примеру, всячески избегал литературы, необходимой ему для работы, и его невозможно было усадить за специальный реферат или статью (может быть, поэтому он до сих пор не защитил диссертацию), но зато он сотнями проглатывал книги обоего профиля, не имеющие никакого отношения к искусственным смолам и проблемам органической химии. Лев Валерьевич зачитывался поэмами, драмами, романами, многотомными эпопеями, скрупулезными историческими исследованиями, справочниками и энциклопедиями, лишь бы они содержали нужную ему информацию. Информация эта была особого свойства. Льва Валерьевича не интересовали ни захватывающий детективный сюжет, ни хитросплетения любовной интриги, ни пикантные исторические подробности, ни красоты литературного стиля, а все его внимание целиком поглощал один странный предмет. Он выискивал в книгах способы жизни разных людей — от королей и полководцев до поэтов и отщепенников, от императриц и придворных дам до гетер и куртизанок — и извлекал рецепты, пригодные для его собственной жизни рядового горожанина.

Стоило ему прочесть, что древнегреческие философы вели беседы с учениками, прогуливаясь по саду, что в древнем Китае поэты писали стихи на пальмовых листьях, а среди индейцев Америки было принято носить у пояса сосуды с ароматическими веществами, чтобы по запаху вызывать в памяти то или иное событие, и Лев Валерьевич тотчас же подстраивал под это свою собственную жизнь. Беседы в саду — хорошо, вот и он будет философствовать у себя на даче, прогуливаясь под яблонями, совсем как Аристотель или Платон; стихи на пальмовых листьях — прекрасно, вот он возьмет зубчатый кленовый лист (не упаковать же до рабского копирования древних!), перепишет фломастером стихотворение Фета и преподнесет жене; изобретение американских индейцев — что может быть проще, он давно заметил тончайшую связь между запахом и воспоминанием, и в этом смысле он тоже индеец с перьями на голове и татуировкой на теле! Так он охотился за способами жизни, испытывая при этом хищный азарт коллекционера или собирателя древностей, но если коллекционер стремится к обладанию редкой и необычной вещью, то Лев Валерьевич мечтал отыскать или синтезировать наподобие искусственной смолы, свой способ жизни, который сделал бы его счастливым и всем довольным.

Его собственная жизнь, как он считал, складывалась не слишком удачно: и дома, и в институте Лев Валерьевич недобирал по шкале, недотягивал до планки и, словно бы взял разбег, останавливался у черты препятствия. Сколько раз он обещал себе бережнее относиться к жене, помогать ей в созидании

домашнего уюта, понимать и слышать ее, как понимают и слышат близкого человека! Светочка всеми силами стремилась к их общему семейному благу, включающему в себя и Льва Валерьевича, и его детей, и все то, что их окружало, но Лев Валерьевич словно берегся от этого общего, не доверял ему и старался сохранять неприкосновенным тот уголок, где мог зататься и спрятаться он один. Жена считала его замкнутым, тяжелым человеком с неуживчивым характером, непробиваемой стеной и к тому же не слишком аккуратным в быту (Лев Валерьевич упрямо не позволял выбросить белесые тренировочные брюки и шлепанцы с помпонами), дети словно не замечали его, и он передвигался по комнатах как некий посторонний предмет, залетевший сюда из другой галактики. То же самое происходило и в институте: рано утром он облачался в белый халат, и вокруг него образовалась вакуум, пустота, разреженное пространство, по которому ему передавались лишь условные команды и сигналы. Начальство отзывалось о нем как о заурядном работнике, без инициативы, без творческой искры, и поручало ему лишь самые неинтересные задания. Сослуживцы избегали приглашать на пикники и в гости. Буфетчица подсовывала черствый сыр и несвежую сметану. Одним словом, во всем ему упорно не везло, и Лев Валерьевич был слепо уверен, что дело лишь в рецепте — способе жить, который ему неизвестен, но который можно отыскать в книгах.

Поэтому он целыми днями читал, читал и читал. Он держал раскрытою книгу в рабочем столе, выдвигая ее тайком от начальства, он прислонялся с книгой к дверям метро и присаживался вечерами на порожек кухни. Уж если он по профессии научный работник, рассуждал Лев Валерьевич, и занимается синтезированием искусственных смол, то пусть это отразится и на его жизни: скажем, интерьер его кабинета напоминает лабораторию средневекового алхимика, повсюду стоят причудливые колбы и реторты, под тягами бушует зловещее пламя, а сам он похож на Фауста, носит какой-нибудь невообразимый костюм, а на плече у него сидит ворон! Вот тогда-то он показался бы всем человеком таинственным и загадочным, и никакая буфетчица не подсунула бы ему черствый сыр! Но, увы, ничего похожего в его жизни не было, и то ли по нерешительности самого Льва Валерьевича, то ли по вине всесильных обстоятельств (невообразимый костюм в обычном ателье не сошьешь, да и зарплаты не хватит!) получалось так, что его профессия — сама по себе, а жизнь — сама по себе.

— Пора обедать. Долго мне тебя ждать! — говорит Светочка, разлив по тарелкам протертый суп с гренками, который Лев Валерьевич ненавидит всей душой, но сказать об этом не смеет, потому что Светочка считает эти супы полезными и вкусными. Дети доедают второе и ждут вознаграждения за то, что ничего не оставили в тарелках. Они оба очень любят клубничные пенки, и Светочка хочет их обрадовать. Но оказывается, что пенки съедены Львом Валерьевичем: он настолько увлекся рассказом о кинто, что забыл о существенных детях.

— Мама, а пенки будут? — в один голос спрашивают Еремей и Устинька.

— В следующий раз. В следующий раз я обязательно вам оставлю. Я знаю, как вы их любите. — Последняя фраза Светочки обращена к мужу и служит ему упреком.

Лев Валерьевич смущен и растерян. Он сам не понимает, как ему удалось

ПОСЛЕД

опустошить целое блюдо клубничных пенок, и от стыда готов провалиться сквозь землю.

— Конечно же, в следующий раз! — малодушно подхватывает он. — Смотрите, сколько у нас клубники! Хватит на несколько банок варенья!

— Я хочу сейчас. Почему ты не оставила? — хнычет Еремей, не замечая восклицаний отца и упрямо обращаясь к матери, словно она виновата в исчезновении любимого лакомства.

— Я тоже хочу. Почему?! — требует свое Устинька, стараясь не отстать от брата и вовремя поделиться своей обидой, чтобы в будущем иметь с ним равные права на пеки.

— Потому что ваш папа их съел, — говорит Светочка, уставшая защищать и выгораживать мужа. — Обращайтесь к нему.

Несколько секунд дети растерянно смотрят то на отца, то на мать, не понимая, какую игру они с ними затеяли, но пустое блюдо из-под пенок возвращает их к суровой — без всяких игр — действительности.

— Зачем ты съел наши пенки?! Мы тебя не любим! — кричит Еремей, и Устинька, во всем старающаяся не отстать от брата, тоже подхватывает:

— Мы тебя не любим! Не любим!

Лев Валерьевич приоткрывает рот от изумления и как бы глотает эти слова, чувствуя их едкий вкус в горле. Его большое лицо краснеет, голова уходит в покатые плечи, и тапочки на огромных босых ногах кажутся совсем кукольными.

— Не любите?! И не надо! — с обидой отвечает он, бьет о пол блюдо, а затем вместе со Светочкой долго собирает осколки.

Лев Валерьевич привез жену с Севера, где он бродяжничал на закате вольных аспирантских лет с рюкзаком, с палаткой, в компании бородатых химиков, предрекавших великое будущее отечественным полимерам и слагавших под бульканье закопченного котелка незамысловатые туристские саги. Лева Зимин в ту пору тоже был молод и бородат, тоже предрекал и пророчествовал, подставляя костру промокшие кеды и выгорчавшую из котелка вареную картошку, перемешанную с тушеною (райское блюдо, пища богов!). На аппетит он не жаловался, чувствовал себя отменно здоровым и в своем собственном будущем был уверен так же, как в будущем полимеров. За высокий — метр восемьдесят четыре — рост и сорок седьмой размер обувь товарищи прозвали его Добрый Никитичем, а за успешные выступления на студенческих конференциях называли Менделеевым. В этих двух ипостасях — сылача Добрый и мудрого Менделеева — он и представал впервые перед Светочкой: она сидела на скамейке городского парка и чертила на песке химические формулы (готовилась к летней сессии), а он подошел сзади, прутком исправил ошибку и, когда она обернулась, улыбнулся ей широко и открыто. Одним словом, представил, покорил и увез.

ШИКИНО

Первые годы их жизни ему было особенно удивительно чувствовать, как вместе со Светочкой в его московской квартире поселилось нечто (неуловимое дыхание, вкус, запах?) северное, звонкое, морозное, похожее на название местечка, где она родилась,— Соломбала. И он восхищенно повторял на разные лады: «Соломбала! Соломбала!» Если бы у нее спросили тогда, чего она хочет больше всего на свете, она бы смело ответила: **такой жизни**. Не какой-нибудь необыкновенной вещи или возможности, недоступной другим людям, а именно жизни, такой, какая она есть. Эта жизнь нравилась ей, делала счастливой, наполняя ее целиком, и Светочка не могла даже представить, чтобы та же самая жизнь теперь внушала совершенно противоположные чувства тоски и отчаяния.

Но случилось именно так, и кто был виноват в этом, она не знала. Муж ни разу не предал ее, не совершил ни одного злодейского поступка, за который его можно было бы обвинить. Так, может быть, виновата сама жизнь? Жизнь изменилась, жизнь стала другой, они были просто не в силах этому помешать. А что, если жизнь состоит из их же собственных мелких и незаметных поступков, которые затем складываются во что-то крупное и значительное? Все эти вопросы они задавали себе, чувствуя неудовлетворенность и собой, и друг другом, и всеми людьми, которые их окружали. Лев Валерьевич возвращался домой усталым и раздраженным, жаловался на интриги в лаборатории, на то, что ему не дают продвинуться, перекрывают кислород, как он любил выражаться, а Светочка, слушая его, понимала, что никто ему не мешает, не перекрывает никакой кислород, просто он сам потерял интерес к полимерам, мономерам и искусственным смолам и Менделеев из него не выйдет. Она вовсе не отчаялась из-за этого и готова была ждать дальше — только бы ждать, стремиться к чему-то, он же словно нарочно замер на месте. Она видела на нем одни и те же тренировочные брюки, кофту и шлепанцы, слышала одни и те же просьбы о том, чтобы ему не мешали, и временами ей мучительно хотелось не быть с ним, уехать в Африку, в Гималаи или вернуться навсегда в Архангельск.

— Это что за новости! Одиннадцать часов, а ты не спишь! А ну, марш в кровать! Сейчас же! А не то я разбужу маму, и она тебя строго накажет! Ты слышишь?! Я не шучу! Марш сейчас же в кровать! — Лев Валерьевич не знает, как вести себя с сыном после недавней ссоры, и, боясь остаться с ним наедине, больше сердится на самого себя, чем на Еремея. На кухне горит настольная лампа и светится школа транзисторного приемника. Лев Валерьевич сидит на табуретке — одинокий, несчастный, ссутулившись, и его сиротливая тень похожа на отлетевшую душу. Перед ним — в круге желтоватого света — листок бумаги, вырванный из телефонной книжки. В руке — плохо наточенный карандаш с выпадающим грифелем. Еремей стоит на пороге кухни, босой, в ночной

пижаме, и щурится от яркого света. Волосы его всклокочены, одна щека намята подушкой, и в уголке губ застыла слюна. Видно, что он спал, но почему-то проснулся. Лев Валерьевич приглушает звук приемника и спрашивает уже спокойнее и тише: — Тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу пить, — отвечает Еремей, как бы поддаваясь более примирительному тону отца, но еще не настолько, чтобы высказать ему всю правду.

— Хорошо, налей себе воды. Из-под крана не пей. Из чайника. — Лев Валерьевич руководит действиями сына, выполняя лишь то, о чем тот просит.

— Папа, я сказал тебе неправду. Я тебя очень люблю, — шепчет Еремей, разглядывая линолеум и поджимая от холода пальцы босых ног.

— Вот оно что! — Лев Валерьевич чувствует, что у него першил в горле и глаза покидают от слез. — Поэтому ты не спал! Что ж, спасибо, мальчик. Я тоже тебя очень люблю и рад, что мы помирились.

Лев Валерьевич отворачивается.

— А что это ты пишешь? — Еремей показывает на исчерканный листок бумаги.

— Это? Вряд ли тебе интересно... Просто я вспоминаю кое-какие формулы. Мне нужно для работы. — Он все еще не решается повернуться лицом к сыну. — Знаешь, у меня это получилось нечаянно. Я сам не заметил, как съел эти дурацкие пенки. Такое ведь бывает, правда? Не стоит обижаться.

— Я не обижусь. Расскажи мне что-нибудь, — просит Еремей, тоже усаживаясь на табуретку и вместе с ней придвигаясь к отцу. — Расскажи немножечко. О рыцарях...

— А ты обещаешь, что после этого сразу ляжешь в кровать?

— Обещаю. — Еремей теснее придвигается к отцу.

— Ну, слушай. — Лев Валерьевич наклоняется к самому уху сына. — В одной восточной стране жили люди, называвшие себя странствующими рыцарями. Это не означает, что они были закованы в железные латы, носили на голове шлем и устраивали рыцарские турниры. Нет, они были рыцарями по духу, а их одежда порою ничем не отличалась от одежд других людей. Правда, они умели владеть мечом, были очень сильными и ловкими, но зря этим не хвастались и доставали меч из ножен только тогда, когда нужно было заступиться за несправедливо обиженного человека. А вообще они вели удивительную жизнь, полную всевозможных приключений. Люди радовались, когда их встречали. Крестьяне и дровосеки приглашали их в дом, а хозяева трактиров и постоялых дворов уготали вином и рисом.

— Папа, а почему ты не пьешь вина, а только соленую воду в бутылках? — спрашивает Еремей.

— Видишь ли, у меня немного пошаливает печень. К тому же главное не в вине, а в отношении к жизни. Без вина всегда можно обойтись.

— А почему мы с тобой больше не путешествуем?

— Наверное, потому, что у нас с тобой мало времени. Тебе надо готовиться к школе, ведь этой осенью ты идешь в первый класс. А я бываю занят на работе, да и дома достаточно дел.

— А помнишь, как мы раньше путешествовали?

— Конечно, помню, малыш. — Лев Валерьянович обнимает сына, как бы вспоминая вместе с ним то, что без него бы давно забылось и исчезло в глубине памяти...

В тот день они решили встать раньше всех и отправиться в путь ранним утром, но Еремей никак не желал просыпаться, и Лев Валерьянович с Устинькой долго трясли его за плечо и стаскивали с него одеяло, пока он, наконец, не приподнялся в постели и с сонной обидчивостью не посмотрел вокруг. «Скорее одевайся, соня несчастный!» — защептала Устинька, напяливая на старшего брата майку, рубашку, походную куртку с капюшоном и до самого подбородка дотягивая застежку-«молнию». Брюки и резиновые сапоги Еремей надел сам. Сам же нахлобучил старую зеленую фуражку, в которой Лев Валерьянович вернулся с военной службы (служил он на Дальнем Востоке, в погранвойсках), достал приготовленную с вечера суковатую палку, такую тяжелую, что идти с ней было гораздо труднее, но Еремей, как его ни уговаривали, не соглашался ее оставить. Лев Валерьянович по-походному пристроил ее на спине рюкзак, а Устинька взяла корзину для грибов, и втроем они двинулись.

Утренний воздух был прохладен и влажен, даже как-то тяжел от напитанности влагой, как-то странно недвижим, мягок и пуст, и в тумане едва заметно розовела дорога, поблескивая надгреснтыми зеркальными лужицами, кусты орешника едва удерживали на ветках снежные комья тумана, и узоры белой грибной пленки казались солью, рассыпанной в траве. Все смешивалось в их воображении, и соль и снежные комья, что-то непременно казалось чем-то, и они не успевали улавливать причудливые и волшебные сходства. В овраге нашли землянику, и каждый набрал по несколько горстей, а затем Устинька наступила на дедушкин табак, и из-под ее ног выпорхнул легкий серый дымок. «Что это?» — испугалась она. «Лесной старик курит трубку», — пошутил Лев Валерьянович. «Какой это старик? Леший?» — спросил Еремей, всегда любивший точные названия предметов. Лев Валерьянович задумался и осторожно попробовал ответить, что, пожалуй, и леший, а может быть, и... Как нарочно, ничего не приходило в голову, но в это время Устинька вскричала: «Старичок-лесовичок! Он такой маленький, весь из желудей и скорупок!» «Где ты такого видела?» — удивился Лев Валерьянович. «Сама придумала». «А мы можем такого сделать», — предложил он, и они стали разыскивать прошлогодние желуди и скорупки... Потом устроили привал, развели костер и позавтракали... Потом набрали на поляну белых грибов... Потом искупались в теплом лесном пруду и насухо вытерлись мохнатыми полотенцами... Потом нашли стог сена, разбежались и прыгнули в него — сначала Лев Валерьянович, а вслед за ним Еремей и Устинька, и у всех одинаково сладко сжалось и замерло сердце, когда проваливались в обмороно душистую, резко пахнущую подопревшими цветами и травами, глухую от беззвучия бездну...

— Лева, Лева, скорее сюда! Я заняла вам место! Идите! — Дуняша Дубова, работающая с Львом Валерьяновичем в одной лаборатории и прозванная сослуживцами Ду-Ду, издали машет ему рукой в красной вязаной рукавичке. Они только что взяли штурмом автобус: Дуняша — с передней двери, Лев Валерьянович — с задней, и вот теперь она держит для него mestечко, прижимая ладонь к кожаному сиденью, а он — по закону распределения труда — прятает в карман два оторванных билета. Дуняша единственная в лаборатории любит общаться с Львом Валерьяновичем, делая это как бы наперекор сослуживцам, считающим его человеком необщительным и странным, но Дуняша словно коллекционирует странные знакомства и намеренно окружает себя людьми, с которыми у нее, казалось бы, не должно быть ничего общего. Лев Валерьянович — один из таких, и Дуняша упрямно доказывает и себе, и ему, что им судьбою назначено дружить и понимать друг друга.

— Наконец-то, а то я беспокоилась, как бы не заняли ваше место. Правда, сегодня удивительный снег? Когда я вышла из дома, я чуть было не провалилась в сугроб, а мой муж с трудом открыл дверцы гаража. Говорят, такого снега не было уже много лет.

Чувствуя, что с ним начинают общаться, Лев Валерьянович теряется и ничего не может ответить.

— Да, да, — только и говорит он, делая вид, что тоже радуется удивительному снегу.

— А что вы читаете? — спрашивает Дуняша, заметив у него в портфеле книгу с закладкой.

— Так... о Древнем Риме. — Лев Валерьянович закрывает портфель, чтобы Дуняша не подумала, будто ему интереснее читать книгу, чем разговаривать с ней.

— Вот видите, какой вы образованный человек. — Дуняша больше всего любит объяснять Льву Валерьяновичу, как он. — А мне так последнее время скучно. Очень скучно жить.

Дуняша рассматривает бледные косточки пальцев, просвечивающие сквозь вязаную рукавичку.

— А знаете, почему так происходит? — Лев Валерьянович воодушевленно кладет свою руку в перчатке на руку в вязаной рукавичке.

— Интересно, почему же?

— Потому что мы живем одним способом жизни, не подозревая, что их тысячи! Мы просто не нашли еще своего собственного способа! Он есть, но мы его не нашли!

— Где же его найдешь? — неуверенно спрашивает Дуняша.

— Хотя бы в книгах. Если вы будете внимательно их читать, то извлечете такие богатства... — Лев Валерьянович открывает портфель и достает книгу с закладкой. — К примеру, что такое римский способ жизни?

— Юлий Цезарь, гладиаторы, я точно не помню... — смущенно признается Дуняша.

— Разве в гладиаторах дело! — Лев Валерьянович листает прочитанные страницы. — Римский способ жизни заключается в том, чтобы каждое желание стремиться осуществить тотчас же при его возникновении. Отсюда и происходит знаменитая римская деловитость. Нам кажется удивительным и непонятным, что Юлий Цезарь мог одновременно диктовать письма, принимать послов и так далее. На самом же деле это лишь самое обычное проявление римской деловитости, которой нам сейчас так не хватает. Много ли мы успеваем за день? Работа, магазин, отдых у телевизора — вот и все. Остальные наши желания остаются неосуществленными, порождают скучу, тоску и уныние. А между тем, если овладеть римским способом жизни, можно осуществить множество самых разных желаний.

— И стать счастливым? — спрашивает Дуняша.

— Это сложный вопрос. Счастье тоже бывает разным. — Лев Валерьянович смотрит в окно, не пропустили ли они остановку. — Во всяком случае, с помощью

римского способа легче всего подняться по служебной лестнице и преуспеть в работе.

— А вы чем-то похожи на Юлия Цезаря, — задумчиво произносит Дуняша, как бы пользуясь привилегией говорить то, что никому, кроме нее, не придет в голову...

Счастливое чувство он испытал однажды и затем по прошествии многих лет, возвращаясь к нему, спрашивал себя с суеверной боязнью ошибиться, а было ли оно именно счастьем, именно настоящим и счастьем. Было, конечно, было, именно счастьем и ничем другим, и хотя память отказывалась восстановить его во всей полноте, как бы перенеся из прошлого в настоящее, восстанавливались сопутствовавшие ему признаки: ясный мартовский день, привкус талого снега в воздухе, грифельно-серая опльвшая лыжня, одиноко тянувшаяся вдоль решеток бульвара, и сверкающие на солнце плафоны уличных фонарей, над которыми поднималась испарина. Еремей с утра просил покатать его на санках, ссылаясь на давнее обещание, которое Лев Валерьянович якобы дал, но не выполнил. Сам Лев Валерьянович этого обещания не помнил, а главное, он был завален срочной работой: ему нужно было найти идею. Не составить многостраничный отчет, не подготовить конспект выступления, а найти идею. Идею технологии, которую разрабатывала их лаборатория. До сих пор все заказчики пользовались старой технологией, но она была громоздкой и включала несколько лишних звенев, а следовательно, требовала лишних производственных операций и материальных затрат. Поэтому в лабораторию пришел запрос на новую технологию, и вот Лев Валерьянович на все выходные обложился книгами, заправил чернилами авторучку и стал думать над идеей. Не то чтобы ему это персонально поручили, но он сам хотел. Им овладел спортивный азарт, и он словно предчувствовал, что идея должна родиться именно у него. Обложился книгами, заправил авторучку, и тут Еремей с его просьбой!

Лев Валерьянович терпеливо подвел сына к окну, показал на термометр и объяснил, что на улице ноль градусов, а при этой температуре снег превращается в воду, следовательно, по всем законам физики ни на каких санях кататься нельзя. Но Еремей больше напирал не на физику, а на обещание Льва Валерьяновича, тот наконец сдался. Махнул рукой и сдался. Достал с чердака санки, одел сына, нахлобучил ему на голову шапку и вывел на бульвар. Еремей уселился в сани, Лев Валерьянович потянул за открепанную веревку и — быстрой, быстрой — побежал. И вот тут-то стали возникать перед глазами признаки, и он увидел лыжню, решетки бульвара, плафоны уличных фонарей, почувствовал привкус талого снега, и досадливое сожаление — мол, отрывают от стола, не дают сосредоточиться — бесследно исчезло. Лев Валерьянович забыл о срочном задании, о необходимости искать идею и стал радоваться радостью Еремея, несущегося по бульвару в санях. Мимо осевших мартовских сугробов, присыпанных сверху крошевом льда, мимо голых деревьев с запицевевшими бороздками коры, мимо детских качелей и каруселей. И идея внезапно родилась сама, без всяких усилий с его стороны — Лев Валерьянович даже не понял, как это случилось. Он словно и не ощущал в себе никакой идеи, даже не подозревал о ней, а она уже была, находилась в нем и жила собственной жизнью, как пойманная рыба в садке. И вот он словно просунул руку и почувствовал: есть! У него голова закружилась от счастья. «Папа, асфальт! Папа, останови!» — кричал сзади Еремей, а он не слышал и не замечал, что снежный наст уже кончился и он тащит сани по оттаившему асфальту.

На следующий день Льва Валерьяновича — наполовину всерьез, наполовину шутя — поздравляли, и он не уставал рассказывать, как родилась идея. И все вокруг удивлялись, все радовались вместе с ним, испытывая желание потрогать Льва Валерьяновича, благоговейно прикоснуться к нему, словно бы и некоему предмету, побывавшему в космосе. Лев Валерьянович принимал это как должное, радовался и удивлялся вместе со всеми, будто бы он сам для себя был неким загадочным предметом. «Катал синишку на санках. По бульвару. И вдруг чувствую...» — в сотый раз рассказывал он, и с каждым разом этот счастливый миг — вдруг! — отдался, рассеивался и, словно снег в воду, превращался из настоящего в прошлое. Близко к середине дня Льва Валерьяновича стало преследовать странное чувство тоски и опустошенненности, ему, имениннику, вроде бы совершенно неподобающее, и он незаметно выскользнул в коридор, затем на лестницу и, убедившись, что рядом никого нет (все поднимались и спускались в лифте), прижался лбом к холодной стене и затрясся, затрясся в немой лихорадке. Что происходило с ним в эту минуту, он не знал и не хотел ничего себе объяснять. Вернувшись в лабораторию, он сел за рабочий стол и занялся обычными делами. Но когда его снова просили рассказать, как родилась идея, Лев Валерьянович больше ничего не рассказывал...

— Товарищ Зимин, если вы не очень заняты, прошу вас зайти ко мне. — У стола Льва Валерьяновича останавливается заведующий лабораторией Абакар Михайлович и, выдержав некоторую паузу, подтверждающую значительность его просьбы, удаляется в кабинет. И эта пауза, и выражение «не очень заняты», употребленное в ироничном смысле, убеждают Льва Валерьяновича, что его ждет очередной нагоняй. Абакар Михайлович относится к тому разряду руководителей, которые стремятся воздействовать на подчиненных силой личного примера. Он сам налагивает приборы, следит за ходом реакций и даже моет пробирки и колбы, если девочки-лаборантки делают это лениво и неохотно. Поэтому слово «абакар» служит в лаборатории единицей для измерения работоспособности. Работоспособность Льва Валерьяновича оценивается сослуживцами в минуты четыре абакара, и он чаще других получает нагоняи.

— Товарищ Зимин, что у вас лежит в выдвижном ящике?

Абакар Михайлович задает этот вопрос с выражением печального всеведения, к которому признания подчиненного уже ничего добавить не смогут.

— В выдвижном ящике? Тетради, карандаш, ножницы... — Лев Валерьянович начинает перечислять предметы с самого безопасного для себя конца.

— А еще?

Абакар Михайлович так же печально и обреченно смотрит в окно.

— Еще? Всякие мелочи...

— Интересно, а какую книгу вы держите там в раскрытом виде?

— Я читаю только во время обеденного перерыва, — спешит оправдаться Лев Валерьянович.

— И все-таки какую? Дюма? Сименон? Агата Кристи?

Лев Валерьянович медлит с ответом, на зная, зачем понадобилось это уточнение.

— Дюма... — неуверенно признается он.

— Ничего подобного. Вы читаете более серьезную литературу. Но, к сожалению, она не имеет никакого отношения к вашей специальности. — Абакар Михайлович выдвигает ящик собственного стола и достает книгу, которую недавно читал Лев Валерьянович. — Я специально взял это в библиотеке. «Очерки истории итальянской культуры». Скажите, зачем вам это понадоби-

лось? Может быть, вы собираетесь перейти в институт культуры? Что ж, я бы хотно содействовал...

Лев Валерьянович понимает, в чем смысл этого зловещего намека.

— Нет, нет, спасибо. В институт культуры я не собираюсь. Совсем не мой профиль.

— Какие же проблемы близки вашему профилю? — Абакар Михайлович как бы готов расширить рамки своего содействия.

— Человечество еще не приступило к их научной разработке.

— И все-таки? Если не секрет?

— Способы жизни,—доверительно сообщает Лев Валерьянович, и его большое лицо краснеет.—Когда люди окончательно потеряют умение жить, целые институты будут изучать способы жизни древних греков, арабов и персов. Но боюсь, что будет уже поздно. Если мы не спохватимся вовремя, мы утратим нечто гораздо более ценное: искусство жить. Посмотрите, как мы живем сейчас, как встречаем гостей, как справляем праздники? Садимся за стол, включаем телевизор — разве это праздник! А как мы отдыхаем после работы? Домашние тапочки, газета — разве это похоже на отдых?! Мы потеряли вкус к приключениям, к игре, к риску. Если дома мы ничего не делаем, то мы именно ничего не делаем, а знаете ли вы, что когда-то существовало «прекрасное ничегонеделание»?

— Лицо я не знаю.—Абакар Михайлович как бы на собственном примере убеждает подчиненного не доверяться слишком опасному знанию.

Но Лев Валерьянович не слышит угрожающего предсторожения начальника.

— Состояние «прекрасного ничегонеделания» возникало в минуты полного покоя, когда человек оставался наедине со своими мыслями, или раскрывал томик любимого поэта, или любовался ночной луной, сидя в венецианской гондоле, — с упоением рассказывает он, и ему кажется, что он сам окутан облаком лунного света и с томиком любимого им Петраки сидит на корме гондолы...

— ...вас уволить,—долетают до него слова Абакара Михайловича, и Лев Валерьянович вздрагивает от неожиданности, и его счастливое видение — луна, гондола, томик Петраки — сейчас же рассеивается.

— Простите? — переспрашивает он с выражением подчеркнутого внимания к словам начальника.

— Я говорю, что вас давно следовало бы уволить! Уволить. Вам ясно?! Мне надоели все делать за вас! Может быть, заявление вы напишете сами?! — Абакар Михайлович протягивает ему лист бумаги, и Лев Валерьянович, пошатываясь, выходит из кабинета.

— Левушка, встань. Прошу тебя, на нас оглядываются. Встань, ты замерзлашь! Сейчас же, немедленно встань, иначе тебя заберут в милицию! Левушка, умоляю, ты слышишь?! — За метро, в заснеженном сквере, чуть поодаль от протоптанной в сугробах дорожки, по которой гуськом вытягиваются прохожие, лежит до бесподобия пьяный Лев Валерьянович Зимин, а над ним склоняется Светочка и отчаянно пытается привести его в чувство. Светочка недавно вернулась с работы, услышала телефонный звонок, подняла трубку и узнала, что ее муж здесь лежит. «За метро, в парке, возле детской площадки», — сказали соседи, пожилые муж и жена, гулявшие вечером в парке и видевшие, как Лев Валерьянович взбирался на ледяную горку и, распугивая детей, катился вниз.

— Где я?

— Ты со мной, Левушка, ты со мной. Просто ты немного выпил и с непривычки опьянел. Сейчас мы пойдем домой, и все будет хорошо. Ты примешь ванну, согреешься, ляжешь в постель. Все будет хорошо, вот только попробуй встать! Держись за меня! Крепче! — Светочка подхватывает мужа под мышки и изо всех сил пытается поднять. — Так... еще немножечко... так... Сегодня показывают твою передачу, «В мире животных». Ты же любишь «В мире животных»? Вот и пойдем... тихонечко, тихонечко... а то опоздаем.

Светочек удается поставить мужа на ноги, и они вместе выбираются на дорогу. Светочка направляет на мужа кашне, натягивает на руки перчатки и вытряхивает из карманов снег.

— Я кинто, — говорит Лев Валерьянович, как бы на всякий случай предупреждая жену о том, что могло бы послужить объяснением его необычных поступков. — Я гуляю и пью вино. Точка. Больше я ничего не знаю.

— Конечно, Левушка, конечно. Плюнь ты на эти неприятности. У кого их нет! Если из-за всякой ерунды расстраиваться... — Светочка принимает объяснения мужа лишь в той степени, в какой это нужно для его спокойствия.

— Я кинто, — настойчиво повторяет Лев Валерьянович.

— Да, да, понимаю. — Светочка кивает головой, как бы обещая соглашаться со всем, что говорит муж.

— Я кинто. И не надо трогать мой темперамент, — угрожающе шепчет Лев Валерьянович.

После разговора с начальством он долго пребывал в странном оцепенении, молчал и вздрагивал, если к нему обращались, забывал здороваться с сослуживцами и отсутствующе улыбался, встречая в коридорах знакомых. Вся лаборатория единодушно считала, что он в шоке, в состоянии транса, и, избегая его травмировать, наводила справки у уездесущей Ду-Ду: «Как он сегодня? Получше?» Прежде чем ответить, Дуняша Дубова осуждающе смотрела на дверь Абакара Михайловича, затем сомнением разглядывала столпившихся вокруг сослуживцев и с горечью произносила одну и ту же фразу: «А вам-то что?!» «Мы тоже... мы сочувствуем... мы хотим помочь...» — уверяли ее все, добавляя при этом, что Лев Валерьянович никакой угрозы для общества не представляет, просто он мягкий человек, рассеянный, неорганизованный, со слабым характером, и, если потребуется, они готовы взять его на поруки. Это-то и вывело Льва Валерьяновича из оцепенения. Услышав разговор сослуживцев, он с угрожающей решительностью поднялся со стула, затряс в воздухе пальцем и заявил: «Не нуждаюсь. Спасибо. Хватит», — и с этих пор стал вести себя крайне дерзко, вызывающе и заносчиво.

Прежде всего он ворвался в кабинет Абакара Михайловича. «Я вам не девочка-лаборантка, чтобы выполнять подсобную работенку! — закричал он срывающимся голосом, и от собственной смелости у него зазвенело в ушах. — В университете я выступал на Ломоносовских чтениях, я получил диплом с отличием, меня посыпали в Венгрию на слет молодых ученых. Я творческая личность! Творческая, и хочу заниматься настоящими проблемами!» Абакар Михайлович слегка побледнел и на всякий случай отодвинул подальше тяжелое пресс-пальце. «Хорошо, мы учтем ваше пожелание, — ласково сказал он и, нажав кнопку звонка, вызвал лаборантку. — Верочка, проводите, пожалуйста...» После этого случая Лев Валерьянович обрушился на сослуживцев, обвиняя их в том, что они целыми днями решают кроссворды, устраивают в курилке шахматные баталии. А когда в буфете ему подсыпали несвежую сметану, Лев Валерьянович ударил кулаком по прилавку (от этого удара даже подскочила тарелка с мелочью) и сказал, что злосчастную сметану он отправит на дегустацию в народный контроль.

Столь же неожиданно изменилось и его поведение дома. Однажды, войдя в

прихожую, Лев Валерьянович отшвырнул ногой домашние тапочки, скомкал и засунул в шкаф кофту, а тренировочные брюки велел жене пустить на тряпки. Если раньше он только подстраивался под жизнь кинто, то теперь чуть ли не каждый вечер пропадал в дешевом ресторанчике, где называл швейцара шефом, протягивал гардеробщику тощее демисезонное пальто, причесывался у засаленного зеркала, а затем с рюмкой ходил меж столиков, произносил длинные и неуклюжие тосты и, обращаясь к полупустому залу, кричал: «От нашего стола вашему столу!.. Ура!..» Официанты выводили его под руки, добрый гардеробщик отыскивал у него в карманах номерок, одевал его, как ребенка, обматывал вокруг шеи шарф и, чтобы не слетела шапка, завязывал тесемки под подбородком. Швейцар распахивал в морозную ночь дверь, и Лев Валерьянович хищно бросался ловить такси, одиноко мерз на трамвайной остановке и наконец, не выдержав, сжал проходжуему записную книжку, просил набратать домашний номер телефона и вызвать жену. «Предупредите, что от Левы... Она поймет», — стучал он в стекло телефонной будки, и когда Светочка в пальто, накинутом поверх халата, приезжала за ним, падал перед ней на колени и плакал от благодарности. Светочка всякий раз собиралась что-то сказать, но сдерживала себя и молчала. Сдерживала и молчала. Сдерживала...

— Что это за чемоданы? Что за идиотские чемоданы?! Откуда?! Как они здесь оказались?! Что за чемоданы, я спрашиваю? — Лев Валерьянович растерянно стоит посреди комнаты, голова обмотана полотенцем, в руке аптечная склянка с каплями, а перед ним выставлены в ряд три чемодана, два совсем новых, на «молниях», с кожаными ремнями, третий же старый, допотопный, на замках. Он толкает чемоданы ногой, и они валятся друг на друга. — Цирк!

— Лева, мы уезжаем. Насовсем. Извини. — Светочка закрывает дверь в другую комнату, где в это время находятся дети. — Жить мы с тобой не можем.

Лев Валерьянович еще туже стягивает на голове полотенце.

— Куда? Куда вы уезжаете?

— Неважно... — Светочка снова выстраивает в ряд чемоданы.

— Нет, все-таки?! Могу я знать?!

Лев Валерьянович опрокидывает в стакан содержимое аптечной склянки, как бы показывая, что теперь ему требуется гораздо большая доза успокоительного.

— Туда, где ты нас не найдешь, — произносит Светочка с непривычной резкостью в голосе, как бы вовсе и не собираясь его успокаивать.

— Эти твои способы... эти твои способы... — Чувствуя вдруг подступившие слезы, Светочка неестественно широко раскрывает глаза, чтобы не потекла краска. — Ты перепробовал уже все! Византийский, итальянский, африканский, египетский! Все, кроме одного, — человеческого!

— Извини, я действительно вел себя последнее время... эти рестораны... Извини, пожалуйста, — оправдывается Лев Валерьянович.

— Нет, Лева. Я устала.

— Может быть, мы все поправим?

— Сомневаюсь. Нет.

— Я вас так не отпущу.

Лев Валерьянович заслоняет собой чемоданы.

— Отпустишь, Лева. — Впервые за весь разговор она улыбается ему мягкой улыбкой, словно бы заранее благодаря за то, что он тоже не выдержит и уступит...

Оставшись один, Лев Валерьянович долго смотрел на разбросанные вещи, раскрытые шкафы и выдвинутые ящики буфета, затем потянулся, чтобы поправить завернувшийся угол лежавшего на полу ковра, и почувствовал обморочный провал в сердце: «Уехали. Навсегда». Он подбежал к окну и, опершись руками о подоконник, стал вглядываться в прогалины заиндевевшего стекла, словно в окуляры расфокусированного бинокля: «Номер такси. Запись. Скорее», — машина уже отъехала, и Лев Валерьянович упал локтями на подоконник, уронил голову и обхватил ее ладонями, как бы выкорчевывая из собственного тела: «Что я наделал! Что я наделал!» Так проскружился он несколько дней, с маниакальной настойчивостью кружа вокруг телефона: «А вдруг?..» После этого сам стал звонить знакомым и спрашивать, нет ли у них его жены. Перебрал всех, и близких и дальних, и все отвечали одно и то же: нет, не появлялась и не звонила. Лев Валерьянович благодарил, извинялся и с каждым разом все медленнее опускал на руки трубку. Наконец он понял, что звонить безнадежно. Понял и прозрел. И точно так же, как тогда на бульваре, в нем неожиданно родилась идея, сознание сейчас вытолкнуло: Соломбала! Да, да, конечно, Светочка давно собирается в Соломбала, и вот — нет худа без добра — выдалась случай. Пассорились с мужем, решила проучить, а заодно наведаться в родные места. Какова тактика! Чисто женский расчет! А он-то ломал голову, дуралей несчастный! Ему сейчас же надо ехать в Соломбала! Брать чемодан и ехать! Сейчас же!

Лев Валерьянович достал чемодан (слава богу, на антресолях нашелся четвертый), уложил вещи и отправился на вокзал. Отправился вслепую, не зная расписания поездов, но оказалось — бывают же совпадения! — попал в самую точку. Поезд на Архангельск отходил через полчаса. Билеты в кассе были... Он отыскал купе, устроился, раздвинул оконные занавески и, лишь только поезд тронулся, стал узнавать платформы, шлагбаумы, перелески — вообще все узнавать, как будто прошлое вновь становилось настоящим (вода превращалась в снег), и он, бородатый аспирант, ехал бродяжничать на Север, и там ждала его встреча со Светочкой. Именно с той, которая на лавочке городского парка готовилась к экзаменам и которой он улыбнулся широко и открыто... А может быть, к нему вернулось то утро, когда он повел детей в лес и они с разбегу прыгали в душистый стог сена? А может быть, он сам к себе вернулся — тот, давнишний, молодой и счастливый?..

— Глупенький, с чего ты взял! Как тебе в голову только пришло! Я вовсе и не собираюсь ни в какую Соломбала! Мы прожили несколько дней у подруги, соскучились и примчались. У подруги, неподалеку. На такси это десять минут. Шофер даже рассердился... — Светочка, одетая по-домашнему, руки в муке, встречает Льва Валерьяновича у порога, а из комнаты к нему с криками выбегают Еремей и Устинья. — Подождите, ваш папочка весь холодный, он только что с Севера! — смеется Светочка, и Лев Валерьянович тоже смеется, по очереди целуя детей.

— Ладно, ладно, с вами мы еще разберемся...

— Что же ты там делал, бедненький? — Светочка ждет, когда и до нее дойдет очередь, заранее подставляя щеку для поцелуя.

— Ходил, бродил... — Лев Валерьянович целует жену.

— Нашел что-нибудь? — спрашивает Светочка уже из кухни, открывая духовку газовой плиты и проверяя, успели ли подрумяниться пироги.

— Новый способ жизни. Человеческий, — говорит Лев Валерьянович так тихо, чтобы она не услышала.

— Что, что? — переспрашивает Светочка.

— Способ жизни, — повторяет он, из суеверия не добавляя последнего слова.

Сергей СЕРГЕЕВ,
секретарь парткома станко-
строительного завода
«Красный пролетарий»

Mногие годы завод выпускал крупными сериями универсальные станки с ручным управлением. Неплохие станки, но в прошлом году мы окончательно сняли их с производства. Дело в том, что в наше время «крутить рукоятки» — уже анахронизм (не говорю, естественно, о небольших, вспомогательных или опытных производствах, школьных мастерских — там и обычные станки неплохо служат). Универсальный станок стал тормозом в повышении производительности труда, улучшении качества продукции. И, что очень важно, неуклонно снижался престиж профессии станочника — молодых перестал привлекать ручной, малоэффективный и, прямо скажем, довольно грязный труд. Прибавьте к этому и другую проблему: где найти станочника на каждый станок при дефиците рабочей силы?

Вот почему с прошлого года мы полностью перешли на выпуск станков с числовым программным управлением, совершив тем самым коренной перелом в структуре выпускаемой продукции. Но главная особенность завода в том, что эти станки выпускаются серийно, на конвейере. Такого еще не было нигде. За год мы должны выпустить 6300 станков с ЧПУ. Другими словами, каждые 40 минут с конвейера сходит наладженный и испытанный станок. По сравнению с универсальным он даст производительность труда в полтора-два раза высшую. Этими станками будут насыщаться все отрасли промышленности.

**ПО «ТРОПЕ», РАССЧИТАННОЙ
КОМПЬЮТЕРОМ,
ДВИЖЕТСЯ В ЦЕХЕ
ТРАНСПОРТНЫЙ РОБОТ.**

**У СТАНКА С ЧПУ
«КОЛДУЮТ» НАЛАДЧИКИ.**

На встречу XXVII съезду КПСС

ЧЕХ XXI ВЕКА

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что решительное ускорение научно-технического прогресса рассматривается партией как важнейшая задача дня. Необходимо перейти на передовые технологические системы, технику новых поколений. Молодежь должна учиться мыслить и работать по-новому, как того требует время.

нированием и стимулированием труда. Несколько месяцев работы этой системы показали, что существующие, привычные методы не подходят, так как функции всех работников — от станочников до руководителей производства — значительно меняются. Достаточно сказать, что ГАПу не надо ни планировщиков, ни распредов, а рабочий должен уметь все — от уборки станка до разработки управляющих программ, наладки и регулировки электронного оборудования.

ГАП работает по так называемой безлюдной технологии. Подчеркиваю: по

МАНИПУЛЯТОР ИГРАЮЧИ УСТАНАВЛИВАЕТ ЛЮБУЮ ЗАГОТОВКУ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

ОДИН ИЗ СЕМЬИ РОБОТОВ, ВЫПУСКАЕМЫХ НА «КРАСНОМ ПРОЛЕТАРИИ».

Такова количественная сторона дела. Но новая техника приносит и совершенно новые проблемы, которые мы раньше не ощущали столь остро.

Современный станок с ЧПУ — это сложнейшее устройство, насыщенное микропроцессорной электроникой, имеющее до восьми различных электродвигателей. Новая техника требует идеальной, безукоризненной технологической дисциплины. О чём речь? Допустим, в обычный станок можно залить не то масло для смазки — ничего, в общем, страшного. Или поставить заготовку большего размера — ну, будет больше стружки, только и всего. Электроника не прощает ни одного мелкого нарушения. Она просто отказывается работать, происходят сбой ритма или даже остановка производства. Хочу подчеркнуть еще один фактор: качество продукции нельзя отделять от качества эксплуатации оборудования. То есть с нарушениями технологической дисциплины не выпустишь хорошего станка.

Именно поэтому в научно-техническом прогрессе мы видим прежде всего не научную и не техническую, а человеческую сторону проблемы. «Красный пролетарий» — завод сильный. Мы сами разрабатываем новые станки, сами внедряем их в производство — этот процесс отложен достаточно хорошо. А вот процесс психологической перестройки, на мой взгляд, сложнее. Работать на сегодняшней технике со вчерашними привычками — это, разумеется, то же, что забивать гвозди микроскопом... С заменой обычного станка на станок с ЧПУ личная ответственность любого рабочего повышается на целый порядок. Как сделать, чтобы рабочий не только знал это, но и прочувствовал до глубины души?

Да, учеба. Да, повышение квалификации. Но не только в традиционном понимании этих слов. Расти в рамках своей узкой специальности сегодня совершенно недостаточно, а надо ведь думать и о завтрашнем дне. По обычной схеме вокруг станка с ЧПУ «толпится» масса народа. Инженер-программист, наладчик, электрик, электронщик... А где же сам рабочий-станочник? На его долю остается самая неинтересная, нетвор-

ческая часть работы: следить за исправностью оборудования, а в случае неполадок ставить в известность других специалистов. Я в известной мере упрощаю ситуацию, но при такой системе ответственность за качество работы как бы «размывается» — это факт.

Мы начали готовить рабочих — специалистов нового типа. Станочник сам может запустить, испытать и наладить станок, то есть он обладает знаниями и умениями электрика, электронщика, механика. Ближайшая задача — выпустить такой станок, который не требует программиста, чтобы сам рабочий с помощью электронно-вычислительной машины мог оперативно изменять программу выпуска деталей. Словом, безукоризненное соблюдение технологии основано прежде всего на знании и понимании качественно новой техники, которая не «понимает» и не хочет «понимать» наших мелких человеческих слабостей...

Внедрение станков с ЧПУ позволяет начать процесс роботизации. Выпуск промышленных роботов — самая интересная часть нашей программы, так как осуществляется на базе ГАПа — гибкого автоматизированного производства, для которого мы построили новый цех, точнее сказать, даже не цех, а целый самостоятельный завод. Такая крупная система создана впервые в стране. Это сложнейший комплекс, оснащенный оборудованием с числовым программным управлением, роботами, обрабатывающими центрами, оснащенный своим транспортом, автоматизированными складами. Работает цех как единое целое. Представьте: по команде оператора электрокар (без водителя!) подъезжает к складу, принимает от штабеля-автомата нужные детали, доставляет к станку, включаются в работу роботы и станки-автоматы...

На чем «проигрывает» обычное производство? На вспомогательных службах. Работу надо распределить, чертежами станочников обеспечить, стружку увезти, заготовки выдать, детали принять — для всего нужны люди. Вот где резервы производительности! ГАП, избавляющий от непроизводительных затрат, как раз и включает эти резервы в действие. Правда, помогая человеку, автоматика заставляет его решать и новые проблемы.

В гибком автоматизированном производстве заложены принципиально новые для нас методы организации, пла-

СТАНКУ-УНИВЕРСАЛУ ПОД СИЛУ МНОЖЕСТВО ОПЕРАЦИЙ.

«так называемой», поскольку обходиться без людей техника может разве что в фантастических романах. Действительно, в идеале это выглядит примерно так: утром специалисты пришли в цех, наладили оборудование, снабдили инструментом, загрузили работой, запустили — и ушли до следующего утра, а цех остался работать в автоматическом режиме. Но все равно кто-то должен прийти, наладить, запустить и т. д.

И здесь мы снова возвращаемся к вопросу о технологической дисциплине, роль которой возрастает еще в большей степени. Автоматизированное производство должно работать как часы, — на иное оно просто не рассчитано. Значит, влияние человеческого фактора снова увеличивается. Разлад может внести уже не только мелкая погрешность, но и неумелое рвение в работе. Допустим, рабочий, чтобы ускорить процесс, снял деталь с транспортной тележки, сам поднес к станку. «Ускорение» обернулось тем, что деталь «выпала» из системы учета. Она сделана, но ее нет, не существует! И в работе сложнейшего комплекса начинаются неувязки.

Трудно отойти от инерции привычек: делать деталей побольше. Не надо больше, а ровно столько, сколько надо, но высокого качества и вовремя. На пер-

вый взгляд такая организация уменьшает творческое начало в работе станочника: следи за технологией, и вся недолга. Наоборот, именно работы, не «привязывающие» человека к станку, дают возможности для творчества, решения технических, организационных задач.

На ГАП мы набирали в основном молодежь, не отягощенную грузом старых привычек. Молодых коммунистов, комсомольцев, хорошо зарекомендовавших себя в старых заводских цехах. И не ошиблись в выборе: освоение автоматизированного производства прошло без особых сложностей. Разумеется, проблема подготовки специалистов нового типа остается. Мы не можем взять и поставить на автоматизированное производство даже опытного станочника, не говоря уже о выпускнике профтехучилища. Всех приходится доучивать или переучивать на специально организованных курсах. В связи с этим нам представляется чрезвычайно актуальной и важной задача ближайшего времени: молодежь должна знакомиться с электроникой, микропроцессорной техникой, компьютерами уже в школе и ПТУ, чтобы, придя на производство, начинать не с нуля, не терять времени на приобретение элементарных навыков. Думается, это было бы вполне в духе школьной реформы. Тот уровень, когда в школьных мастерских учат, как и двадцать лет назад, нарезанию резьбы, вытачиванию втулок, явно отстает от требований научно-технического прогресса.

Каким будет организация труда на гибком автоматизированном производстве? Предстоит решить еще ряд вопросов, но одно безусловно — только бригадная организация, с оплатой по конечному результату. Иная нам никак не подходит.

В этом году надо выпустить 2100 роботов. Но трудность в том, что не каждый завод-заказчик имеет такую техническую базу и таких специалистов, чтобы состыковать в одну линию роботы и станки с числовым программным управлением: это весьма сложно. Такую работу мы берем на себя, и поставлять будем не роботы и станки отдельно, а РТК — робототехнические комплексы. Но и это еще не все. В не столь уж далеком будущем «Красный пролетарий» начнет поставлять даже не станки, не комплексы, а целые ГАПы — цеха-автоматы. Для этого мы ведем новое строительство, реконструируем старые цеха, где тоже будет внедряться новая технология.

Решение научно-технических проблем неразрывно связано с решением проблем социальных. Завод строится и реконструируется не для машин — для людей. Обстановка любого рабочего помещения создает у человека определенное настроение; вопрос в том — какое? Не буду брать крайний случай, когда в цехе темно, грязно, сквозняки гуляют. К сожалению, и новые цеха проектируются по стандарту: унылая, серая снаружи и внутри железобетонная коробка. Конечно, цех не театр. Но в безликой, примитивной обстановке любой человек испытывает определенный душевный дискомфорт, рабочий тонус его понижается. Дизайн, эргономика — тоже немаловажные факторы научно-технического прогресса.

Чистые, просторные, хорошо оформленные цеха с высокой культурой производства — это лишь необходимый минимум. В новом цехе будет спортзал, бассейн, дом быта, комнаты психологической разгрузки, библиотека — цель в том, чтобы завод принял на себя часть житейских забот рабочих, дал возможность для отдыха, для простого общения людей. Крупная реконструкция начинается и на старом производстве. Словом, мы должны превратить завод в то место, куда человек идет с радостью. Или по крайней мере с удовольствием. Не иначе!

Федор УГЛОВ,
академик,
лауреат
Ленинской
премии

ПРАВАЯ ДИДОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ

Беседа третья.

СКАЖИ СЕБЕ «НЕТ!»

— Федор Григорьевич, вы родились в далекой сибирской деревне, и сейчас расположенной в 350 километрах от линии БАМа. Какое место занимал в жизни деревни алкоголь?

— Я уехал из Киренска в 1923 году. А с 1914 по 1925 год действовал, как известно, «сухой» закон. В нашей деревне и в Киренске, где работал отец, было пять тысяч жителей, но только трое считались пьяницами. Их все знали, их никто не держал за полноценных людей.

Я приехал на свою родину через пятьдесят лет. Меня очень хорошо встречали; сколько прекрасных людей, культурных и образованных, было вокруг. Никакого сравнения со старыми временами! Но... Очень многие пили. И как! Водку стаканами. Только это отправило все мое пребывание на родной стороне! Пригласили меня для консультации к больному — и опять водка! Культурные люди, учителя собирались для разговора и снова пили стаканами.

— Именно многие образованные, но пьющие люди склонны оправдывать свою слабость изречением одного князя Киевской Руси: «Веселение Руси — есть пить, не можем без этого жити».

— Слова эти, прежде всего утешительные для людей, оправдывающие пагубные привычки, нельзя понимать буквально. Ведь сказаны они были в переговорах с магометанами, которые предлагали князю перейти в их веру. Князь мог просто отшутиться. Но даже если принять, что князь говорил это не в шутку, почему его не самая умная фраза должна нами приниматься как руководство к действию? Ведь на самом деле на Руси потребление алкоголя было редкостью. Мы уже говорили о том, что пили в основном зараженные люди, пили домашнее пиво, брагу. А исходные продукты для производства этих напитков — то же зерно или хмель. Во все времена они стоили недешево. И никогда не могли быть доступны широким массам, а лишь его привилегированной части. Народ противостоял пьянству нравственные устои. Фраза: «Пить — это стыд и грех», — весьма характерна с этой точки зрения.

Во всех наших партийных документах отчетливо просматривается нетерпимость к этому злу.

В. И. Ленин сказал на X Всероссийской конференции РКП(б): «В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку или прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они не были выгодны для торговли, они поведут нас назад к капитализму, а не к коммунизму».

И я не припомню, чтобы в работе над подготовкой антиалкогольных материалов мне пришлось встретить у Ленина хотя бы нейтральное отношение к продаже спиртных напитков.

— Какие, на ваш взгляд, последствия пьянства наносят особый ущерб государству?

— Первое — резкое снижение производительности труда.

Второе — огромное количество прогулов.

Третье — неисчислимое число больничных листов, оплаченных государством.

Четвертое — огромное количество заболеваний (рак желудка — следствие потребления крепких напитков).

Пятое — умственно отсталые дети.

Беседы первая и вторая в №№ 10 и 11.

Шестое — травматизм в состоянии опьянения.

Все это еще можно подсчитать. Но как учесть урон, наносимый увеличением числа разрушенных семей? Думая об этом, надо называть вещи своими именами. Все, что на первый взгляд выглядит безобидно — собрались, культурно посидели, — на самом деле совсем не безобидно, если эти «посиделки» становятся традицией, без которой многие люди себя и не мыслят. Студенты, и те становятся «гостями» вытрезвителей.

— В свое время предпринималась попытка замены крепких напитков более слабыми. Насколько эта мера эффективна?

— Давайте опять же называть вещи своими именами.

Если рассматривать действие абсолютного алкоголя в водке или вине, то они тождественны. Только у тех, кто пьет водку, последствия наступают быстрее. Давайте не будем искать спасительные щиты в успокаивающих полумерах. Во Франции пьют только сухие вина высокого качества, но пьют много. Если пересчитать это на цифры абсолютного алкоголя, нельзя не признать, что в этой стране налицо все признаки, характерные для массового алкоголизма.

У нас часто с восхищением пишут о том, что долгожители на Кавказе пьют сухие вина. Но в жизни долгожителей вина занимают далеко не первое место. Прежде всего работа. Свежий воздух. Умеренная еда, отсутствие стрессов. И только между прочим вино. Я работал врачом в Абхазии и знаю это не с чужих слов.

— Как известно, в социалистических странах денежный штраф после медвытрезвителя заменяется трудовой повинностью. Ваше мнение на этот счет?

— Не только можно, но и обязательно нужно это делать! Зимой, например, надо расчищать снег — вот бы сюда любителей горячительных напитков, чтобы было время подумать и «охладиться».

Есть немало мер, которые обязательно дадут результаты. Но тут крайне важна верная общественная оценка проблемы.

— Она в письмах, поступающих в редакцию. Так, есть предложения проводить декады и месячники трезвости. Насколько это реально? Возможно ли, по-вашему, объявление безалкогольной территории в цехе, на участке, на заводе, в поселке? Как их определять? Законодательно? Или решением большинства населения, работающего или проживающего там?

— Это вещи не только возможные, но и нужные. И не надо далеко ходить, начинать надо с себя. Объявить, например, свою редакцию территорией, запретной для алкоголя. Советую не только как врач. Уверен, что как только это случится, в ваших материалах на темы алкоголя будет больше и страсти, и наступательности.

Я считаю, что необходимо объявлять «Трезвые дни», «Трезвые недели», «Месячики трезвости». И не только объявлять, но и тщательно анализировать их позитивные результаты. Это должна делать общественность. Что же касается самогонщиков, то в этот период наша милиция должна работать с тройным вниманием и наказывать их как преступников.

Нас всех должно волновать не то, сколько самогонщиков на этом пострадает, а сколько человек повернется к трезвости. Если человек еще не спился окончательно, то достаточно ему месяц не пить, чтобы сам он мог убедиться, какие несравненные блага получает.

— Как-то я читал такую фразу: «Пьянство среди рабочих могут уничтожить только рабочие». Вам она незнакома?

— Разумеется, я ее знаю. Вот она: «День печати — день трезвости! Алкоголь — самый темный и страшный враг светлой человеческой мысли. Он искачет и расслабляет ее и вызывает в человеке грубые и дикие чувства. А наш праздник есть день светлой мысли, и пусть не осквернит его черная отрава. Как было бы хорошо, если бы наш праздник стал навсегда, остался днем трезвости и послужил бы началом пролетарской пропаганды трезвости.

Пьянство среди рабочих могут уничтожить только рабочие...

Так было написано в большевистской газете «Вперед» ко Дню печати в 1914 году.

Смысла наших бесед я вижу прежде всего в том, чтобы помочь каждому читателю поставить барьер между собой и алкоголем. Ради самого себя. Возвести оплот трезвости.

Своим оплотом я считаю собственную семью.

Благодарен ей безмерно за понимание. Больше того, мне не стыдно признаться, что окончательную точку в моих сомнениях поставил младший сын. Однажды он спросил: «Папа, как же так, ты столько говоришь, столько пишешь о вреде выпивки, а к нам приходят твои друзья и знакомые, и ты сам их угощаешь?» Раздвоенность моих устремлений и конкретных действий была верно подмечена мальчиком и поставила меня перед выбором.

Традиция выпивать — одно из опаснейших явлений. И мы, следуя ей, придерживались дурной привычки. И хотя в семье сами не пили, гостей принимали в соответствии с правилами. Но последние 5—6 лет приняли для себя «сухой» закон. А это означает: мы сами не пьем ни дома, ни в гостях и никого не угощаем дома. Кто бы к нам ни пришел и какие бы события в нашей жизни ни произошли. Дни рождения, юбилеи, даже свадьба старшего сына — без единой капли алкоголя. На свадьбе было шестьдесят человек и было все, что присуще этому празднику. На столах еды достаточно, музыка, игры, танцы. И все под контролем разума. От нас уходили возбужденные, веселые гости и сожалели, что уходят. И в том нет ничего удивительного. Голова на следующее утро у всех была ясная, никаких тягостных воспоминаний.

Сегодня, отмечая любые события, мы всем позволяем произносить тосты с бокалом отлично приготовленного сока. Смешно? Мне нет. Моим гостям? Тоже нет.

Много лет я заведую кафедрой, руковожу людьми и считаю своим партийным долгом доводить до их сознания свои убеждения, влиять на них. Рядом со мной работают сто сотрудников, я неоднократно беседовал на эту тему с ними. А после одного убедительного доклада все приняли для себя «сухой» закон. Какие бы праздники ни отмечались на нашей кафедре, никогда и никаких алкогольных напитков на наших столах нет. К нам присоединилась и соседняя кафедра факультетской хирургии, с которой мы дружим, соревнуемся, — ее сотрудники тоже приняли для себя «сухой» закон.

Лично я сам никогда не выпивал. Никакой особой борьбы с собой не вел. Мой отец выпивал, как принято говорить, разумно, никогда не безобразничал, ни разу за всю жизнь не опоздал на работу. Но умер раньше времени, и умер от рака желудка. И для меня, хирурга, прооперировавшего сотни людей, употреблявших алкоголь, как и он, разумно, нет сомнений в определении причин его смерти. Алкоголь.

В своих публичных выступлениях я всегда подчеркиваю такую мысль: «Зачем мне указания, обязывающие меня не пить? Я человек, и мозг дан мне природой для набора информации и принятия решений. Осознанно! Мне нужен ясный мозг, не замутненный алкоголем. Нужен для работы и нормальной жизни. И если я этого не понимаю, кто, кроме меня самого, может мне помочь? Если я знаю, что это вредно, зачем мне указания?» Сказав это, тут же спрашивал: «Вы вот знаете, что пить вредно, а кто из вас с завтрашнего дня объявит для себя «сухой» закон?» Поднималось разное количество рук. И я всегда говорил: «Вот видите, даже сами для себя вы еще не сделали выбора, а перекладываете свое решение на других».

И все-таки с большим внутренним удовлетворением я знаю: такие разговоры не проходят бесследно. В письмах, которые я получал, сообщалось, что многие сами совершенно бросают пить.

— Много ли у вас сторонников?

— Занимаюсь этой работой давно. Все прошедшие годы я много оперировал и боролся, как мог, с пьянством. Чем старше становлюсь, тем больше отдаю этому сил. Жизненный опыт подталкивает меня ко все более и более решительным действиям.

У меня есть замечательные сподвижники.

Средства массовой информации принесут неоценимую пользу, если изо дня в день будут нести правду о злодействе, которое чинят алкоголь. Сладенькие, боящиеся кого-то обидеть статьи о вреде алкоголя тут не помогут. Общественное мнение должно звать на набат! НЕ УСТАВАЯ — изо дня в день, из года в год.

— Федор Григорьевич! Не назовут ли вас читатели донкихотом, который словами пытается остановить алкогольные мельницы, перемоловшие за века миллионы человеческих судеб?

— Думаю, нет. Посмеются неумные люди. В борьбе с алкоголем мы предлагаем сильное средство. Это правда! Во все времена алкоголь и пьянство держались на лжи. Чем больше неправды, тем больше пьют. Из года в год об алкоголе надо говорить правду. Каждый человек, юный и зрелый, должен принять для себя личное решение. Вот, например, вы?

Беседу вел Александр БОЙКО.

После выступлений «Смены»

«КОМУ ВПРОК ТАКОЙ УРОК»

Госпрофобром РСФСР проведена, с выездом на место, проверка фактов, изложенных в статье «Кому впрок такой урок», опубликованной в «Смене» № 3.

Сообщаем, что Бурятским республиканским управлением профтехобразования и местными партийными и советскими органами установлен контроль за ходом строительства объектов профтехобразования. Принимаются также меры по упорядочению взаимоотношений между училищем и базовыми предприятиями, улучшению совместной работы по подготовке квалифицированных кадров.

В. Г. АГИБАЛОВ,
заместитель председателя
Госпрофобра РСФСР

Строительство общежития для ГПТУ № 1 осуществляется строительно-монтажным поездом № 182 Дорстройтреста, финансирует это строительство управление Восточно-Сибирской железной дороги.

Ожидаемая к началу 1984/85 учебного года сдача общежития состоялась только 31 декабря 1984 года. Однако из-за большого количества недоделок объект не был принят в эксплуатацию. Причем в состав государственной комиссии не были включены работники Бурятского управления профессионально-технического образования. Ранний срок ввода в эксплуатацию — май — июнь 1985 года.

В период командировки корреспондента журнала «Смена» в училище, в том числе и в жилых комнатах, действительно было холодно в связи с тем, что базовое предприятие, Улан-Удэнское отделение ВСЖД, своевременно не произвело необходимый ремонт. Управлению профтехобразования и руководству училища в срочном порядке пришлось проводить работу по ремонту теплотрассы. В подготовке училища к началу учебного года базовое предприятие участия не принимало.

Руководству Бурятского республиканского управления профтехобразования предложено более энергично воздействовать на базовые предприятия, систематически склоняющиеся от выполнения своих обязательств по отношению к профтехучилищам.

В статье правильно отмечены недостатки в организации строительства ГПТУ № 6 Министерства бытового обслуживания Бурятской АССР. Из-за строительного брака часть помещений учебного корпуса дала осадку, пошли трещины. Эти, а также другие серьезные недоделки СМУ-1 Главбюджетстроя устраняют. Общежитие училища должно быть сдано в эксплуатацию к началу нового, 1985/86 учебного года.

Отмечено также, что Минбыт республики недопоставил училищу значительное количество различного оборудования. По этим вопросам, а также по ускорению строительства ГПТУ № 6 проведено совещание у министра бытового обслуживания Бурятской АССР Е. И. Мульченко, составлена спецификация на недопоставленное министерством оборудование, которая передана для контроля и принятия мер заместителю председателя Совета Министров Бурятской АССР С. В. Ангапову.

Комплекс профессионально-технического училища Министерства жилищно-коммунального хозяйства Бурятской АССР в 1985 году определен сдаточным. Для работы в летнее время запланировано четыре строительных отряда из числа учащихся ПТУ и индустриально-педагогического техникума.

Бурятским республиканским управлением профтехобразования принимаются также дополнительные меры по устранению недостатков в строительстве объектов профтехобразования. В частности, с министерствами и ведомствами прорабатываются вопросы по комплектованию строящихся комплексов оборудованием. Учащиеся строительных училищ направляются на производственную практику на стройки объектов профтехобразования.

Результаты проверки статьи доложены заместителю председателя Совета Министров Бурятской АССР С. В. Ангапову и заведующему отделом науки и учебных заведений Бурятского обкома КПСС Л. Я. Похосееву.

В. Л. ОРЛОВ,
заместитель начальника
отдела Управления городских
профтехучилищ
Госпрофобра РСФСР

Спортивная фестиваль Радужка

Взлет мечты,
устремленность в будущее,
радость победы,
оптимизм,
красота
и совершенство,
физическое совершенство,
и твердость духа,
мужество
и благородство
в честных единоборствах,
дружба и вера
в общие идеалы—
вот что такое спортивная
часть фестиваля!

Навстречу XII Всемирному

слаждение тысячам зрителей,— таким будет фестивальный спорт.

Духом дружбы и взаимопомощи всегда были пронизаны соревнования на всех форумах молодежи. XII Всемирный не только с достоинством продолжит эту традицию, он внесет в нее новые черты, поднимет на новую высоту.

Посланцы разных стран объединятся в Москве в международные команды. Они выйдут на лучшие спортивные площадки нашей столицы как друзья, единомышленники, солидарные в своем стремлении к миру.

Спорт объединяет.

Спорт раздвигает горизонты. Спорт учит новому, обогащает, проясняет оценки и отношения. Штабом фестивальной спортивной программы станет Международный спортивный центр. Здесь развернется дискуссии, здесь будет проходить свободный, честный обмен мнениями, конференции, «круглые столы». Здесь состоятся встречи по профессиональному интересам. Откроются выставки спортивной фотографии, филателии, нумизматики. Советские тренеры и ученые поделятся с каждым желающим опытом своей работы, проведут показательные тренировки. Известнейшие спортсмены, чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр радушно встретят здесь участников и гостей фестиваля.

Современный спорт многообразен. В Международном спортивном центре он предстанет во всем своем богатстве, мощи и совершенстве.

Юность планеты, которая собирается в Москве,— надежда мира. Она продемонстрирует всему миру свое стремление к дружбе и счастью, свои благородные духовные устремления и красоту.

Свою готовность противостоять угрозе миру на земле.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ТУРНИКИ

Счастье быть молодым, радость сознания своей силы, необходимой в борьбе за светлое будущее без войн и угнетения,— все это особенно ярко и наглядно раскрывалось всегда в ходе спортивных программ фестивалей.

На XII Всемирном участников спортивной программы будет гораздо больше. Ведь соревнования в рамках фестиваля будут вне конкурсными. Хозяева Всемирного форума юности планируют предоставить возможность выйти на спортивные площадки и стадионы, испытать свою силу и ловкость, характер и волю каждому участнику и гостю фестиваля.

Здоровье, дружба, радость движений наперекор ветрам и усталости — этим прежде всего будет наполнена программа фестиваля. Программа, в которой каждый найдет занятие по душе.

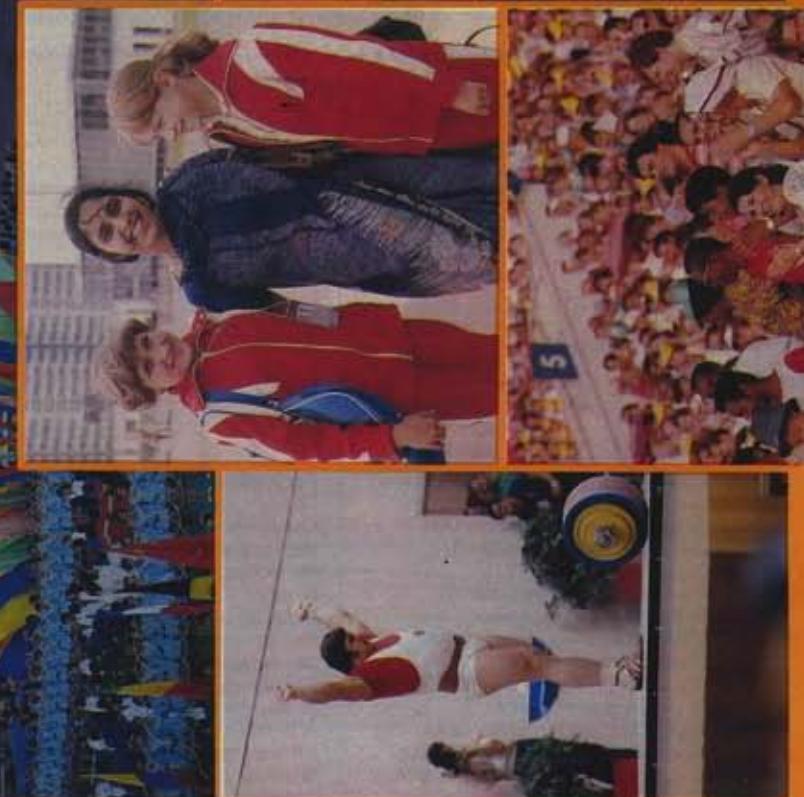
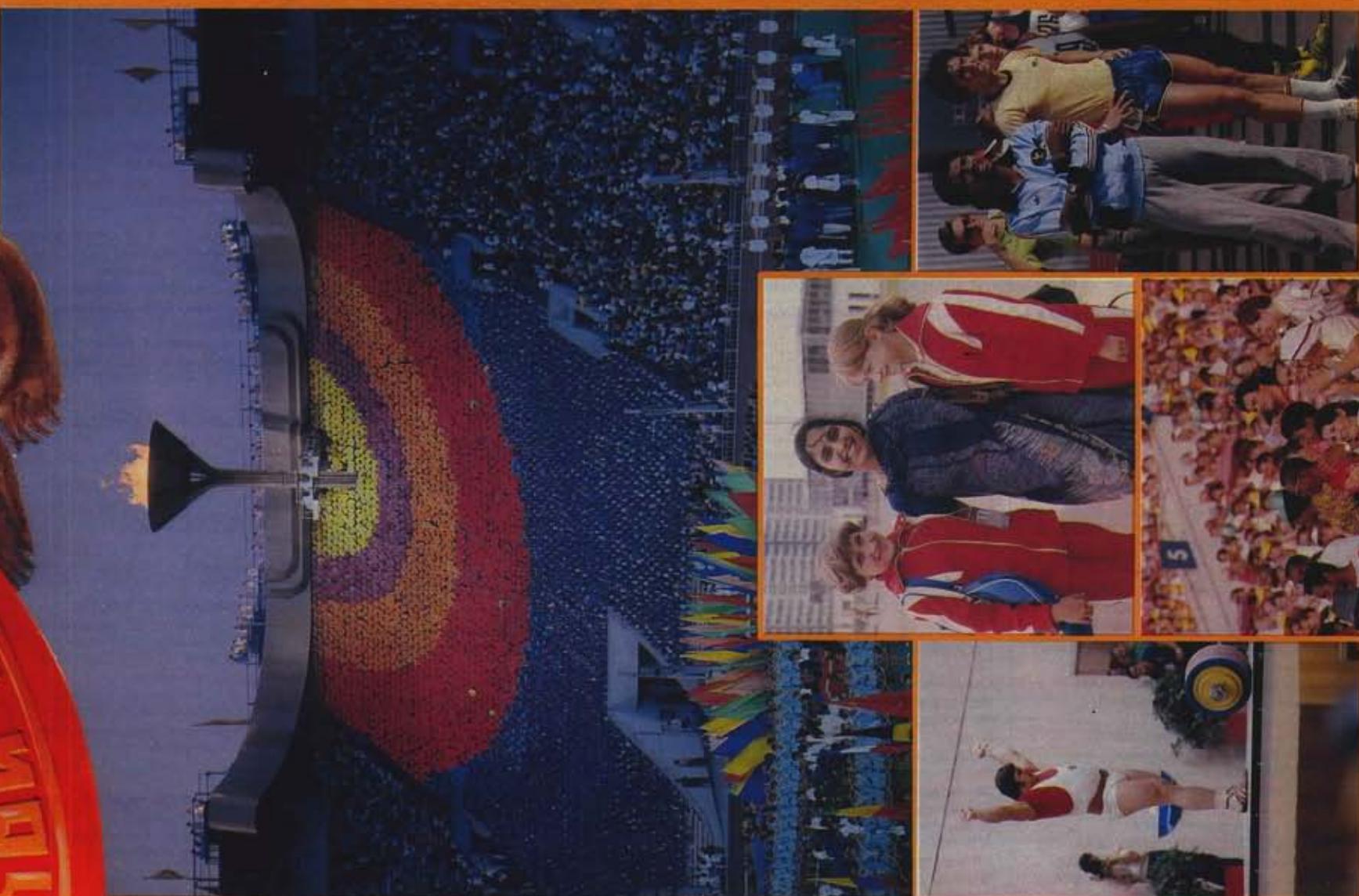
Гости и участников ждут забеги на «фестивальную» милю, равную 1985 метрам.

Грандиозный шахматный турнир одновременных игры на 1000 досок с участием 50 известных всему миру шахматных мастеров.

Товарищеские матчи и встречи между сборными командами советской Делегации и объединенными сборными командами стран — хозяев предыдущих фестивалей.

Максимально широкий доступ ко всем культурным и спортивным мероприятиям для каждого, кому они интересны,— таким будет фестивальный спорт.

Показательные выступления лучших спортсменов мира, способные доставить радость и на-

СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ

Продолжается наш традиционный «Конкурс одного стихотворения» под девизом «Славьте, молот и стих, землю молодости». Напоминаем условия конкурса. В нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов. Ждем ваших писем!

Махмуд ЮЛДАШЕВ, военнослужащий, Ташкент

Старик

Как памятник, но временный, не вечный,
На полпути старик согбенный встал.
О времени подумал быстротечном
Иль о болях? Иль холод сердце сжал?
Давным-давно по мерке сшитый впору,
Чопон висит, как на гвозде, на нем...
О времени ли вспомнил он, в котором
Душа пылала молодым огнем?

Перевел с узбекского Николай КАРПОВ.

Конкурс одного стихотворения

Евгений ТИТАЕВ,
учитель, Семипалатинск

Осенний эскиз

Долго накладывал дождик
Скучный ноябрьский грим,
Есть ли на свете художник,
Не согласившийся с ним?
Чтобы душа нараспашку,
Чтоб от земли, да не в зле!
...Мальчик рисует ромашку
На запотевшем стекле.
Взмахивает рукою,
Старое плачет окно.
Что-то он может такое,
То, чего нам не дано.

Авдотья СМИРНОВА,
школьница, Москва

Все предвещало
изменение погоды—
И влажность воздуха,
и стоны стариков
О болях в пояснице. И природа
Знать не хотела
прежних берегов.
Все предвещало,
обещало измененья—
Японский календарь,
парад планет.
И високосный год, и совпаденья
Причуд, печальных
мыслей и примет.
Все было смешено, несовершенно.
Дома, деревья, вязлый снегопад—
Все изменялось.
Оставался неизменным
Наш старый дом, наш старый сад.

Александр МАСЛОВ,
юрист, Томск

Воспоминание

Туманы, туманы, туманы
Плынут над таежной рекой.
Болят мои старые раны,
И сердце теряет покой.
Давно отремели раскаты
Тяжелой и долгой войны,
Но помнятся други-солдаты,
И снятся военные сны.

Николай РУМЯНЦЕВ,
учитель,
г. Сафоново

У братской mogilы

Война товарищей сгубила,
Скосила их шальная смерть.
В цветах вся братская могила,
Но тяжко мне на них смотреть.
Здесь словно кровь
на каждой розе...
(О сколько есть таких могил!)
А рядом воин в скорбной позе
На вахте траурной застыл.
И долго,
долго,
долго греться
Ему у Вечного огня,
И с болью обмирает сердце,
Считая павших имена.

Вадим СИДОРОВ,
инженер-электрик, Москва

К истокам привела дорога:
В заснеженную ширь полей,
К деревням в одеянье строгом,
К деревне и прудам над ней.
Деревня минула разруха—
Стоит, как сотню лет назад—
Былая стойость, сила духа
Сквозь новый веет палисад.
От обновленной дранкой крыши,
От прочных темных изб-старух
Святая незыбломостью дышит,
Родным умением русских рук.
Живут заботы и раденье—
Они видны в разливах дня.
И так же красно песнопенье,
Как это было до меня.

Юрий МАЛКОВ,
рабочий

На Каме

Дожди прошли обильные над Камой,
Весь небосвод промыл голубизной.
И теплый пар белесыми струями
Над тихой поднимается водой.

Аукнулась знакомая опушка:
То дятел барабанит вдалеке,
И много лет пророчит мне кукушка.
И снова лещ играет на реке...

Я верю в исцеление такое:
Оно всегда приходит после гроз.
Я верю в это волшебство земное,
Лишь в людях бы оно не извелось...

Михаил ПЕТРОВ,
мотоциклист

Над землей чародействует осень,
нам с тобою ее не унять.
Посмотри, у березовой рощи
золотая, с грустинкою прядь.

Солнце светит печально и чисто,
грусть земли принимая, пою,
проявляя светло и лучисто
запоздалую нежность свою.

А земля, эту чувствуя нежность,
вся истомой и тайной полна,
светлых дней открывая безбрежность,
улыбается мудро она.

Стонет он покосившейся стеной
И, опершись на третью ногу—трость,
Все то же небо видит над собою,
Что и в далеком детстве привело.
Он шамкает беззубо и невнятно,
И жизнь вокруг струится, как река...
Но ордена могуче и набатно
Твердят о мире—счастье старика.

СТИХИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА КОНКУРС ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Литературное объединение «Орфей»,
г. Брест, организовано с самого нача-
ла строительства КамАЗа. Руководит
им Евгений Кувайцев.

Литературное объединение «Зеленые
цветы» в Коломенском названо так в
память о книге талантливого поэта Ни-
колая Рубцова. Объединение моло-
дое. Руководит им поэт Олег Кочетков.

Татьяна БАШКИРОВА,
лаборант

Он пришел—молчалив, несмел,
Голос—будто издалека.
Слишком близко огонь взлетел,
Черной стала его щека.
На вопросы жены: «Да так,
В цехе вдруг взорвался резак,
А не я, так из нас шести
Кто-то должен таким прийти».
За окном—зелены сады,
За окном—облака чисты,
А вопросы жены прости:
«Почему не они, а ты?»
«Я не ставлю другим в вину,—
Я ведь действовал, как в войну...»
Занянастился день в окне.
Фотография на стене
Из обугленных тех годов:
Взгляд отца на ней тих, суров...

Виктор ГАЛКИН,
слесарь-наладчик

Кора от вбитых крючьев омертвела,
Еще сезон—и тополю конец.
Но во сто крат несовместимой тело,
Живое тело и литой свинец.

Мой друг с войны
под сердцем пулю носит,
Извлечь—хирургу было не с руки,
А до сих пор хлеба завидно косит
Вражде свинца и тела вопреки.

Валентина
ШАПОВАЛОВА,
майор в отставке,
Москва

Награда

«... Да, коммунист!» —
ответил политрук,
Перед фашистским офицером стоя,
И принял смерть,
пройдя сквозь сотни мук,
Он, как солдат на этом поле боя...

«Поздравь меня!
Вот, мама, партбилет», —
Сказал наш сын,
 преодолев волненье.
Такой знакомый Ленина портрет,
И кумача весеннее цветенье...

И если внук через десяток лет
«Я—коммунист» мне скажет,
буду рада,
Что мной оставлен
в жизни зрямый след.
И вручена мне высшая награда.

Алексей ЗОЛОТИН,
журналист, Калуга

Вы видали,
как лепит скульптор?..
Перепробует сотни раз —
До мельчайшей,
До самой мудрой
Складки кожи у рта и глаз.
Ошибется — исправит, что же...
Эх, вот если
В любви бы так!
Нет, одна лишь ошибка может
Всю скульптуру
Повергнуть в прах.

Передо мной более сотни откликов. Пишут школьники, студенты, солдаты, домохозяйки, врачи, физики, пенсионеры, учителя. Остро задел читатель рассказ, и наиболее интересно то, что Юльку, героиню рассказа, воспринимают как личность реальную, с адресом, фамилией, номером школы...

Восприятие Юльки не как литературной героини вполне естественно, потому что писательница подметила «свою» Юльку в жизни, ее характер, отношения с людьми, снабдила живой жизненной биографией, и вот родился человек, вызвавший столько эмоциональных откликов. Разговор в письмах идет не по законам разбора литературного произведения, а по законам человеческого общения, что самое ценное.

«Я становлюсь взрослой. А сколько ошибок, неловкостей и глупостей я совершаю. И это не просто трудно, это—больно».

Юля Н., 15 лет, Севастополь

Многие письма ровесников Юльки начинаются почти однаково: «Я такая (такой) же, как она, она—это я...»

Инна Мурашова из Воронежа пишет: «Мне, как и Юльке, 14 лет, и жизнь моя похожа на Юлину. Рассказ помог мне, да, наверное, не только мне, взглянуть на себя со стороны».

«Юлька близка мне, она только чуть моложе меня» (Е. Н.). И приписка: «Извините, что не называю себя. Не хочу, чтобы мои родители знали о том, что я написала вам. Что поделаешь, проблема отцов и детей».

Остановлюсь на этой приписке. Письмо Е. Н.—серезное, с раздумьями о жизни, такого письма нечего стыдиться. Возможно, проблема «отцов и детей», как пишет Е. Н. (Лена—Катя—Лиза?), меньше бы давала себя знать, если бы больше было открытости в общении детей и родителей. Но нет! Чаще всего из уст подростка слышится: не троньте меня, вы меня не понимаете, вам не дано меня понять, вы другое поколение: вы отцы, мы дети, но (!) взрослые дети!

Вообще письма ровесников Юльки отличаются серьезностью, глубиной раздумий над жизнью. Это письма действительно в чем-то уже сформировавшихся людей. И объединяет далеких и близких корреспондентов жажды справедливости, правды, отвращение ко лжи, к тому, что родители «берегут» своих детей и лгут им как бы во спасение, а на самом деле искажая восприятие мира, людей и, увы, самих себя.

Четырнадцатилетний Санг Базаржапов из Улан-Удэ написал: «Никогда не надо обманывать людей, особенно таких ранимых, как Юлька. Некоторые могут подумать, что она бесчувственная эгоистка. Но я готов переубедить их: Юлька обижена. Обижена на мать за ложь, на отца—за свою жизнь. И ее обида выражена в агрессивной форме... Не надо лгать нам».

Почти во всех письмах слышится призыв к взрослым: говорите правду, не охраняйте нас от жизни, учтывайте наш переходный возраст, понимайте нас, дайте нам самостоятельность, в том числе и материальную. Вот как рассуждают наши «маленькие дети»!

«Вообщем, я, наверное, хуже Юльки,—пишет Юля из Севастополя,—потому что думаю, что лучше. Я очень замкнута, домоседка. И друзей у меня нет настоящих. В школе у нас ввели новый предмет—этика и психология семейной жизни. На уроке учительница дала задание: что думают о тебе твои товарищи? И оценки, данные мне, были одни и те же: неплохой товарищ, начитанная, умная, но высокомерна, зазнайка, гордячка. Я очень люблю читать. Особенность книги о воспитании. Прочла все Макаренко, позже Федора Углова. Занимаясь самовоспитанием. А в результате получилась «зазнайка», как определили товарищи, и «невоспитанная хамка и эгоистка», как считает мама. И я согласна с ней. Умом, но не сердцем. В душе надеюсь, что все не так плохо. А как вы думаете? Ведь не совсем же я конченый человек? Вот натура человеческая!—собиралась заняться самобичеванием, а вышло—выгораживаю себя. Простите».

Как быть с такой вот «зазнайкой», «домоседкой» и рефлексирующей душой? Видимо, Юлина мама и не подозревает, как сложен мир души ее дочери. Оскорбительными выкриками тут не поможешь и в турпоход с веселыми, добрыми людьми домоседку и книжечку не утаишь, что-то другое нужно взять на вооружение.

Первое слово, сказанное и услышанное ребенком, первые шаги, первые зачатки нравственности, первые уроки жизни, горькие и радостные, все это происходит в семье. Школа будет потом, пионерская, комсомольская организации—потом, когда в человеке уже заложено все, чем он будет жить, дальше происходит лишь шлифовка, воспитание, но вначале—семья. Сейчас по новой школьной реформе в первый класс идут шестилетки. Какими они станут—зависит в первую очередь от родителей. Учитель В. Демин из Львова, проработавший в школе двадцать лет, пишет следующее: «Работал преподавателем, наблюдая за поведением учащихся, я мог безошибочно составить психологический портрет родителей каждого. И, представьте себе, почти никогда не ошибался». Как точно сказано! И потому, прежде чем ругать своего сына или дочь, прежде чем вопрошать, откуда ты такой вырос, надо оглянуться, как говорят, на себя, и вы вдруг ясно увидите, откуда в вашем обожаемом чаде эгоизм,

страсть к вещам, странные, нечеловеческие мерки («У него нет стереосистемы, мне с ним делать нечего и говорить не о чём»).

Образно написала Катя Курманова (14 лет) из поселка Урмель Владимирской области о своих сверстниках, о себе, о Юльке. «Читая рассказ, я видела перед собой маленького озлобленного котенка-зверька со вздыбленной шерсткой, пронзительное мяуканье которого превращается в рычание. Такими мы все бываем». «Рычащий котенок!» С болью сказано.

Материальная независимость детей от родителей. Кто хочет работать (пусть даже в летнее время в каникулы или учась в вечерней школе), тот и станет это делать, на это санкций родителей, думаю, не нужно. Пусть заработаны всего лишь 15, 10 рублей, но если они принесены и отданы матери, какое новое, неизведанное чувство появится у юной личности! И уже не «рычащий котенок», а трудовой человек появится в семье. Взрослые лучше понимают трудащегося, чем рефлексирующего и мятущегося подростка, хотя в жизни немало и тех, и других.

«Многие сверстники готовы до умопомрачения гоняться за вещами или клянчить их у родителей» (из письма Е. Н.).

Еще одна проблема, затронутая в рассказе В. Дорошенко, которая живо задела сверстников Юльки.

«Меня зовут Лена Т. Учуясь в шестом классе, в городе Бежицке. Юля—законченная эгоистка, она требует у матери модные джинсы, деньги. Этим она хочет обратить на себя внимание».

«...нормальная девушка хочет модно одеваться и правильно делает».

Володя Баев, ученик ПТУ

А теперь процитирую одно довольно длинное письмо. Автор его—студент.

«Увлекаюсь всем современным: Пугачевой, автографами знаменитостей, Высоцким и пр.—пишет он.—Несколько месяцев назад меня приняли в члены «клана», хотя у меня есть много недостатков—неимпортный магнитофон, обыкновенная пишущая машинка, а не «Оптима», отечественный вельветовый костюм-тройка, чехословацкие кроссовки. Но меня приняли за несколько престижных автографов и адресов знаменитостей. Вы подумаете, какой гадкий человек пишет! Но это просто открытие, в жизни я не такой, поэтому письмо без имени, вы извините. Своих сокурсников я глубоко презираю, если не сказать больше: терпеть не могу (в душе, конечно) потому, что у них нет даже того, что есть у меня...»

Вы можете спросить, чем же мы занимаемся? Не волнуйтесь, мы не хулиганы. Когда мы собираемся вечерами, то слушаем хорошую музыку, рассказываем друг другу о своих последних достижениях, обмениваемся проверенной информацией о знаменитостях, демонстрируем свои познания в разных областях культуры и пр. Вы не подумайте, что я испорченный человек... Встречаются такие, которые стремятся проникнуть в наше число избранных, но пока безуспешно. Всего доброго. На публикацию не надеюсь, да она и не нужна, ведь я писал без разрешения «клана».

Отвечу этому корреспонденту лично и, как говорится, публично. Можно было бы, конечно, просто посмеяться над этим письмом, уж очень оно напыщенное и, извините, неумное. Можно было бы посмеяться, но... Есть «другие, которые хотят попасть в «клан», вот это волнует. Эти самые несмышленыши (в четырнадцать можно быть умным, а иногда и в восемнадцать—двадцать—таким вот инфантальным дурачком) считают, что, выстояв очередь за кроссовками, можно стать интеллигентным человеком. Вот уж поистине руками разведешь! Любят он В. Высоцкого? А знает ли, как давалась Высоцкому его поззия? Думаю, что не знает. Если бы Высоцкий сидел с двадцати лет в каком-нибудь подобном «клане» и обсуждал, во что одета Гурченко и какой формы нос у Леонтьева, то, думаю, о нем не узнал бы никто и никогда. Я не собираюсь воспитывать автора письма, но уверена, что он-то как раз и относится к числу самых заурядных невидимок. Увы! Хотя есть надежда, что он со временем станет самим собой, раз уж написал письмо без разрешения «клана» и старается оправдаться... не перед нами, нет... перед собой.

А рядом с этим « посланием» письмо мастера спорта К. Виноградова из поселка Томилино Московской области, который пишет: «Мир, приходящий на смену детства, сложен, и очень трудно бывает отстаивать свою точку зрения, ошибаясь, спотыкаясь, но находя верный ответ».

«От того, какими соками питается дерево, зависит, какими будут его плоды...»

Этими словами из письма Ф. Хабибулина (Ленинград) мне хочется предварить отклики взрослых. Хабибулин пишет: «Человек не дерево, у него три почвы: семья, школа, общество. Если есть гармония между этими почвами, будет здоровый физически и нравственно человек. Самым важным в деле воспитания является семья. Она начало всех начал. Главное, чему должны учить родители, это чтобы ребенок понял полезность свою для общества и что труд нужен не только обществу, но и самому человеку. Даже не как материальное обеспечение, а как моральное удовлетворение, которое растит самоуважение».

Об этом пишет и военнослужащий Гарегин Сумбатян: «Пытаюсь самому себе объяснять, понимают ли я людей с их многогранной психологией. Почему сделал так, а не этак, а ведь этак лучше, человечней, полезней, интересней! И в конце концов нужней. Мы не вороньи, чтобы жить двести лет и думать: еще успею исправиться, а пока сделаю, как нужно мне одному!» А читатель М. Я. Подлипский из Витебска указывает на то, что взрослые равнодушно проходят мимо подростков, не обращая внимания на их порой не безобидные проделки. Это то самое равнодушие, которого не должно быть. И нужны, конечно, при этом не окрик или нотация, а действенная помощь.

Во многих письмах взрослые касаются тревожащей проблемы «безотцовщины», пишут об особой ранимости таких детей, об их особой, душевной боли, которая не проходит ни на минуту (об этом очень точно написала В. Дорошенко). Подросток без отца чаще всего становится «трудным», неуправляемым. Тогда-то и превращаются милые и послушные девочки и мальчики в «рычащего котенка», которого и жаль, и понять невозможно. Но и «рычащему котенку» надо понимать своих близких. Потому что понимание двуединого. Тебя должны понимать, но и ты должен. И вот когда это войдет в твою плоть и кровь, тогда из «рычащего котенка» ты превратишься в Человека, душа которого раскрыта добру и миру.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ ВСЕХ, КТО ПРИСЛАЛ ОТКЛИКИ НА РАССКАЗ ВАЛЕНТИНЫ ДОРОШЕНКО «А ПОТОМ ИЗУЧУ ИСПАНСКИЙ...».

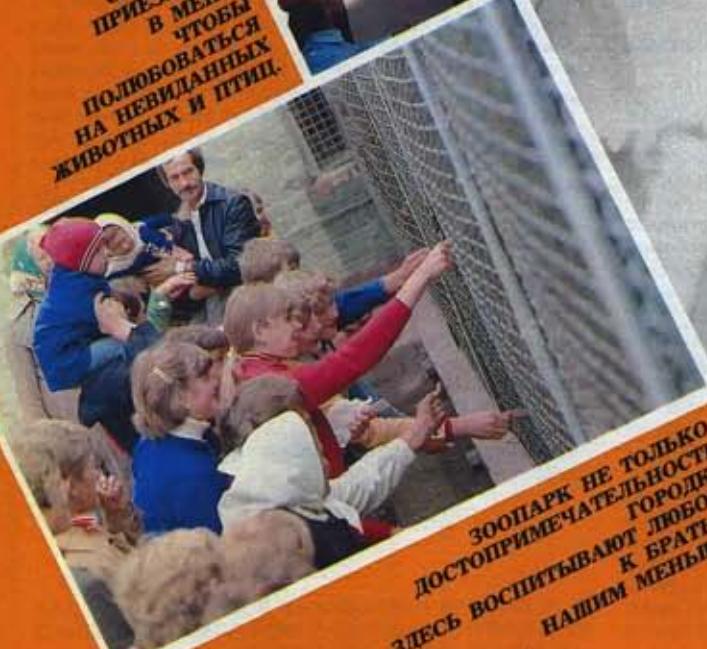
Снова в Мену, как на дорогой сердцу праздник. В места, которые поэт называл «зеленым раев». Вот уже и речка Снов с прозрачной родниковой водой. Вот и улыбившая Березна, где бабки торгуют дикой малиной, огромными яблоками и грибами. Притормозить бы, прилечься, да как-нибудь в другой раз. Все дальше и дальше по новгород-северской дороге — в Мену!

Благодарен случаю, что привел меня однажды в маленький этот городок на Черниговщине. Познакомился я здесь с человеком, создавшим зоопарк. Да, да, самый настоящий зоопарк. Львы, тигры, бизоны чувствуют себя в Мене прекрасно, хотя и далек здешний климат от того, что привычен им в саванне и джунглях.

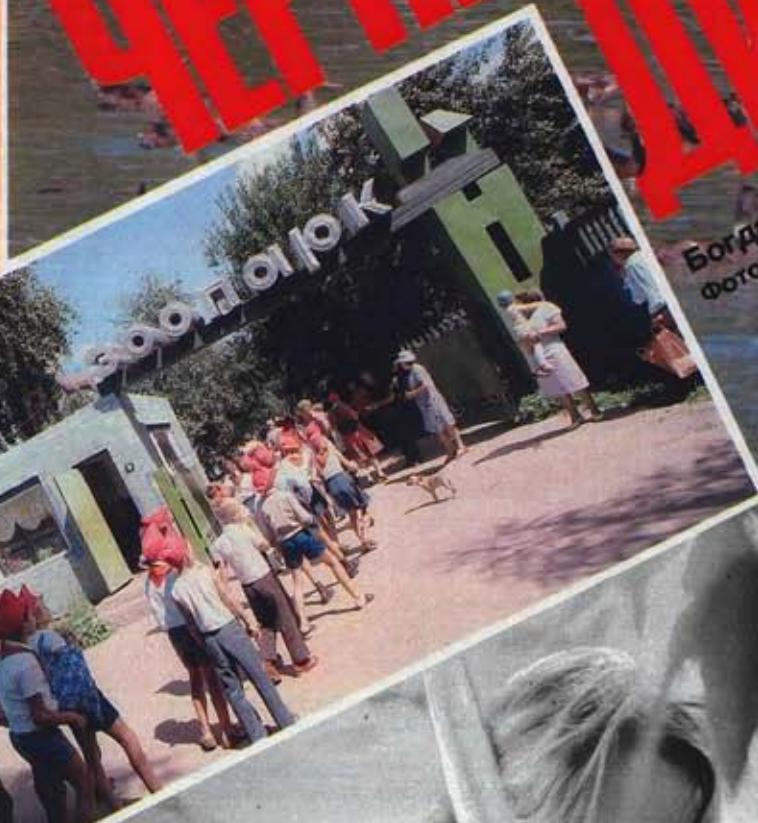
На озере — белые и черные лебеди, гуси — серый, белолобый, горный. Из семейства утиных всех и не перечислишь: огарь, леганка, кряква, чирок-свистунок, каролинка, мандаринка, мускусная утка, пампасный нырок, хохлатая чернеть. Потомство выводят в старых, приспособленных под домики ульях, расположенных вдоль берега. Писклявые птенцы, только что оставившие в теплых гнездах скорлупки яиц, парусят по синеве воде. Озеро не замерзает и зимой, потому круглый год на нем птичье царство. Но не только для пернатых здесь раздолье. К удовольствию посетителей зоопарка гоняют по берегу медведя. Мишки шутя преследуют разноцветных курочек-бентамок. Стада диких горлиц кормятся вместе с домашними голубями; создатели зоопарка стремятся подчеркнуть единство всего животного мира, домашних и прирученных птиц и зверей.

Забота и внимание в Менском зоопарке ко всем животным, но особое — к больным, нуждающимся в лечении.

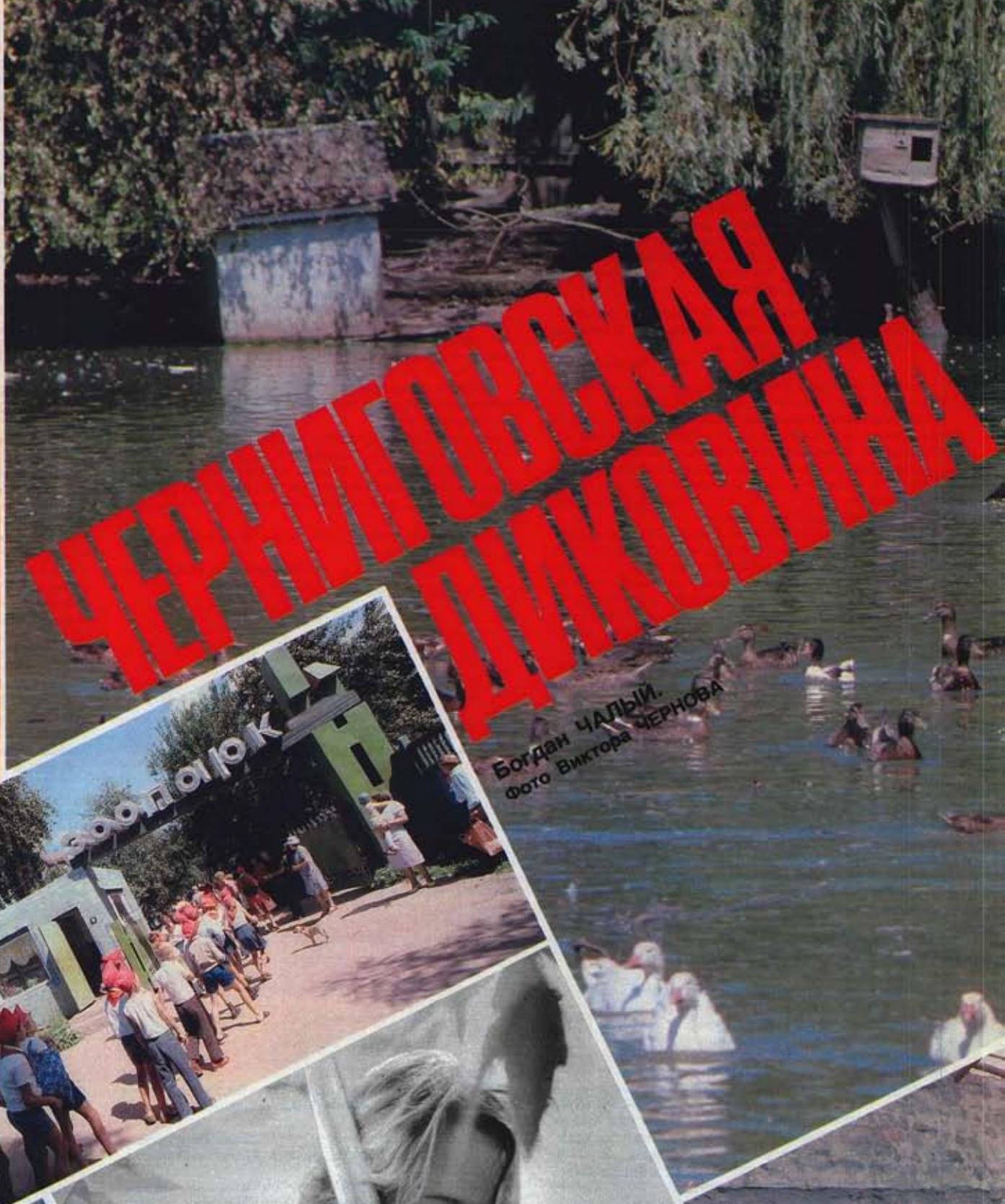
из многих областей приезжают в мену, чтобы полюбоваться на невиданных животных и птиц.

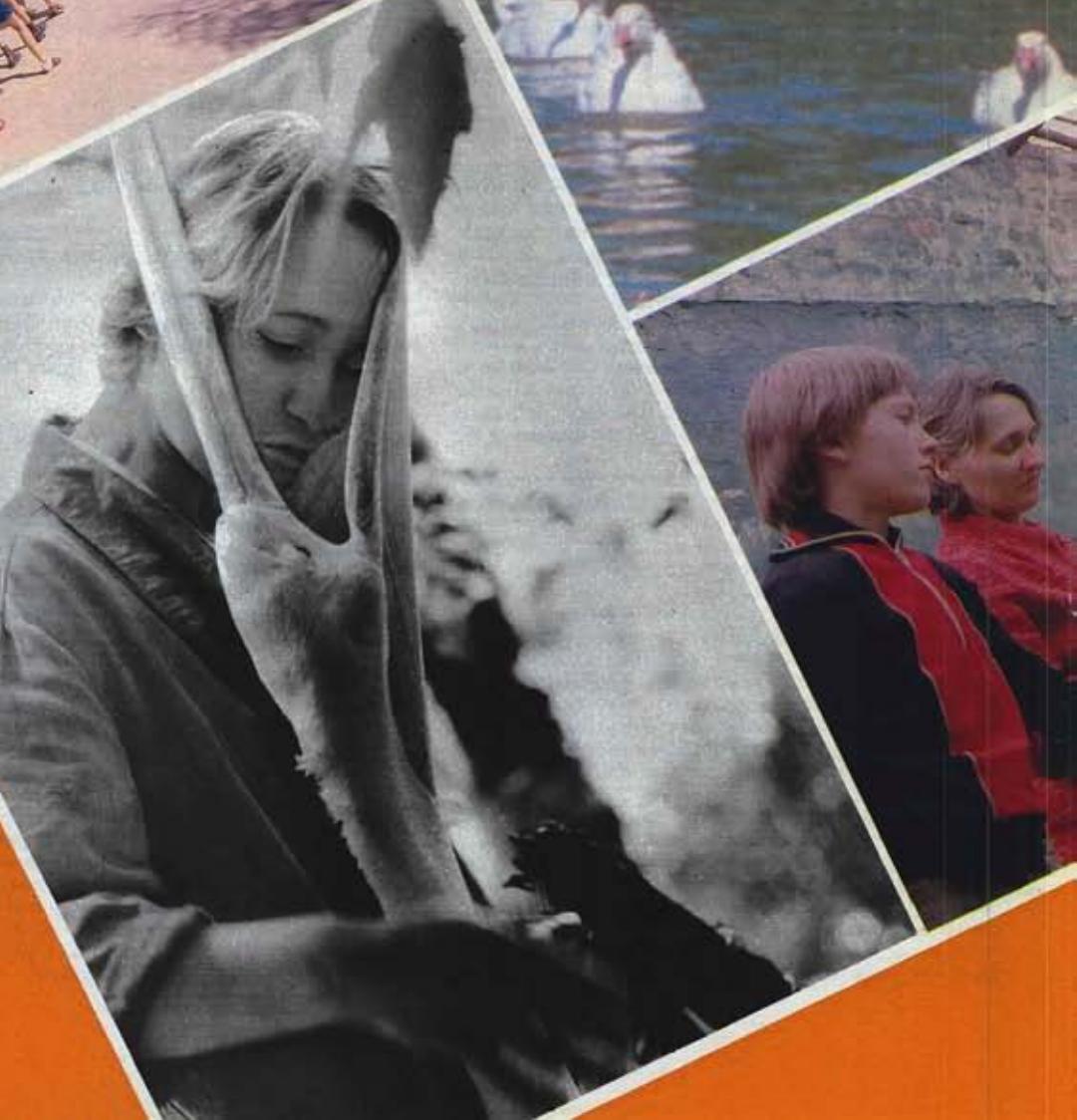
Зоопарк не только достопримечательность города, здесь воспитывают любовь к братству нашим мальчикам.

Богдан ЧАЙКИ
фото Виктора ЧЕРНОВА

ЧЕРНИГОВСКАЯ ДИКОВИНА

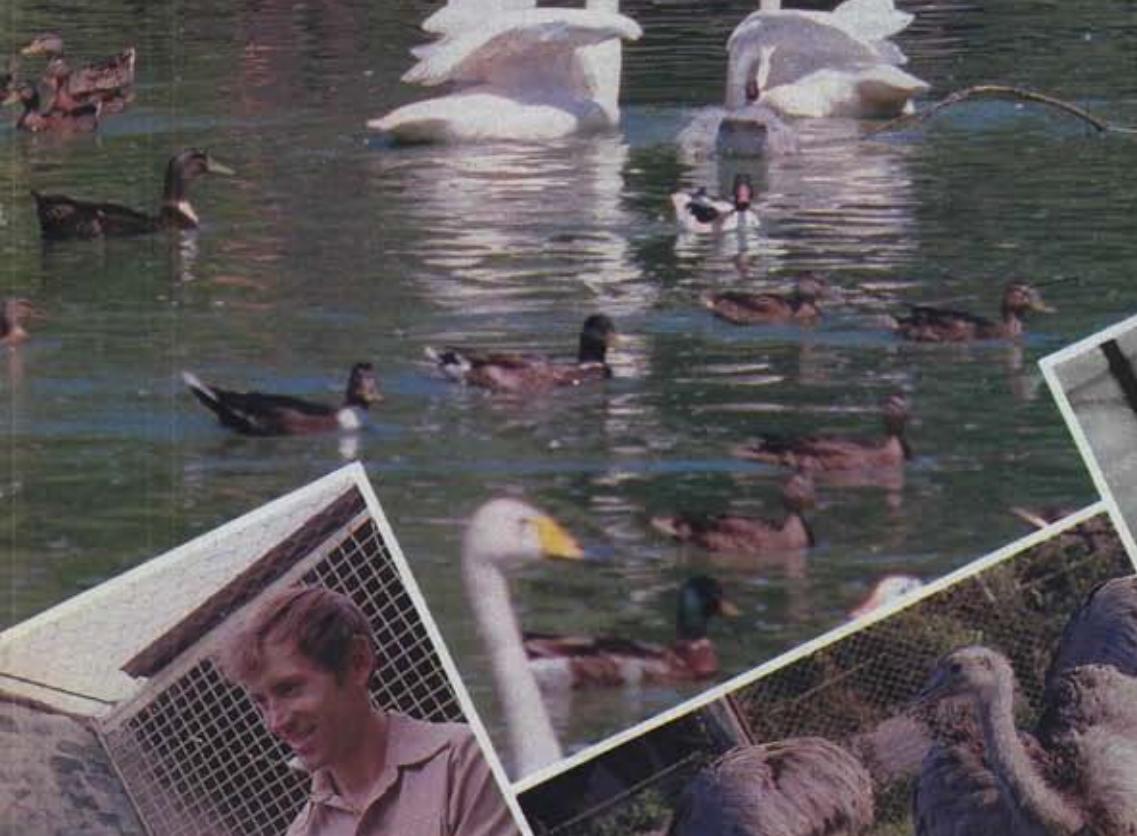
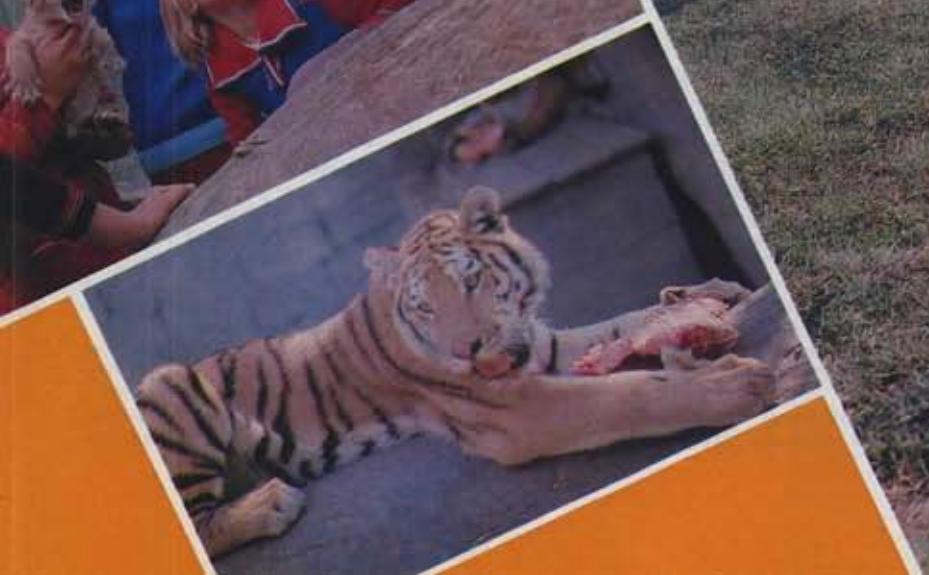

Добрые люди приносят подобранных в лесу и в поле куропаток и цапель, журавлей и аистов: пусть живут! У каждого обитателя зоопарка своя история. Вот замечательный лебедь-шипун. Зимой он вмерз крыльями в лед Остерского лесного озера. Какой-то сердобольный человек высвободил его из плена, отогрел. Вот серый журавль — дивная птица... Раненный, он остался на заснеженном лугу, в копне сена вышипал себе жилище. Несмотря на стужу, продержался до января. Под Новый год увидели селяне, как геройски отбивается журавль с перебитым крылом от наседающих лисиц, и забрали его в хату. Теперь живет он и здравствует. Всем пострадавшим — операция, нужное лечение и прописка на озере. Айболит здесь что надо!

Кто же создатель менской диковины, кто этот энтузиаст? Пора представить его: Геннадий Полосьмак. Это он, директор зоопарка, прежде всего в ответе за жизнь и здоровье пернатых и четвероногих его обитателей. Первая забота — накормить их досытно. Помидоры, огурцы обезьянкам. Мясо не только для хищников, необходимо оно и болотным птицам. Груши и дыни, как ни странно, волк любит. Ряска болотная — витамин для всех. Ягоды, грибы нужны, свежие ветви. Ужи и гадюки лягушек требуют. Главное — успеть заготовить. И все своими руками, а потому ежедневно

ПРИМЕР
ГЕННАДИЯ ПОЛОСЬМАКА
доказывает:
большое дело и одному
человеку под силу.
если человек этот —
энтузиаст.

работники зоопарка во главе с директором в лесу и в поле. Вольеры, бассейны, норы и логова, зимние жилища тоже силами сотрудников, без посторонней помощи построены. А сотрудников по пальцам можно перечесть. Правда, справедливости ради отметим: много у зоопарка искренних друзей. Колхозы, школы, даже детские сады помогают чем могут. В большой тетради директора записано, сколько и чего сдали юннаты окрестных сел. Трогательная строка: «Детский садик имени Щорса заготовил 500 кг каштанов». Вот вам и дети малые!

С чего началось хлопотное хозяйствство?

Старший сержант милиции Геннадий Полосьмак следил за порядком на местных, с крутыми поворотами дорогах. Приметили водители: молодой автоинспектор строг, но добросердечен. То галка с подбитым крылом в его будке, то соколик. Однажды притормозил фургон у КП, и водитель пробасил: «Глянь, сержант, двух волчат везем, серую охотники убили». «Куда же таких милья?» «Да на шкурки в заготовь». «Как же можно?» «Так забирай на здоровье, сержант!»

Жена Геннадия, Таисия, вспоминает:

«Познакомились мы, когда мой будущий муж монтажником работал на высоковольтной линии. Но заботливая любовь к зверям и птицам — это в нем и тогда было. О пчелах часами мне рассказывал. Родители после свадьбы додумали нам подарки на окраине Мены, так не успели мы мало-мальски хозяйством обзавестись, Геннадий канареек завел, попугайчиков. Потом раненый орел появился, косуля, дикая свинка, лисицы, утки, фазаны — шестьдесят разных видов. И вот как снег на голову пары волчат. Весь двор отдал живности. Лук, чеснок негде садить. Народ к нам валил, а соседи жалобы строчили во все инстанции. Спасите, мол, от волков...»

Три десятилетия был в Мене первым секретарем райкома партии Павел Кириллович Сыч, Герой Социалистического Труда. Уж если быть точным, зоопарк — это и его детище.

Геннадий Иванович о той поре вот что рассказывает: «Как-то утром чуть ли не в пять часов стук в окошко. Ну, думаю, авария где-нибудь на линии. Глянул во двор, дважды глаза протер: Павел Кириллович, первый секретарь. В тельняшке, в кирзовых сапогах, с рулевой в руке. Выскочил я в растерянности во двор. А секретарь: «С добрым утром, пошли территорию размечать! «Какую территорию?» «Ничего, брат, не знаешь, а милиционер. Выделил райисполком землю под будущий Менский зоопарк. Знаешь, какой у нас будет зоопарк? Нет, ты представить себе не можешь...» До девяти утра трудились мы вдвоем с Павлом Кирилловичем, колышки забивали. В девять вызвал секретарь строителей: «У кого дети, внуки? Кто за то, чтобы подарить им зоопарк? Есть такая возможность! Строить будем в нерабочее время». Вот и появился у нас зоопарк. Уже более миллиона человек его посетило».

Трудами Полосьмака рос зоопарк. С Голопристанской косы привез он пятерых «бесхозных» верблюдов. Аскания-Нова передала в Мену маленьких бизонов, лам. Двух дикобразов Геннадий добыл в Гродненском и Одесском зоопарках. Из Армении в обмен на аистов и черниговских цапель прислали роскошных лебедей. В Харькове уступили директору за небольшие деньги тигра. На радостях Геннадий на пару с водителем триста метров клетку со зверем вдвоем до автомобиля тащили. Словно и забыли, что груз полтора центнера весит!

А с ягуаром вышло целое приключение! Клетка была доставлена в аэропорт за пятнадцать минут до вылета и — вот напасть! — не проходит по габаритам. От ворот, стало быть, поворот... Тут подходит к Геннадию девушка, работник аэропорта: «Куда же вы теперь с ягуаром? Сами-то из какого района?»

«Из Мены». «Так мы же с вами земляки. Давайте-ка попробуем через багажный отсек...» Втиснувшись, прилетели в Минск, а там нелетная погода. Ягуар есть просит, зубами стучит. Дали Полосьмаку добрые люди автобус до Гомеля. Оттуда товарняком домой.

Все мы родом из детства... Пример Геннадия Полосьмака с его нежной заботой о братьях наших меньших — еще одно подтверждение известной истины. «Трехлетним малышом в лисью нору залез, еле вытащили. Проведать кумушку хотел, сказок наслушался», — рассказывает Евдокия Ивановна, мать Геннадия. С пятого класса сын бредил пчелами. Шел однажды полем — васильки с ромашками, гречиха сладко пахнет. Откуда ни возьмись — пчелиный рой. Уставшим пчелам, видно, отдохнуть захотелось. Вокруг ни кустика, ни дерева. Закружились над Геной, опустились на плечо. А он не испугался! Четыре километра прошагал с пчелиным роем на голове. Когда уже по селу шел, люди шарахались в ужасе. А дед наш преспокойно тот рой снял — и в улей! И вот что интересно: пчелы тогда Гене для глаз отверстия оставили, чтоб видел, куда идти. Он и сейчас может десять пчел в рот посадить и выпускать по одной, как из улья».

Слушал Евдокию Ивановну, и подумалось: не будь у Геннадия еще в детстве таких сказочных встреч с природой, не было бы, наверное, и сегодняшнего зоопарка...

В Мену я зачастил после первой той поездки. И в каждый приезд отмечал что-то новое в жизни зоопарка. Вот озеро увеличилось. Появились на нем розовые фламинго — давняя мечта Геннадия. Бывшие хозяева уступили их за полцены, поскольку заражены были птицы каким-то цепким паразитом. Лишь один фламинго в Мене погиб, остальных спасли дедовскими чесночными настоеками. В просторные вольеры переселились попугаи, певчие птицы. Украли зоопарк два роскошных бассейна с удобными площадками для зрителей. В одном резвится морской лев, подбрасывает в воздух мяч. По соседству белая медведица Ursula из Ленинградского зоопарка. Часами любуются ребяташки и взрослые их играми.

У зоопарка множество верных, преданных друзей, но, увы, есть и недоброжелатели. Время от времени со стороны Дома охотников (он рядом, за забором) летят на территорию зоопарка пустые бутылки из-под хмельного, дробя утиные и лебединые яйца. Настраивают против зоопарка детей те взрослые, чьи домашние утки некогда считали озеро своим. Был случай: ученик второго класса перелез через забор и уничтожил палкой два десятка птенцов, родители которых числятся в Красной книге. Выдирали пытались выкрасть при помощи хитроумного устройства. Обезьянка чуть не погибла в наброшенной на шею петле — она уже билась в конвульсиях, когда Геннадий ворвался в клетку, перерезал веревку. Потом он ртом вдыхал малышке в легкие воздух. В Мене не проходит безнаказанным ни один такой случай хулиганства. Здесь понимают: зоопарк не только достопримечательность города. Он воспитатель любви к природе, человечности.

...Вот и Мена, мостик через речушку. В хозяйстве Геннадия Полосьмака опять новости. Вижу новый террариум с крокодилами, змеями. Стены змеиного обиталища облицованы ракушками. И это дело рук Геннадия. Вот и он сам. Только поздоровались, а он уж торопит: «Глянь — за верблюжьим загоном огромный котлован. Строим жилище для слона! Он будет жить на острове. Представь себе, спускается по ступеням в воду, купается на глазах у публики. Ребяташки потеха...»

Похудел мой друг Геннадий, кожа да кости. «Зачем еще и слон тебе? Отдохни, поедем в Киев, путевку к морю возьмем...» «Дальше, дальше идем, времени мало. Сегодня еду в Днепропетровск, оленей везу в обмен...»

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭСТРАДА

Джанни Моранди, Адриано Челентано... Звезды итальянской эстрады популярны у нас, их творчество вызывает интерес у людей разного возраста, их песни постоянно в поле зрения молодежи. В клубе «Музыка с тобой» «Смена» знакомила читателей с этими певцами, рассказывала о гастролях в нашей стране популярной группы «Матия Базар». Каждый год на итальянском эстрадном небосклоне вспыхивают новые звезды, в адрес «Смены» приходят письма с просьбой рассказать о Тото Кутуньо, о Пуло, об Аль Бано и Ромине Пауэр... Недавно у нас в редакции побывал итальянский журналист Джульетто Кьеца. Узнав о пожеланиях советских читателей поближе познакомиться с итальянскими певцами, наш гость подготовил материал об исполнителях, многих из которых пока еще мало известны в нашей стране.

Своей песней «Такая любовь — это душегубка» (впервые, пожалуй, любовь удостаивается столь нелестного для себя и жестокого сравнения, но... чего не сделаешь ради оригинальности), желания привлечь к себе внимание

публики) Джанна Наннини буквально заполнила прошедшее музыкальное лето Италии. Эта песня стала самой популярной из последней пластинки певицы с названием «Фотороманс» и, можно сказать, ознаменовала собой путь маленький, но все-таки поворот в мире итальянской эстрады. В том самом мире, где соседствуют два на первый взгляд противоположных явления: здесь годами можно оставаться на гребне волн успеха (при условии, что вы обладаете хоть каким-то талантом), ни на день не исчезая из поля зрения публики, и вместе с тем моды сменяют одна другую с поразительной быстротой и безжалостностью.

Так или иначе, именно она, Джанна Наннини, со своей манерой исполнения в стиле тяжелого рока по-итальянски, определяет и формирует сегодня вкусы любителей музыки. С Джанной случилось то же самое, что до нее произошло со многими.

Итальянская легкая музыка владеет способностью чутко улавливать, впитывать и пропускать через себя новые веяния, которые приходят извне, превращая их в нечто другое, самобытное, что, в свою очередь, экспортируется затем во все страны мира и в чем уже невозможно узнать корни музыкальной продукции Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Рио-де-Жанейро.

Так было с известнейшими песнями «Америка», «Скажи, скажи мне», «Лэтигин лавер». Текст написан по-итальянски, но дело тут не только в языке. Вся хитрость заключается в том, что в них вкладывается чисто итальянское музыкальное содержание и музыкальная культура. Однако не прошло и года, а Джанна Наннини уже готовит себе почву для будущего, современную обработку твиста и песню «Бла-бла» (что означает «болтовня»), стремясь стать законодательницей еще одного направления: возврата к дням минувшим, к ушедшим в прошлое мелодиям. Так же поступила несколько лет назад группа «Матия Базар», вдохнув жизнь в некогда популярные песенки 50-х годов, скорее даже в старый дух легкой музыки тех лет, облекая его в иное музыкальное содержание и пропитывая острой иронией по отношению к культурным моделям того времени.

Операция, которую умно и тонко провели музыканты из «Матия Базар», стала образцом для подражания. Их примеру последовал Франко Баттиато, облюбовавший себе следующее десятилетие — 60-е годы; в песне «Постоянный центр тяжести» он с добродушной улыбкой и оригинальным музыкальным оформлением вспомнил некоторые из особенно популярных тогда сочинений и в награду за это имел шумный успех. Теперь Баттиато тоже «обновляется».

На своем недавнем концерте в Риме он представил перед зрителями, вооружившись богатым арсеналом зрелищных номеров, которые служили обрамлением для вереницы песен, чередующихся тяжелый рок с ритмовыми мелодиями и рэги. Его именем можно было бы открыть целую главу в современной итальянской эстраде, может быть, самую главную: главу, посвященную легкой музыке из Неаполя. Настоящая лавина «чистокровных» неаполитанских певцов и ансамблей уже не только захлестнула сейчас всю Италию, но и прорвалась в Европу. Более того, проникла она и в кинематограф. В ближайшее время режиссер Сальваторе Пишилли заканчивает работу над фильмом «Неаполитанский блюз». Главные действующие лица этой запутанной и очень «южной» любовной истории — исполнители, принадлежащие к новой музыкальной неаполитанской волне: от Пино Даниеле до Туллио Де Писколо, от Тони Эспозито до групп «Антра», «Ашенне», «Литл Итали», «Радио», «666».

Беннато не попал в картину Пишилли только потому, что относится уже к разряду скорее итальянских, чем неаполитанских певцов. Однако он не изменил своему стилю менестреля рока, рассказчика и клоуна и в последнем диске «Беннато жив», который продается вместе с современным переложением знаменитой сказки о дудочнике из Хамелина под новым названием «Вот пришел корабль» (по начальным словам детского стихотворения).

Да, вы не ошиблись. К пластинке прилагается книга, и это неудивительно: рынок звукозаписи ищет новые формы и вступает в союз с рынком издательским. Кроме того, Беннато отнюдь не первооткрыватель, он всего лишь пошел по следам «неувядающих учителей» Гуччини и Веккьони, которые в свое время уже стали по совместительству писателями и поэтами.

Легкая музыка вышла далеко за рамки своих естественных функций. Покупателю предлагается книга вместе с пластинкой и — последняя новинка — видеодиск, который облачает му-

СКАЙ

зыку в изображение и переносит на малый цветной экран повествовательный сюжет песни, если таковой имеется. Когда песня не представляет собой законченного рассказа, снимаются произвольно взятые сцены.

Не все видеодиски отличаются высоким качеством содержания. Нередко они строятся на дешевых трюках или показывают сцены откровенного насилия, что в первую очередь касается продукции, выпущенной в США. Тем не менее в грязной пene изредка попадаются и хорошие вещи. Федерико Феллини не погнулся в свое время сделать несколько (кстати, чрезвычайно интересных) телевизионных рекламных ро-

одно из высоких мест в списках лучших новинок вместе с «Организованными путешествиями». Лучо Далла — пожалуй, самым фантасмагорическим набором песен за всю карьеру этого автора и исполнителя своих сочинений. Далла включил в свой сборник блюз, мелодии Филадельфии и регги, перемежая это целыми джазовыми вставками, которые он то и дело играет, сочиняет и поет своим необычным голосом, похожим на звучание даже не одного, а целого десятка музыкальных инструментов, не отступающим перед самыми сложными пассажами и самой тонкой иронией.

Нет нужды говорить, что в ряду сегодняшних звезд итальянской эстрады Лучо Далла благодаря своей самобытности и уму выгодно выделяется среди прочих да и, наверное, возвышается над ними. Однако в непосредственной близости от него в нашей воображаемой классификации необходимо поместить Пино Даниеле. К какому стилю отнести манеру исполнения этого певца? Мы уже упоминали о том, что ему по праву принадлежит место в ряду «невполитанцев». Это действительно так. Говорилось также, что его музыка окрашена

прошлым летом Пино Даниеле включил в состав своей группы Хуана Пабло Торреса и Адальберто Лару — двух известных кубинских музыкантов-духовиков.

Короче говоря, все сказанное выше подтверждает: хотя тяжелый рок — продукт заморский, но итальянская музыкальная кухня смогла в конце концов превратить его в блюдо собственного приготовления. Кстати, сейчас наблюдается явное стремление освободиться от музыкального нажима и давления, которое оказывают Соединенные Штаты.

Сегодня существует довольно большое количество групп, полемически настроенных по отношению к Западу; даже в своих названиях и в названиях исполняемых песен они обращаются к странам Восточной Европы. Это тоже один из способов воспротивиться чужому влиянию, отказаться говорить по-английски и в музыке.

Зато этой волной стоят «старики», такие, как Нада (она тоже выпустила недавно пластинку под названием «Мы никогда не вырастем»), Лордана Берте, Тото Кутуньо, Баттиато. Каждый из них по-своему оригинален, но все едини в погоне за ускользающей популярностью. А за ними возвышается геркулесом Челентано Неугасимый. Однако говорить о Челентано означает погрузиться в прошлое, в точнее, в возрождение былого.

Возрождение необычное, так как речь идет о звезде эстрады, которая, подобно очень немногим, продолжает оставаться ею и продолжает «делать музыку» на свой лад, острым, чутким и сегодня улавливая изменения в настроении различных категорий публики: от самых юных до, так сказать, не очень молодых людей. Тексты его песен всегда были осторожным смешением консервативных идей и броских прогрессивных рассуждений. Его музыка никогда не выходила за рамки повторения самых простых и общедоступных канонов. Он остается выразителем некоего среднего уровня культурного и музыкального воспитания и делает это лучше, чем кто бы то ни было. Успех Челентано как певца и как киноактера заключен целиком в этой формуле, которая кажется простой, но только на первый взгляд.

После перерыва записала свою очередную пластинку и Мина, потеряв за это время значительное число поклонников. На концертах она больше не выступает, но голос сохранила замечательный, чего никак не скажешь о пластинке с точки зрения ее оригинальности. А вот Орнелла Ванони в последнем диске «Мужчины» по части оригинальности даже перестаралась: почти все слова к песням она написала сама, музыка очень ритмична, а что касается содержания, то певица вложила в него избыток чувственности.

В то время, как на эстраде чуть ли не безраздельно царит тяжелый рок, а поп-панк-музыка постепенно сходит на нет вместе с «хулиганскими» песнями Васко Росси, появляются коллекционеры рока «родонаучального». Как драгоценные реликвии разыскиваются первые диски Элвиса Пресли и «Битлз». Причем качество их не слишком волнует собирателей. За какую-нибудь искаррапанную и гниставшую под иглой проигрывателя «Желтую субмарину» вам могут предложить кругленькую сумму. Даже первые пластинки Челентано, который пел для студии звукозаписи «Джолли», — и те становятся объектом поисков падших на моду коллекционеров.

Словом, путь развития итальянской эстрады непрост. Но хочется верить, что, абирай в себя новые достижения зарубежной музыки, испытывая разнообразные влияния, неизбежные в поиске нового, современного музыкального языка, итальянская эстрада останется верной национальным традициям, глубоко индивидуальной, понятной и своему народу, и народам других стран.

Перевел с итальянского
Павел КОЗЛОВ.

«ТАК БУДЕТ!»

Два года назад поклонники итальянской эстрады, впервые услышав песню «Феличита» («Счастье»), были покорены мелодичностью и искренностью исполненной композиции. Вскоре состоялось знакомство и советских слушателей с творчеством Аль Бано и Ромины Паузер.

Аль Бано и Ромина Паузер в своих песнях рассказывают о том, что волнует миллионы простых итальянцев. Их мелодиям тесно в рамках обычной эстрадной песни, неподвластные влиянию музыкальной моды, они «стоят в стороне» от так называемых песен-однодневок, шлягеров коммерческого толка. Идущие от сердца исполнителей, их песни создают радостное, весеннее настроение.

Аль Бано и Ромина Паузер не затронула «звездная болезнь»: они самокритичны, не обольщаются громкими успехами... Девиз артистов — не останавливаться на достигнутом!

Не сразу к ним пришли известность и всеобщее признание. Поиски, поражения, временные успехи — все было...

Аль Бано довелось познать и радость побед — его песни занимали первые места в итальянских хит-парадах, и горечь поражений — мелодии, написанные им, звучали в «Парадах презрения», где были собраны худшие вещи сезона. Но Аль Бано оставался верен себе, верен тому пути, который выбрал однажды и по которому решил идти до конца. «Не думаю, — говорит он, — что когда-либо писал плохие песни. Просто я всегда такую, какой есть».

В 1969 году Аль Бано встретился с Роминой. Их пригласили на съемки фильма «Солнце», где они должны были сыграть героев романтической любовной истории. Свои роли дебютанты исполнили блестящие и... до сих пор не расстаются.

В 1982 году на фестивале в Сан-Ремо Аль Бано и Ромина заняли второе место. Для многих это было неожиданностью, но только не для Аль Бано и Ромины, которые, сохранив верность своему стилю, своей манере исполнения, по праву заслужили признание. Следует также учитывать и настроение публики, уставшей от назойливых, трескучих ритмов рок-музыки. А еще через два года дуэт уже на первом месте в Сан-Ремо, представив на суд зрителей песню «Чи сара!» («Так будет!»). Пришла слава, имена абсолютных победителей Сан-Ремо стали известны далеко за пределами Италии...

Этим летом Ромина и Аль Бано были гостями Ленинграда, где принимали участие в съемках музыкального телефильма «Волшебная белая ночь». В песне «Чи сара!» («Так будет!») Ромина и Аль Бано поют о любви, о счастье. При всем множестве оттенков и настроений эти темы вечны. Они никогда не устаревают, и потому такие песни нужны людям. И так будет всегда.

Андрей ЗАБОЛОТСКИЙ

ДЕВИД

Джульетто КьеЗа,
итальянский журналист.
Специально для «Смены»

КЛУБ
МУЗЫКА
С ТОБОЙ

ликов. Для того, чтобы снять видеосюжет с песней Джанни Наннини (опять эта «Любовь-душегубка»), понадобился сам Микеланджело Антониони. Многие уже попробовали себя в этом жанре. Видеодиски превратились в колossalный бизнес, и отставать не хочется никому.

Джанни Моранди, еще один из неподдающихся сменам моды певцов, тоже совершил кругой поворот к миру экранного образа. Неизвестно, чем продиктовано его решение: то ли его убедил в этом очередной партнер — автор текстов к песням Могол, который распространялся с Лучо Баттисти, своим бывшим коллегой, то ли телевидение толкнуло его на этот путь, ведь целый ряд фильмов с участием Джанни Моранди, повторенных по общенациональной телевизионной программе, вызвал огромный интерес у зрителей.

Так или иначе, но Моранди «выбрал» на рынок еще одну пластинку с примечательным названием «Итальянский образ», которая прочно занимает

в рок-блузовые тона, а те, в свою очередь, играют оттенками наимодернейшего и беспокойного электронного звучания, которое уже не вписывается ни в один из известных стилей. Это тоже правда.

Недавно Пино Даниеле выступил с концертом в парижском зале «Олимпия» перед почти трехтысячной аудиторией, сплошь состоявшей из молодых людей, которые подвергли театральным кресла серьезному испытанию на прочность. Без участия не удалось остановиться никому. Спустя час после начала концерта танцевал весь зал. Что именно танцевал, никто, вероятно, сказать не мог.

Объяснить такую реакцию поможет высказывание одного из двух ударников его ансамбля, Наны Висконченело (второй ударник — это удивительно одаренный Туллио Де Писколо): «Качество музыки Пино очень схоже с музыкальной традицией развивающихся стран». Что это значит? А то, что в музыке Пино Даниеле заключен весь юг — от юга Италии до Африки и Кубы (не случайно

Алексей ПЬЯНОВ

8

июня 1786 года в селе Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии, в семье отставного капитана Николая Ильича Глинки родился второй сын. Нарекли его Федором.

Анна Яковлевна ни днем, ни ночью не отходила от кольбели младенца: мальчик был слабым и болезненным. Казалось, не было ни одной хвори, которая не пристала бы к Феде. Его сверстники ревались на пыльных деревенских улицах, бегали в соседний лес, а он метался в жару лихорадки, пил отвары трав, едва различая жалобные причитания матери.

Успокаивая измученную бессонными ночами жену, Николай Ильич говорил:

— Одолеет Феденька, одолеет и в службу пойдет. Корень у нас крепкий, верь мне, матушка. Еще и генералом станет. Я не достиг, а он достигнет...

Анна Яковлевна утирала слезы:

— До службы ли? Был бы жив только... Опять нынче кровь носом шла, едва уняли. Ты бы съездил в губернию...

И он, бросая все дела, ехал в Смоленск, ходил по врачам. Доброго этого человека знали, любили и в просьбах не отказывали.

Шли годы. В борениях с недугами подрастал Федя. Запомнилось ему, как однажды поднялась в их доме страшная суматоха. Путешествующая по Белоруссии Екатерина II навестила имение Глинки. Погостила, отобедала, справилась о делах и тут же собственноручно записала старшего сына Николая Ильича, Сергея Николаевича, в сухопутный кадетский корпус.

Долго еще потом обсуждали это событие в Сутоках. Тогда же было решено, что и Федя, по достижении необходимого возраста, продолжит семейную традицию — служить отечеству честью, делом и оружием.

В кадетском корпусе Федор Глинка — маленький, щедущий, по виду совсем еще ребенок — был среди первых учеников. Живой ум, необычайно цепкая память, воображение помогли ему быстро освоить точные науки. Освоить прочно, получать по математике «полные баллы». Но истинной его любовью, его увлечением, а потом и призванием стала литература.

В день окончания корпуса Федор Глинка и самые близкие его друзья, собравшись вместе, дали торжественную клятву — быть честными людьми, преданно и верно служить родине.

Этой юношеской клятве Федор Николаевич Глинка был верен всю жизнь. Жизнь долгую, сложную, полную превратностей, высоких свершений и срывов, освещенную творческим горением и состраданием — благородным и действенным. Он заслужил благодарную память потомков шлагой и пером, делом и словом, которые употребляли во благо народа. Он оставил заметный и прочный след в русской литературе, служа ей многие десятилетия бескорыстно и честно. Имя его — в ряду тех деятелей нашей отечественной культуры, о которых мы всегда будем вспоминать с благодарностью и уважением.

В 1802 году Федор Глинка был выпущен из кадетского корпуса в Апшеронский пехотный полк прaporщиком. Мужественно и стойко переносил он тяготы армейской службы. Недуги преследовали его. К прежним прибавилась болезнь глаз: сказались непомерное чтение в корпусе, бессонные ночи над любими книжками. Но он не привык жаловаться и не просил поблажек у начальства. Товарищи по полку знали, что у маленького прaporщика есть панацея от всех хворей и невзгод — сон. Говорят, что засыпал Глинка мгновенно, стоило ему добраться до постели, а то и прямо на земле, когда объявлялся привал во время походов и учений. Вставал бодрый и свежий, словно испил чудодейственного бальзама. Над ним подшу-

СИЛУ
СТЫ

ФЕДОР ГЛИНКА

чивали, называли соней, а он только улыбался в ответ.

Боевое крещение Глинка принял в кампании 1805—1806 годов, находясь адъютантом при генерале М. А. Милорадовиче, командовавшем отдельной бригадой. Участвовал в сражении при Аустерлице, проявил незаурядную храбрость.

После окончания войны вынужден был подать в отставку по состоянию здоровья. Сняв «бронную» форму, Федор Николаевич вернулся в родное село. Здесь, в знак военных заслуг, земляки избрали его сотенным начальником ополчения. Однако главной заботой Глинки в ту пору были мирные занятия: он работал над своим первым большим литературным произведением и вскоре завершил его. В 1808 году в Москве вышли «Письма русского офицера...». В «Русском вестнике» появились тогда же патриотические стихотворения Глинки — отзыв недавних сражений. Они были приняты читающей Россией с одобрением и сочувствием, что и определило в значительной мере его выбор: отныне литература, поэзия стали главными занятиями Федора Николаевича. Его стихи, оды, трагедии одухотворены высоким гражданским пафосом, в них громко звучат патриотические ноты, протест против тирании.

Однако страстная и деятельная натура Глинки требовала выхода не только в словах, но и в делах, полезных для общества. Там, у себя в Суточах, он принимает предложение губернского правления оказывать содействие Обществу истории и древностей российских. С этой целью предпринимает поездку по Смоленской и Тверской губерниям, посещает Киев, путешествует по Волге. Его увлечением, пронесенным через всю жизнь, становятся отечественная история и археология.

1812 год прервал мирные занятия поэта. Началась Отечественная война. Неприятель приближался к Смоленской губернии. В Суточах эстафетой пришло письмо из Калуги от генерала Милорадовича: он звал Глинку к себе. Не раздумывая ни минуты, выехал тот в свой Апшеронский полк и был определен на прежнюю должность. Участвовал в Бородинском сражении, в заграждении походе русской армии. За мужество и храбрость был награжден орденами и золотой шпагой.

А потом опять — письменный стол, за которым рождались новые «Письма русского офицера», принесшие их автору большую и заслуженную литературную известность. Вот что писал об этом произведении один из близких знакомцев и биографов Глинки много лет спустя, уже после его смерти:

«...лучшею заслугою Федора Николаевича перед русским народом были «Письма русского офицера» с театра двух войн с Наполеоном — 1805—1806 и 1812 гг. Великие события, коих Ф. Н. привелось быть очевидцем, и особенность его таланта сделали его народным писателем и истолкователем народных чувств. Вся Россия, читая его «Письма», не только видела перед собою, но и переживала вместе с их автором все важнейшие моменты Отечественной войны: и героическую оборону, и пожар Смоленска, и грозную картину Бородинской битвы, столь художественно описанную потом в «Очерках Бородинского сражения».

Федор Николаевич вновь вспомнил эти героические годы, когда прочтет и высоко оценит роман Льва Толстого «Война и мир».

Личность Ф. Н. Глинки сложна, ее трудно оценить однозначно. Разные годы и разные события выставили в ней определенные грани. Храбрый и толковый офицер, горячий патриот. Эти качества особенно ярко проявились в годы армейской службы и на полях сражений. Талантливый поэт и прозаик. Член тайных обществ, подвергшийся гонению после поражения восстания декабристов. Страстный исследователь русских древностей, избранный за свои заслуги действительным членом Московского

археологического общества. И наряду с этим стойкая религиозность, которой окрашены многие произведения поэта, а в самом конце жизни склонность к мистицизму...

В 1816 году Федор Николаевич был переведен на службу в штаб Измайловского гвардейского полка в Петербург. Множество обязанностей и поручений отвлекали его от дел литературных. Он был главным издателем военного журнала, исполняя поручения при генерал-губернаторе столицы, заведовал канцелярией Милорадовича, «употребляя» был для производства исследований по предметам, заключающим в себе важность и тайну...». И при всем при том гвардии полковник Глинка находит время для главного дела жизни — литературы: участвует в обществе «Зеленая лампа», председательствует в Обществе любителей российской словесности, выступает в Вольном обществе словесности, наук и художеств. С 1816 года Федор Николаевич — член «Союза спасения», через два года вступает в «Союз благоденствия», становится одним из активных его членов.

В эту пору и познакомился он с Пушкиным. Их свела «Зеленая лампа». Глинка, человек тонкий и проницательный, сразу оценил незаурядный талант молодого поэта. Взгляды просвещенного офицера, убежденного патриота, привыкшего к умеренному крылу декабристов, повлияли на формирование мировоззрения Пушкина, нашли отражение в его творчестве.

Вскоре Федору Николаевичу пришлось принять участие в судьбе поэта, на которого обрушился монарший гнев за то, что он «наводнил Россию возмутительными стихами». Почти полвека спустя Глинка так написал об этом в своих мемуарах «Удаление А. С. Пушкини из С.-Петербурга в 1820 году»:

«Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска его из Лицея, я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливого поэта... Раз утром выхожу я из своей квартиры... и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычна (по крайней мере при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

— Яшел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) письмах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и скаже все мои бумаги...

Теперь, — продолжал Пушкин, немножко озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу!..

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения».

Пушкин последовал совету Глинки, а тот, понимая, что грозит молодому его собрату, употребил доброе к себе отношение генерала, чтобы через него пхлопнуть перед царем.

Заступничество друзей и приятелей спасло поэта от сурового наказания, которое могло обернуться Сибирью или Соловками. Александр распорядился «снарядить» Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

Узнав об этом, Глинка написал обращенные к Пушкину стихи и не побоялся опубликовать их. Словно провидя будущее, он говорил опальному собрату:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!

Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

То были не просто строки традиционного дружеского послания, то был смелый и честный поступок, высоко оцененный Пушкиным и закрепивший их дружество. Два года спустя поэт из ссылки откликнулся ответным посланием «Ф. Н. Глинке», в котором дана лаконичная, но, может быть, самая точная и емкая оценка этого человека. Именно тогда Федор Николаевич впервые отразился в магическом зеркале Пушкина. А это зеркало, как известно, никому и никому не льстило. И счастлив должен быть человек, заслуживший такую оценку из уст великого поэта.

Вспомним эти строки:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пирров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!

Стихи эти Пушкин переслал в письме к брату Льву Сергеевичу. Заканчивались письмо такими словами: «...покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира».

А между тем Федор Николаевич, утомленный многими заботами, гвардейской своей службой, как раз в год получения пушкинского послания подал бумагу на высочайшее имя с просьбой перевести его из гвардии обратно в армию, сохранив прежнее жалование и содержание, соответствующие чину полковника. Прошение было удовлетворено. Больше стало времени для литературных занятий. В этот период и позднее написаны им многие стихотворения, оды, позмы. Среди них знаменитые, давно уже ставшие поистине народными песни «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...») и «Узник» («Не слышно шума городского...»), стихотворение «Москва» («Город чудный...»).

Казалось бы, небо над ним безоблачно и лунезарно. По службе — одни только удовольствия, дела литературные успешны: он признан и почитаем. Правительство не обходит наградами. Но вскоре разразилась гроза, громовые раскаты которой долго не стихали в России. Восстание декабристов провело трагическую черту в жизни Федора Николаевича Глинки. Он был арестован, подвергнут допросам следственной комиссии. Никого из своих товарищей по тайным обществам не назвал.

В мемуарах одного из современников Глинки читаем: «...Федора Николаевича привели к государю, который долго с ним говорил и, помахав рукой над его головой, сказал: «Глинка, ты совершен но чист, но все-таки тебе надо окончательно очиститься». Приказом от 9 июля 1826 года он был уволен из армии, сослан на жительство в Петрозаводск, где определен советником Олонецкого губернского правления.

Здесь, в Карелии, Федор Николаевич вернулся к увлечению молодости: изучал этнографию, фольклор северного края, написал несколько поэм на основе своих разысканий. Одну из них — «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» — послал в Петербург Пушкину вместе с письмом. Приведем несколько строк из него:

«Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Прочитав с большим наслаждением (в «Литературной газете») отрывок из путевых записок ваших, я заключил, что вы должны находиться в столице, и не мог отказать желанию написать к вам несколько строк. Из глубины карельских пустынь я посыпал вам (через барона Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, ваше беседою и, как мне казалось, прязнико вашею, для меня драгоценной. И без вас мы, любящие вас, были с вами...

Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии...

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к вам мою «Карелию» — произведение лесное и горно-каменное».

Прочитав поэму, Пушкин откликнулся на нее предисловием, в котором дал высокую оценку автору «Карелии» как поэту, поддержав Глинку в самое трудное для того время. Он писал:

«Из всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина... Небрежность рифм и слога, обороты то смелье, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной — все дает особую печать его произведениям».

Так Глинка вновь отразился в пушкинском зеркале. Отразился стереоскопически полно, широко. Со стороны Пушкина это тоже было актом не только литературным, но и гражданским: он написал предисловие к поэме опального декабриста.

Весной 1830 года Федор Николаевич переведен был на службу в Тверское губернское правление, затем служил в Орле. Вышел в отставку в чине действительного статского советника и поселился в Москве. К тому времени был он уже женат на известной писательнице и переводчице Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой (венчались они в Твери), и московский их дом на Садовой гостеприимно раскрыл двери для писателей, художников, музыкантов.

Сколько сил, сколько энергии было в этом человеке! Какой неукротимой жаждой деятельности был одержим он всю свою жизнь; казалось, что после всех бурь и невзгод привел он свой корабль в тихую гавань на Садовой. Однако не усидел Глинка в старой столице, переселился в Петербург. Но и тут не прижился, вернулся в любимую им Тверь. Было ему в ту пору семьдесят шесть лет. Преклонный возраст не мешал Глинке заниматься с увлечением и юношеским энтузиазмом десятком дел. Он состоял почетным попечителем губернской гимназии и членом статистического комитета, участвовал в работах по исследованию верхневолжской флоты, входил в комиссию по исследованию воды в Волге и Тымаке. При его содействии были организованы археологические раскопки в тверской гавани общества «Самолет», на месте бывшего монастыря Федора Стратилата. Много сил и средств отдал Глинка организации археологического отдела местного краеведческого музея...

До конца жизни Федор Николаевич оставался гражданином, считая службу Отечеству своим долгом. Не оставлял он и занятия литературой. Один из тверских его друзей вспоминал:

«Все более или менее важные местные события Федор Николаевич приветствовал стихами.

У подъезда всех почти собраний видна была его карета; сам он небольшого роста, тщедушный, черноволосый, всегда во фраке и во всех орденах, присутствовал в собраниях, и на вечерах...

При всех выдающихся случаях у Федора Николаевича готово было изящное приветствие и острый ответ, а часто и прекрасные стихи...

Он умер 11 февраля 1880 года и был похоронен с воинскими почестями, как владелец золотого оружия, полученного за храбрость в Отечественной войне.

Добрые дела его не забылись. В летописи отечественной культуры навсегда останутся строки, под которыми стоит славное имя — Федор Глинка.

И звнят, звнят по России валдайские колокольчики его «Тройки».

g

умаю, мало найдется людей, кому не известны слова французского летчика и писателя Антуана Сент-Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения».

Любит повторять эти слова и Лена Северцева — героиня предыдущих двух очерков («Смена», №№ 4, 7, 1985 г.), причем обычно прибавляет, что если они с мужем в какой-нибудь роскоши себе отказывают, то только не в этой. Однако Анатолий, как человек менее склонный к восторженности, в таких случаях скептически замечает: «Ленок, ты только не абсолютизируй. Роскошь роскошью, но вспомни, как мы к твоей Татьяне Семеновне ходили».

Татьяна Семеновна, знакомая Лены, однажды совершенно неожиданно пригласила их в гости. Для Лены с Анатолием это был, пожалуй, первый выход в «большой свет» (пока ждали Витюшку и пока он подрастал, особенно ходить по гостям не приходилось). Готовились они тщательно и немножко волновались. Перед выходом из дома, еще раз придирчиво посмотрев на себя с мужем в зеркало, Лена осталась довольна: Анатолий выглядел скромно, но элегантно, а ее новые туфли прекрасно подходили к шелковому платью.

С коробкой конфет и купленными по дороге цветами Северцевы к назначенному сроку прибыли на торжество. Дверь им открыла сама хозяйка. «Здравствуйте, здравствуйте», — торопливо сказала она. — «Проходите. Леночка, найди себе сама что-нибудь на ноги, а Анатолий пусть так проходит, тапочек не хватает на всех», — и ринулась на кухню.

Лена растерянно оглядилась. В прихожей лежала пара стареньких шлепанцев. «Да, был у меня ансамбль», — грустно конструировала она, сменив свои туфли на эти шлепанцы.

Тут мы прервем рассказ и сделаем небольшое отступление. Читательница Л. Семенова из Киева прислала в редакцию письмо, где описывает аналогичную ситуацию: «...мужчины проходили в гостиную в носках и так садились за стол, а женщины переобулись в тапочки. Мне весь вечер было не по себе. Я ушла из этого дома с ужасным настроением».

Вообще о «тапочной» проблеме уже столько говорили и писали, что и возвращаться к ней, кажется, не стоило бы. Однако читательница просит: «Очень прошу, не обойдите, пожалуйста, в следующих заметках этот вопрос, внесите ясность, кто прав: я или эти люди?» «Эти люди», то есть сторонники тапочек для гостей, в общем-то располагают довольно вескими аргументами, а именно: ходить в уличной обуви по квартире негигиенично; ногам гораздо комфортнее, если эту обувь снять; надо быть бережливым; нельзя портить и грязнить дорогие ковры и паласы.

Но ведь и аргументов против немало: человек в праздничном костюме и в шлепанцах выглядит некрасиво и чувствует себя удрученно; «публичное разувание» в гостях по нормам европейского этикета выглядит действием не просто неприличным, а практически немыслимым (представьте себе князя Болконского, входящего в носках в салон Анны Павловны Шерер); и, наконец, как справедливо заметил в одном из телевыступлений С. В. Образцов, следует своих гостей любить больше, чем свои ковры.

Казалось бы, все ясно. Тем не менее обычай, о котором идет речь, распространяется все более широко, и с этим, похоже, ничего не поделаешь. Лицо я вижу тут один выход: сменная обувь, как в школе. По крайней мере принесешь с собой то, что считаешь подходящим, и не будешь вынужден надевать чужое.

Но вернемся в гостиную, куда уже прошли Лена и Анатолий. Гостей собралось много. Одни, тесно прижавшись, как птенцы в гнезде, сидели на диване, другие ютились на длинной доске, положенной концами на две табуретки, и лишь немногие счастливцы восседали на обычных стульях. Приведенные кем-то ребяташки время от времени юрко сновали под столом. Когда Анатолий с Леной вдвоем устроились на одном кресле, придвинутом к швейной машине, которая служила продолжением стола, он подумал, что поговорку «в тесноте, да не в обиде» нельзя понимать слишком буквально.

Поскольку Северцевы не были знакомы со всеми гостями, беседа сначала никак не завязывалась, а потом стала практически невозможной. Хозяин в самый разгар ужина вспомнил, что сегодня завершается показ детектива, и включил телевизор. Любители приключенческого жанра зашикали, требуя тишины. Остальные волей-неволей были вынуждены следить за экраном. Фильм окончился поздно, и все заторопились домой. Лене не удалось толком попрощаться с хозяйкой: та расставляла мебель по местам, открывала во всех комнатах форточки и гремела на кухне посудой. Этим вся «роскошь общения» и была исчерпана.

Читатели, думаю, без труда обнаружат здесь множество «противоэтикетных» действий и дадут им оценку.

Лена по дороге домой тоже попыталась провести такой анализ, но Анатолий остановил ее. «Воспитанный человек, — процитировал он неизвестного автора, — выйдя из гостеприимного дома, не станет злословить по поводу неудачного туалета хозяйки и пригоревшего жаркого: это было бы неблагородно с его стороны... Верно, Ленок? Еще неизвестно, как у нас с тобой получится».

Последняя фраза касалась торжества, которым Северцевы собирались отметить предстоящее двадцатипятилетие Лены... Разумеется, у них уже был кое-какой опыт гостеприимства. Иногда забегали школьные подружки Лены. Кстати, одна из них как-то обиделась. Дело в том, что, когда они приходили, Анатолий, посидев с ними несколько минут, уходил в другую комнату и занимался своими делами. «Он что, недоволен нашим приходом? — спросила у Лены приятельница. — Прямо демонстрации устраивает».

— Да вы что, девочки? Как вы думать можете такое? Он просто мешать нам не хочет.

Лена была права. Действительно, когда к одному из членов семьи приходит гость, остальные, побыв с ним некоторое время, вполне могут удалиться. И Лена, когда к мужу приходили товарищи, поболтав с ними немного и приготовив чай, оставляла гостей, чтобы не мешать им решать свои мужские дела.

Этика поведения

гость в доме

Беата БУШЕЛЕВА,
кандидат
педагогических наук

Когда стали составлять список гостей, оказалось, что всего набирается человек двадцать. Разместить их в небольшой квартире, конечно, удалось бы, но Лена и Анатолий уже на своем опыте знали, каково приходится при этом гостям. Как быть?

— Давай сделаем в два тура, — предложил Анатолий. — Свои и соседи — в субботу, а ребята — в воскресенье.

Предложение показалось Лене разумным, и она позвонила маме, чтобы посоветоваться. Та, конечно, сообщила своей сестре. Результаты не замедлили сказаться. Миниатюрная тетя Муся обидчиво выговаривала племяннице по телефону: «В субботу у тебя, значит, второй сорт, так я понимаю. А белая кость — это, стало быть, в воскресенье. Ну, бабка, мать, отец и тетка родная, конечно, по второму разряду идут». Чуть Лену до слез не довела. И напрасно. Хорошо, если у человека много родных, друзей, знакомых, особенно в молодости, когда так настоятельна потребность в общении, дружбе, контактах. А живем мы в обычных квартирах. Поэтому выход, найденный Леной и Анатолием, вполне приемлем. Обижаться в таких случаях никому не стоит, тем более что о делении гостей «по сортам» и речи быть не может. Обычно в один из дней приходят те, кто постарше, родственники. А в другой — сослуживцы, друзья юности и т. д. При этом хозяевам следует позаботиться еще о том, чтобы среди приглашенных не оказались люди, неприятные друг другу или находящиеся в конфликте.

Когда проблема «кого приглашать» была решена, возникла другая — «как». В конце концов вышли из положения: кому позвонили, кому написали, кому-то съездили. Когда событие не очень официальное, а тем более происходит в молодежной среде, это все допустимо. Передавать же приглашение через кого-то не стоит: могут обидеться. И о сроках нельзя забывать. Чем торжественное событие, тем раньше

надо известить о нем, можно даже за три-четыре недели. В других случаях достаточно пяти — семи дней, но никак не меньше трех.

Следующим этапом подготовки праздника стало составление меню и культурной программы.

Знакомый, которому по служебным делам приходилось бывать за границей, рассказывал, как был он однажды зван в гости. Ему, выросшему в семье, где глубоко чтили обычай русского хлебосольства, уменьшность предложенного угождения показалась странной. Не было, например, на столе груд нарезанного хлеба, батарей разнокалиберных бутылок. «Вам сколько кусочков?» — осведомилась хозяйка относительно хлеба и отрезала от батона ровно столько тонких ломтиков, сколько он назвал.

— Если бы я не знал хорошо хозяев, очень славных людей, мог бы подумать, что они скучоваты, — рассказывал знакомый. — Но там просто так принято. Для нас, конечно, непривычно. Но вспомните наши праздники! Это же тяжелая работа. Застолье — словно рабочий день, да еще и без обеденного перерыва. Рассказывают, что на обедах у Меншикова — любимца Петра I подавали иногда до двухсот блюд. Так наши хозяйки, похоже, стараются не отстать.

Он прав. Хлебосольство, как и все на свете, требует меры. Хотя Лена не раз испытывала тяжелый эффект «демьяновых ухи» на себе, она, как многие молодые хозяйки, готовясь к приему гостей, все время боялась, что будет мало еды, гости уйдут голодными и бог знает что о них с Анатолием подумают. При этом почему-то забывалось, что сама она в гостях старается есть очень умеренно и что многие поступают так же: пожилые избегают то тех, то других продуктов, а остальные озабочены избытком веса и видом фигуры.

Совсем необязательно, приглашая гостей, устраивать обильные обеды и ужины. Есть немало случаев, особенно если речь идет о молодежи, когда можно ограничиться только закусками или бутербродами. Как же интересно и оригинально устраивают некоторые бутербродный стол: тут тебе и крошки, на один укус, канапе, и сандвичи, и горячие, с румянной корочкой расплавленного сыра бутерброды, и бутербродный торт. Найдется много лакомок, которые всему другому предпочитают сладкий стол.

Но не хлебом единственным жив гость. В конце концов приходим «не наесться, а повидаться», ради того самого общения, о котором уже говорилось. Организовать беседы, развлечения, игры на семейном торжестве не так-то просто. Когда собирается молодежь, традиционны танцы, импровизированные маленькие концерты. Кто-то прочтет любимые стихи. Можно послушать новые магнитофонные записи, посмотреть слайды или самодеятельный кинофильм.

В тот первый свой большой прием Лена и Анатолий придумали разное. Кое-что получилось очень удачно, другое оставило гостей равнодушными, были и прямые, по выражению Анатолия, «проколы».

Например, в тот вечер, когда были знакомые и коллеги по работе, большой семейный альбом фотографий особого интереса не вызвал. Лена настойчиво предлагала его то одному, то другому, но чувствовалось, что гости листают страницы без энтузиазма, из чистой вежливости.

Неудачно получилось и с Витюшкой. Он был уже совсем сонный, когда Лене пришла в голову идея показать друзьям, как забавно сын поет про миллион альбомов. И тут сработала не зафиксированная в педагогической науке, но хорошо известная опытным родителям закономерность. Именно тогда, когда хочется блеснуть талантами своего чада, оно, обычно такое живое, веселое и остроумное, превращается в ленивого и туповатого упрямца. Выставленный на всеобщее обозрение, Витюшка молчал, совал пальцы в рот и, к ужасу Лены, выглядел отсталым и невоспитанным ребенком. Бедняга, он был в этом не виноват.

Натанцевавшись, друзья с удовольствием слушали, как славно поет Анатолий под гитару. Потом сам собой возник спор о фильме «Чучело», который в те дни шел на экранах. От него перекинулась дорожка к трудностям воспитания, и молодые матери увлеченно обсуждали этот вопрос, а мужчины в это время сыграли несколько шахматных партий.

Час был поздний. Лена уже порядком устала, хотя старалась не подать вида. И тут Игорь — умница, зрудит, интеллигент — выручил.

— А знаете, ребята, что сказал один неизвестный поэт Востока? — интригующе спросил он. Все выживательно замолкли, и Игорь процитировал:

Нам гость, которого дарует бог,
Дороже вдоха.
Но если выдохом не станет вдох,
То дело плохо.

Отсмеявшись, засобирались. Последними уходили самые близкие друзья, Света с Алексеем. Женщины обнялись, мужчины обменялись рукопожатием. Алексей шутливо сказал: «Ну вот, отстрелялись. Зачет получили!». И серьезно прибавил: «Спасибо вам, ребята! Хорошо пообщались!»

Мугаз КЕШТ

СЕМЬ ЗВЕЗДНЫХ БРАТЬЕВ

ПРОЛОГ

Звезды неустанно льют свой свет.
Мир во власти светового пленя.
Новых истин ждет от звезд

Вселенная —

Слов пустых у звезд высоких нет.

Звезды говорят между собой,
Шлют добро и городам, и весам.
Слово вспыхнет и горит звездой,
А потом растает в поднебесье.

Возникает сквозь них
и болит вековая картина:
плачут, косы продав,
чья-то нищая, бедная мать,
прижимает к груди
и хранит уцелевшего сына...
Ей на долю одно —
сострадать, и болеть, и рыдать.

Или дева со скал
вниз бросается.
Это жестоко
зло толкает ее,
но не примет она свой позор.
Задрожала земля,
это топот коня Махашоко¹
по округе идет
и ломается эхом у гор.
Слыши: время звучит,
лягом шашек проходит по крови.
Лук натянут во тьме,
и звучит, точно нож, тетива.
Прут лавиной войска,
и спасают от изнурения герои.
На обломки оков
пролила первый свет синева.

Подобрела судьба,
и, на солнечный свет поспешая,
повернулась, пошла
обновленная доля земли.
Гулы давних времен
на страницах звучат, вопрошая:
по истории в жизнь
нас проводит поэт
и учитель Али.

3. Песня

«Горели воины в бою,
Деревья, города горели».
Муса ДЖАЛИЛЬ

Когтями проволоки ржавой
Фашизм вцепился в шар земной
И поражал его отравой,
Грозил погибелью самой.

Колючки, оседлав заборы,
Сжимали жизнь в тиски свои,
По тюрьмам шли,
вплюзали в горы
В обличье жалящей змеи.

Держали намертво живое
И наущали:

— Не дыши!
И даже песне в дни разбоя
Не дали литься от души.

Казалось, радость не воскреснет,
А мир с бедой наедине.
Но ввысь
выпархивала песня,
Рожденная на той войне.

4. Тайна гор

«Я, над раненым
камнем склонясь, горевал».
Кайсын КУЛИЕВ

Я не жду неподвижно,
придет ли вода
И меня напоит,
и не снег меня лечит.
Но, Кайсын,
не хочу я пройти без следа,
Поднимаясь,
иду твоей песне навстречу.
Не меня одного твоя песня зовет.
Твой мотив, жизнерадостный,
вешний,

Выпрямляет траву,
что под камнем растет,
И надежду дает твоя звонкая

песня.
Когда враг озверелый
наш дом поджигал,
Выгорали дома, и пустели колодцы,

И чернела душа
у расколотых скал
От беды и от слез,
что изведали горцы.
Ты открыл эту тайну
страдания гор,
Голос истины горькой —
пребудет он с нами.
Даже радость природы
хранит до сих пор,
Как страдал и взывал
твой израненный камень.
Твои песни для гор,
словно чистый родник.
Их услыша, становятся глубже
стремнины,
Поднимаются выше вершины —
К ним весь мир
с любопытством приник.
Не иссякнет строка,
если с жаждостью пьет
Сок земли,
припадая к родимой губами.
И готовы стихи, словно голуби —
влет!
Вознеслись и парить
высоко над горами.

5. Всадник не сойдет с коня

«Я б шел быстрее, если б мог».
Алим КЕШКОВ

Устало солнце смотрит свысока,
Лучи — опоры под щекою.
Казалось, высохла река,
А ручейку не стать рекою.
Не слышно цокота копыт,
Седок — во сне отдохновеня.
И кто теперь возобновит
Полет «чудесного мгновенья»?
Но, верность смелости храня,
Поверив в скорости другие,
Джигит взметнулся на коня,
Поводья натянул тугое.
И полетел... Еще чуть-чуть —
И он найдет дорогу счастья,
И обретет свой «Млечный путь»
Под взглядом общего участья.
Зовет его земной простор,
В быту домашнем сердцу тесно.
Запомнил он мотивы гор
И подарил народу песню.
Прославил он свой отчий род.
И в общей радости движенья
Поймал и всадник, и народ
Полет «чудесного мгновенья».
И если торжествует ночь,
Над миром черным мраком свесяясь,
Восходит — всаднику помочь —
«Зелено-янтарный полумесец».
И снова в путь. О всей земле
Тревожится тот всадник странный.
Беда ль грозит — всегда в седле,
Добру он служит неустанно.
Вам слышен вечный стук копыт?
Бессменно всадник рядом кружит.
А если враг за ним спешит,
Джигит его обезоружит.
Хранит незримая броня
Не только всадника — коня!

2. По Млечному пути

«Свет бессмертных идей
Разрывает земные оковы...»
Али ШОГЕНЦУКОВ

Словно рухнувший лес,
поднимаю ушедшие годы,
продираюсь, иду
лесом времени, жажду огней.
Загораются дни
то костром благодарной природы,
то блуждают они,
ночи темной намного черней.

¹ Махашоко — жестокий кабардинский князь в романе в стихах «Камбот и Ляца» классика и основоположника кабардинской литературы Али Шогенкукова.

6. Родной язык

«И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть».
Расул ГАМЗАТОВ

По рангам Родина неразделима.
Лишь человек ничтожен
и великий.
Бесчестье ждет позорящего имя,
Но славит Родина
героя в светлый миг.

Мал Дагестан, и горский свет аула
Неощутим на карте всей земли,
Но теплые мелодии Расула
Прошли сквозь скалы,
множатся вдали.

Родным горам
и радостно, и странно,
Что песни горца славу принесли,
Звучат они по городам и странам
И возвращаются домой,
как журавли.

Я судьбы наций вновь перебираю,
Ведь каждая стремится жить века.
Но нация безвольно умирает,
Когда лишается родного языка.

7. Звезда

«Без тебя я орел без крыльев,
Цель пустая над очагом».
Бетал КУАШЕВ

Я видел дрожь
летящей вниз звезды —
Последний свет ее мерцал, взывая,
А человек молчал в цепях беды —
Глаза сияли, тихо угасая.

Звезда сгорела,
только искры вкось
Ушли бесследно —
и куда что делось?
А сердце вспыхнуло и вознеслось,
Звездой земною загорелось.

Погаснет свет —
звезде придет конец:
Ей нечем мрак прожечь
и с тьмой бороться.
Бессмертна мысль,
хотя ушел творец —
Она в строках его сегодня бьется.
Служил поэт народу до конца,
А он к нему —
с любовью и приветом...
Печаль и гордость единят сердца,
Когда народ прощается с поэтом.

ЭПИЛОГ

Я посажу деревья по весне,
Пусть входит сила в молодые
кроны.
Куда еще свой путь
направить мне?
Вершиной бредит дух
непокоренный.

Стремлюсь я
к невозделанным полям,
А легкий путь любому уступаю.
Случается, летит ко всем чертам
Тот камень, на который наступаю.

И все ж иду. Терзает зной в пути,
И ветер злой мою сгибаet спину.
Но память требует: не уступи,
Взойди на непокорную вершину.

Перевела с кабардинского
Наталья ДАРДЫКИНА.

Уильям
КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ
ФАНТАЗИЯ

— Что здесь произошло?

— Где здесь?

— Где? Это не комната, а свалка.

Старый космолог, сжавшись, сидел в чулане между Герти и Майклом.

Через одну из щелей в двери чулана он разглядывал мать этих детей — она показывала сейчас на вещи, которые он, когда искал детали для передатчика, побрал на пол.

— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Почему она визжала?

— Не знаю — просто вбежала в комнату, завизжала, и все.

Мэри задумалась. А как сама она, когда была маленькая, побегала в комнаты, визжала без всякой на то причины? Такое случалось, и часто. И сейчас ей тоже хочется завизжать. Может, повизжать на него, а потом уйти?

— Я не хотела на тебя орать, Эллиот. Извини меня. Но убери комнату, пока я тебя не убила.

Мэри повернулась и вышла. Когда она уже спускалась по лестнице, дверь чулана открылась, и Майкл, Герти и древний ботаник снова появились в комнате.

Майкл из чулана вышел с чувством, будто он бежит на дистанцию пятьдесят ярдов и ему преградил внезапно дорогу паровой каток; от неподвижного сидения тело у него онемело, и его не оставляла мысль, что все это ему снится, а может, он-таки пошел играть в регби, столкнулся с кем-то головами и лежит без чувств. Однако рядом Герти, как всегда надоедливая, и Эллиот в натуральную величину. И страшила.

— Эллиот, мы должны рассказать маме.

— Нельзя, Майкл. Она захочет поступить как полагается. А ведь ты понимаешь, что это значит, да?

— Он хоть говорить умеет?

— Нет.

— Ну, а зачем он на Земле?

— Не знаю.

Мальчики одновременно посмотрели на Герти, которая, широко открыв глаза, смотрела на существа из космоса.

— Он ничего тебе не сделает, Герти. Можешь его потрогать.

Инопланетянин не стал противиться, он позволил детям ощупывать его, тыкать в него пальцами; послания детских пальцев ритмичными пульсациями шли к рецепторам в глубине его тела, и хотя послания эти были сбивчивые, путанные, называть головы, их родившие, глупыми было никак нельзя. Но по силам ли им поднять его в Великую Туманность?..

— Не рассказывай о нем никому, Герти, ладно? Даже маме.

— А почему не рассказывать?

— Потому... потому что взрослые его не видят. Его видят только дети.

— Ты врешь.

Эллиот взял из рук Герти куклу.

— Знаешь, что будет, если ты скажешь?

Он вывернул руку куклы за спину.

— Не надо! Не надо!

— Обещаешь, что не будешь рассказывать?

— А он откуда, с луны?

— Ага, с луны...

Лежа на полу в спальне, Мэри повторяла упражнения, передававшиеся сейчас по телевизору. Показывали пятидесятилетнюю шведку без единой морщинки на лице и ее партнера, наихудший вариант дебила.

— ...и раз... два... три...

Мэри старательно повторяла их движения, но сбি-

лась с ритма, выключила звук и теперь просто лежала на ковре.

Из комнаты Эллиота глухо доносилась голоса детей. Не может быть, чтобы чутье ее обманывало, они явно что-то замышляют; в доме какое-то напряжение. Не потому ли в голове у нее снова жужжит?

Пора кормить ее голодных мальчиков.

— Ну-ка, — крикнула она им, уже идя по коридору, — пошли, поможете мне с обедом!

Ответа, естественно, не последовало.

Сегодня у нее будет индейка в тесте и... минутку... картофельное пюре-полуфабрикат, это будет чудесно, и соленое сухое печенье.

Она принялась за стряпню, поглядывая время от времени в кухонное окно на свой двор и на соседний, где, будто спящий великан на детском автомобилечике, разъезжал на газонокосилке хозяин. В ее дворе травы не было из-за Харви: тот перекопал всю землю в поисках несуществующих костей. Сейчас Харви смотрел на нее и клянчил, как он это умел, ушами — одно торчит вверх, другое свисает.

— Кто изгрыз щетку, Харви? Не знаешь? Наверно, кто-нибудь из наших знакомых?

Харви облизнул нос.

— Что, Харви? Что ты такое увидел? Может, мимо нас опять прошла эта крошка с бантом, французский пудель?

Харви опустил голову и негромко зарычал, потом заскулил. День скоро кончится, а обеда до сих пор нет. Все забыли о самом важном — кормлении собаки. Что происходит? Не из-за уродины ли это, которая теперь живет наверху?

Видно, придется ее съесть.

Мэри пошла к лестнице и, как любящая мать, позвала семейство обедать:

— А ну, спускайтесь, не то...

Немного погодя по лестнице затопали носороги, и появился наконец ее выводок; вид у всех троих был таинственный.

— Что вы затеяли? Выкладывайте, я ведь вас насквозь вижу.

— Ничего мы не затеяли, мам.

Герти посмотрела на куски индейки.

— Ням-ням!

— Сейчас, дорогая. Эллиот, передай, пожалуйста, соль.

— Я сегодня оборудовал свой чулан под жилье, — сказал, избегая ее взгляда, Эллиот.

— Под какое еще жилье?

— Ну, вроде как логоvo.

— Скажи правду, Эллиот, тебе это логово нужно не для того, чтобы прятаться от жизни? Мальчикам не следует проводить все время в чулане.

— Не все время. Только некоторое.

— Я должна это обдумать, — сказала Мэри, и все поняли, что выбора у нее нет, что Эллиот будет приставать к ней с чуланом до тех пор, пока она не сдастся. Она попыталась незаметно перевести разговор на другую тему: — Пюре просто восхитительное, правда?

— Ням-ням!

— Пожалуйста, Герти, раз нравится, бери еще.

— В детском саду я ем лучше, — сказала Герти. — Нам дают большие шоколадные пончики.

— Да? Мне придется поговорить об этом с директром сада.

— Он маньяк.

— Герти, не употребляй слова, которых не понимаешь.

— Ма-а-няк, ма-а-няк, — запела Герти негромко, и Мэри закрыла лицо руками.

Инопланетянин крадучись вышел из чулана. Сфокусировав глаза на расстояниях порядка атомных, он

окинул комнату взглядом. В поле его зрения появились танцующие по кругу электроны; но от вихрей микрокосма никакого проку в этом случае нет. Нужны твердые тела, такие, как... как проигрыватель.

В один миг он перефокусировал глаза на обычное зрение и направился, шаркая, к вышеназванному предмету. На диске ничего не было. Он поставил на него палец и крутанул.

Как приспособить сюда столовую вилку?

«Жди ответа, он будет», — сказал голос в глубинах его сознания.

Старый путешественник кивнул. Спасение придет через сигналы, нитями выпрядаемые в ночь, через нити надежды, через сотни миллионов таких нитей, блестящих, как шелковистые волокна на голове гибкого существа.

С нижнего этажа доносилось звяканье вилок (теперь он узнавал этот звук сразу), а также звон посуды и искаженная расстоянием тарабарщина.

— Мамочка, почему дети все могут видеть, а взрослые не могут?

— Что же ты такое видела, Герти?

— Мамочка, а что это за люди, которые непохожи на людей?

Что-то говорило человечку, который не был похож на человека, что намеренно дети его не предадут, но от маленькой девочки можно ожидать неприятностей: ведь она не понимает, что необходимо скрывать факт его пребывания в доме.

Пока, однако, он вроде бы в безопасности. Обед, похоже, кончается; наверняка съели огромное количество М&М. Может быть, скоро их принесут и ему? Хорошо бы!

— Ну ладно, кто будет мыть посуду?

Одновременно с голосом гибкого существа он воспринял телепатически и ее образ — голову, обрамленную сиянием волос, которые тоньше и мягче шелка. Вот если бы еще нос у нее... был больше похож на раздавленную брюссельскую капусту...

Он снова крутанул пальцем диск проигрывателя.

На лестнице послышались шаги Эллиота, и с подносом в руках мальчик появился в комнате.

— Вот твой ужин, — прошептал он.

На тарелке были листья латука, яблоко и апельсин. Древний ботаник взял апельсин и, не снимая с него кожуры, съел.

— Ты их всегда так ешь?

Инопланетный путешественник нахмурился; орган химических анализов внутри его организма советовал ему в следующий раз апельсин вымыть.

— Ну, как вообще жизнь? Хорошо себя чувствуешь? — Взгляд Эллиота упал на крутящийся диск. — Хочешь послушать что-нибудь?

Страшилище дало понять, что хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил на нее иглу.

— «Переломы будут, но ведь это рок-н-ролл...»

Старый звездопроходец слушал диковинные звуки, смотрел, не отрываясь, как крутился пластинка, а сам думал о передатчике. Нет, на этот звук камней, скатающихся с горы, Корабль Наполненной Чудесами Ночи не откликнется. Передавать нужно на своем языке. Как смодулировать его звуки? Как преобразовать их в частоты микроволнового диапазона?

Из коридора донесся голос гибкого существа:

— Что ты собираешься делать, Герти, милочка?

— Я иду поиграть в комнате Эллиота.

— Не разрешай ему тебя мучить.

Девочка вошла в комнату, она везла маленькую тележку, полную игрушек. В тележке был также горшочек с геранью, она взяла его и поставила у ног старого ботаника.

Он смотрел на подарок и не мог оторвать глаз. Свет-его-сердца замерзал.

Благодарю тебя, девочка. Очень мило с твоей стороны.

Появился Харви. Он обнюхал страшилище, потом направился к герани. Может быть, нужно ее полить?

— Меньшие эмоций, Харви, — сказал Эллиот.

Заглянул Майкл, в душе надеясь, что страшилище исчезло, но оказалось, что оно на месте, по-прежнему нужно иметь с ним дело. Майкл посмотрел на него внимательно, потом повернулся к Эллиоту:

— А может, это просто какое-нибудь животное из тех, которых считают вымершими?

— Не придумывай, Майкл.

— Но я в инопланетянин не верю!

— А я теперь верю. Да и всегда верил.

Герти выссыпала перед страшилищем на пол свои приношения.

— Вот пластилин. Ты им умеешь играть?

Инопланетянин взял пластилин и поднес ко рту, явно собираясь откусить.

— Да нет же, глупый, из него лепят!

Герти показала, как, и он скатал между ладонями шар.

— У меня мысль, — сказал Эллиот. — Где глобус?

Майкл подал ему. Эллиот повернул глобус Север-

ной Америкой к космическому путешественнику.

— Смотри, вот здесь мы.

Путешественник кивнул: он узнал этот кусок сушки, он часто видел его, когда под примерно таким же углом пролетал в Корабле Беков над планетой. Да, он знает эту планету, знает ее хорошо...

— Ага,— сказал Эллиот,— здесь мы и живем. А где живешь ты?

Старый ученый повернулся к окну, устремил взгляд на усыпанное звездами небо.

Эллиот открыл атлас и показал схему Солнечной системы.

— Ты из нашей части Вселенной?

Инопланетянин разделил пластилин на шесть частей, скатал шесть шариков и расположил их на схеме Солнечной системы, один на месте Солнца, а пять вокруг.

— Пять? Ты не с Юпитера?

Он не мог понять, что они говорят, он понимал только, что они его о чем-то спрашивают. Он показал на пять шариков и позволил тень энергии из кончиков его пальцев. Шарики поднялись в воздух и поплыли над головами детей.

Шарики кружили по своим орбитам, а дети издавали короткие нечленораздельные звуки.

— Ой... как же это...

Что с ними, уж не обидел ли он их?

От отключил силовое поле, и шарики попадали на пол.

После этого, взяв горшочек с геранью, он удалился в чулан.

— Мамочка,— сказала Герти,— у Эллиота в чулане страшила.

— Прекрасно, дорогая.

Мэри лежала на диване в гостиной, положив ноги повыше, и старалась не слышать детей, что вскоре стало совсем невозможно: Эллиот ударил Герти свернутой в трубку газетой.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а! — завопила Герти.— Я тебя не люблю, Эллиот!

— Эллиот, прекрати сейчас же! — Мэри повернула лицо, покрытое толстым слоем крема.— Не трогай Герти.

— Почему?

— Потому что она твоя сестра.

— Пошли, Герти,— сказал, внезапно меняя тон, Эллиот.— Мы с тобой поиграем во дворе.

— Так-то лучше,— сказала Мэри и вернула голову в прежнее положение. Прислушалась: Эллиот выводил Герти во двор. Ведь может же быть с сестренкой любящим и ласковым, когда захочет...

— Скажи еще словечко о страшиле,— прошипел Эллиот, когда они с Герти сошли с крыльца,— и я поворыпаю волосы у всех твоих кукол!

— Попробуй только,— сказала Герти, упервшись маленькими кулачками в бока.

— Герти, этот страшила... ведь это подарок нам, да еще какой!.. Эллиот с трудом прорыдал сквозь собственные мысли, пытаясь найти слова, которые передали бы владевшее им чувство, что в их жизнь вошла некая высокая цель и лучше того, что происходит сейчас, с ними еще никогда ничего не бывало.— Мы обязательно должны помочь ему, ясно?

— А для меня он все равно как большая игрушка,— сказала Герти.

— Он совсем не игрушка. Он удивительное живое существо оттуда.

И Эллиот показал на небо.

— Все равно он как игрушка.— Герти надула губы.— А мама говорит, что мы должны делиться игрушками друг с другом.

— Ты сможешь им играть. Но только это должен быть наш секрет.

— Се-екрет, се-екрет, я зна-аю секрет!.. — пропела Герти. Когда она снова посмотрела на Эллиота, в глазах у нее прыгали чертики.— А что ты дашь мне, если я не скажу?

— А чего ты хочешь?

— Твое маленькое радио, по которому ты разговариваешь с ребятами.— И Герти торжествующе улыбнулась.

Такой радости в ее жизни не было еще никогда: теперь она может заставить брата, хоть он и старше ее, делать все, чего она потребует.

— Ладно,— сказал он,— бери.

— И еще ты будешь играть со мной в куклы.

Эллиот смотрел на нее как затравленный зверь.

— ...и все куколки будут пить чай.— Герти накрывала у себя в комнате игрушечный столик. Куклы, большие и маленькие, сидели вокруг него и мило болтали.—...И моя кукла говорит твоей кукле: «Как ужасны мальчишки! А твоя кукла говорит...

Эллиот безропотно слушал, что именно должна сказать его кукла, а потом это говорил, одновременно заставляя куклу поворачивать голову, тянувшись за чаем. С тоской вспоминал теперь Эллиот то прекрас-

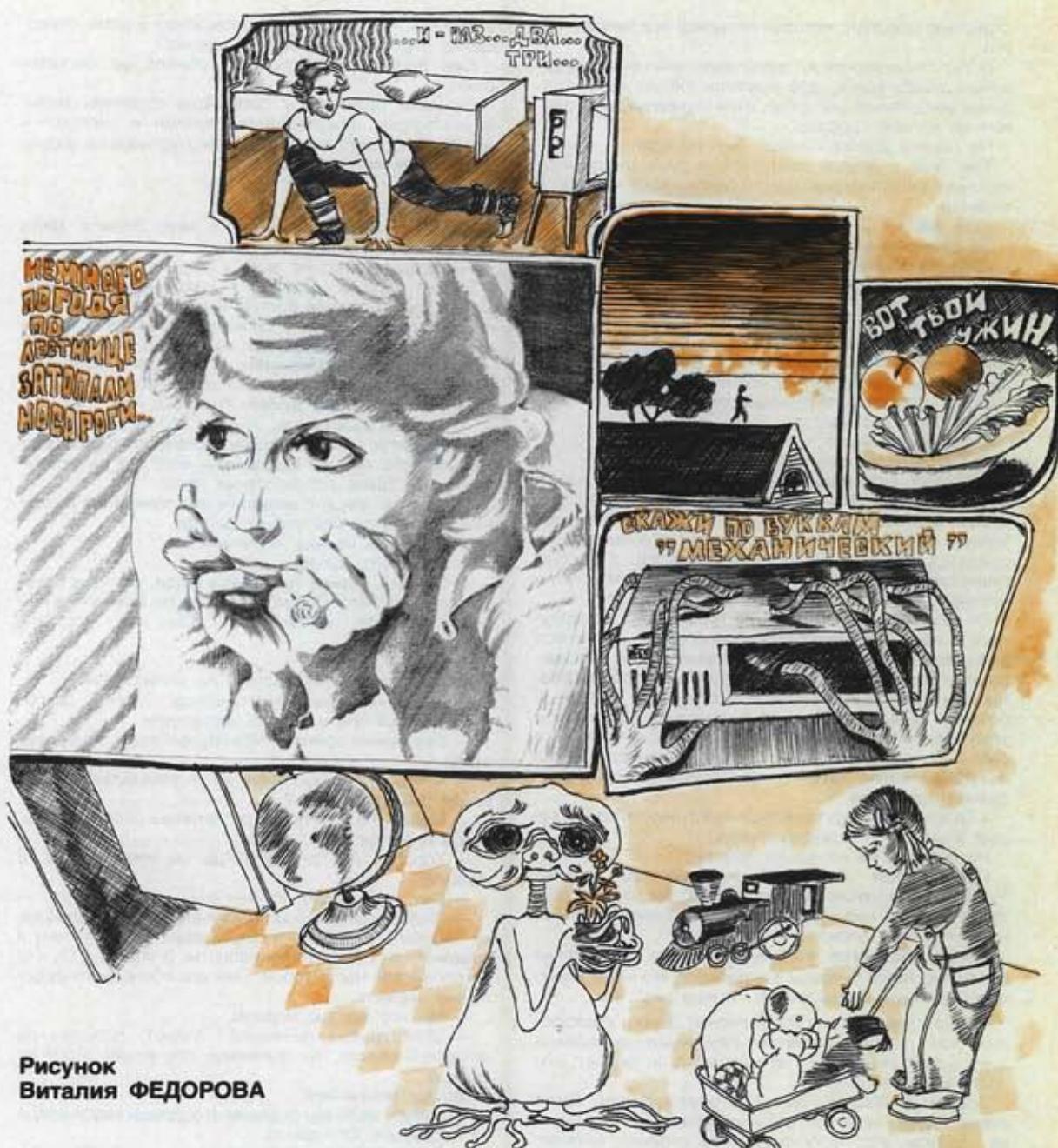

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

ное время, когда он стремительно проезжал на роликах по кукольным чаепитиям Герти и с хохотом уносился прочь. Неужели те времена никогда больше не вернутся?

Мэри проходила мимо открытой двери и заглянула.

— Ой, Эллиот, как мило с твоей стороны! — воскликнула она радостно.

— Эллиот теперь будет играть со мной в куклы каждый вечер! — сказала, сияя от счастья, Герти.

Кукла Эллиота застонала и соскользнула под столик.

Когда Тайлер пришел играть в «Подземелья и драконы», он не поверил своим глазам: с Герти в кухне был Эллиот, который в переднике готовил для нее что-то на игрушечной плите.

— Эй, ты что, того?

Долговязый, прежде временно вытянувшийся Тайлер прислонился к косяку. Одни только длинные руки и ноги.

— Что вкусного стряпаешь, Эллиот? — И Тайлер сложился вдвое над игрушечной плитой, возле которой радостно хлопотала Герти.

— Будь другом, Тайлер, исчезни. — И Эллиот вытер руки о передник с цветочками.

— Могу, но ведь у нас сегодня «Подземелья и драконы». Ты что, забыл?

— Эллиот будет играть со мной до конца своей жизни, — заявила Герти.

Открылась дверь, и вошел Грег, похожий в своей блестящей переливающейся рубашке на многоцветный леденец.

— Привет, что здесь происходит?

— Ничего, — прошипел над «тестом» Эллиот.

— С драконовым мясом мысы, — запела Герти, — пе-чем здесь пирожки!

Грег повернул стул спинкой вперед и сел на него верхом.

— Да-а, — протянул он, — теперь меня уже ничем не удивишь.

Он во все глаза смотрел на Эллиота, который, насколько он знал, был как все братья на свете: играл с сестрой, только если было интересно ему, например, щекотал ее чуть не до истерики, что любил делать и он, Грег, с собственной сестрой. Играть в такую игру с сестрой нормально. Но в куклы?..

В кухонном окне возник последний недостающий участник игры в «Подземелья и драконы». Стив; на голове у него была белобольная шапка, которую украшали два небольших крыла. Взявшись за них, Стив ими покачал. После этого приветствия он вошел.

— Не говори ни слова! — прорычал Эллиот, ставя «сдобу» в игрушечную плиту.

— А что я могу сказать? — Стив опять покачал крыльями на шапке. — Всякое бывает.

Однажды и его шантажировала сестра. С сестрами всегда нужно быть начеку: запирать дверь в свою комнату, выключать свет. Осторожность важней всего.

— У нас с Эллиотом маленькая кондитерская, — сказала нараспев, склонившись над своими глиняными пирожными, Герти. — И все-все покупают наше печенье, даже Санта-Клаус.

Она повернула регуляторы и закрыла дверцу духовки. Потом посмотрела на Эллиота. Того перекосило, и он начал делать новую партию «сдобы».

Ночью инопланетянин, лежа на подушках, увидел, как Эллиот вылезает из окна комнаты на черепичную крышу.

Зачем, интересно, он туда лезет?

В маленько оконце чулана космический путешественник видел, как Эллиот пересекает покатую крышу и начинает быстро спускаться по приставной лестнице. Мгновение — и Эллиот исчез.

Престарелый звездный скитаец начал наблюдать за мальчиком телепатически. Сейчас Эллиот уже поднимается вверх по склону холма. Не за пищей ли для своего друга, живущего в чулане, отправился он?

Оглядевшись по сторонам, мальчик вышел на

страшную дорогу, с которой начались все неприятности.

И тут психические антенны инопланетянина судорожно задергались, ибо ощутили сквозь ночь клыканье металлических зубов, этих страшных, нанизанных на кольцо трофеев.

На лесной дороге Эллиот был не один.

Там был и другой землянин, в руке он держал источник ослепительно яркого света и кого-то искал в темноте.

Кого же?

Да разве не ясно, кого?

Древний ботаник ощущал тяжелые шаги, холодный пристальный взгляд землянина, пронизывающий ночь насквозь.

Звездный путешественник отключил свой психический радар и съежился. Они охотятся за ним, разрезая темноту слепящими лучами. Они ищут его под каждым кустиком, потому что их психический радар говорит им: инопланетянин где-то близко. И они обязательно его найдут.

И сделают чучело.

И оно будет стоять за стеклом.

Он взял шоколадное печенье «Орео» и начал нервно жевать. Нет, нельзя допустить, чтобы они нашли его. Но они так близко! И Эллиот за ними тайком наблюдает. А что если Эллиота поймают? Не придется ли мальчику тогда рассказать о некоем существе с необычной внешностью, живущем у него в чулане?

Он умоляюще посмотрел на герань. Она повернулась к нему. Ее тугие бутоны раскрылись, и она вся запылала ярко-красными соцветиями. Потом вздохнула от огромного усилия, которое для этого потребовалось, и едва было не испустила дух, но звездный ботаник ласково провел по ней длинным пальцем и тихо забормотал. Его космическая речь, возвращавшая в себя опыт пережитого на бесчисленных мирах, влила в герань новую жизнь и закрепила ее состояние буйного цветения.

«Твой голос — чудодейственный стимулятор, о Старый Учитель», — сказала герань.

Но сказала не на языке землян.

Престарелый путешественник почесал голову. Язык землян нужно выучить во что бы то ни стало, тогда гораздо легче будет общаться с ними и объяснять, что ему нужно.

Среди предметов, которые привезла на тележке Герти, оказался букварь. Он раскрыл его и медленно обвел длинным пальцем М... и еще раз... М.

Эллиот лежал в кустах у лесной дороги и наблюдал, как, разрезая светом карманных фонариков тьму, ходят люди. Если его заметят, он скажет, что прогуливает собаку.

Дрожащий Харви припал к земле рядом. Было очень трудно не броситься на человека с ключами и не укусить его. Любой, у кого столько ключей, укусить просто необходимо.

— Никого, — сказал один из спутников человека с ключами.

— Похоже. Но все равно у меня чувство, что за нами наблюдают. — Человек с ключами направил свет фонаря вдоль дороги. — Но кто?

«Умирающая от голода собака, вот кто», — подумал Харви.

А Эллиот стал отползать назад, туда, где темнее. Еще минута, и он уже бесшумно съезжал вниз по песчаному склону. Харви катился рядом.

Миллиарды звезд освещали ночь, и Эллиот знал, что одной из великих тайн ночи владеет он; тайна эта сейчас в его комнате. Он никогда не выдаст ее, даже если его поймают и будут пытать.

Что до Харви, то он не задумываясь раскрыл бы тайну на банку собачьих консервов, но, к сожалению, никто его ни о чем не спрашивал.

— Харви, — сказал Эллиот негромко, — у нас бесценное сокровище. Ты это знаешь?

Харви смотрел себе под ноги, на убегающую назад дорогу. Он знал одно: еды для собак на свете очень мало.

— Я люблю его, Харви. Лучшего коротышки, чем он, я в жизни не видывал.

Эллиот посмотрел на звезды: интересно, около которой из них жил его новый друг?

«Он жил около них всех», — прошептал лунный свет.

Харви поднял уши. Услышал он что-то или ему это показалось? Не бросили ли где-нибудь бумажный пакет со съестным?

Харви посмотрел вокруг, однако на улице не было ни души.

Мэри разбудил шум на крыше. Она сняла с глаз промежки из травы и, приподнявшись, села в кровати.

Но шум на крыше прекратился, и в доме опять воцарилась тишина. Мэри подошла к окну. В саду никого нет, если не считать Харви, который остервенело копает ямку. Чтобы не видеть спящую собаку, Мэри задернула окно занавеской и вернулась

в постель. Что-то странное происходит в доме, совершенно определенно. Но что именно?

Она поправила подушку и обняла ее, засыпая опять.

Ее веки сомкнулись; зазвучала странная музыка — мелодия, прерываемая паузами и писком, — и вот Мэри кружится в танце, а ее партнера не видно, его нос прижат к ее животу.

— Мы должны рассказать о нем, Эллиот. Дело слишком серьезное.

— Нельзя, он хочет жить у нас.

Братья шли к остановке школьного автобуса. Майл был в полной растерянности. Все в его мире перевернулось. Снова и снова в голове пронесились неведомо откуда взывшие мысли о спутниках планет и поверхности Меркурия, а ведь самое важное в жизни, как известно, — это выходы на ворота и финты защитников, ему бы думать только о них.

— Ведь он из космоса, Эллиот. Мы не знаем, что у него на уме и зачем он здесь. Проснемся однажды и увидим, что мы на Марсе или еще где, а вокруг миллионы таких вот болотных груш.

Эллиот не слушал: внимание его приковала к себе новая для утренней улицы фигура.

— Это ведь не наш молочник?

— У нашего, наверно, отпуск.

Слушай, Майл, появились люди, которых раньше здесь не было. Посмотрю вон на ту машину — в ней сидит человек, читает газету. Они ищут его, это точно.

— Они? Кто они?

— Те, которые повсюду. И на холмах тоже.

— Давай придумывай что-нибудь, Эллиот, да поскорее, пока они о нас не пронохали.

— Ему нужно время, чтобы разработать план действий.

— А может, он не такой уж и умный, может, он — вроде рабочей пчелы?

— Майл, ты... ты не представляешь себе, насколько он впереди нас.

— Хорошо, но почему тогда он живет у нас в чулане?

— Ему не повезло. Но мы все исправим.

— Эллиот, мы с тобой всего лишь глупые мальчишки, неужели ты этого не понимаешь? Если кто ему и поможет, то ученики, специалисты. В общем... те, кто поголовнее нас с тобой. Они его обследуют, будут лучше кормить.

— Мы его хорошо кормим.

— Шоколадным печеньем, Эллиот. Что это за питание? Может, ты убиваешь его и сам этого не знаешь.

Эллиот помрачнел.

— Майл, если мы отдадим его, домой ему никогда не вернуться. Это факт.

— Почему, Эллиот? Почему ты в этом уверен?

— Чувствую, и чувствую так ясно, будто это выжги у меня на коже. Все время об этом думаю. Он выбрал нас, потому что только мы и можем ему помочь.

— Но почему именно нас? Кто мы такие? Денег у нас нет, умных мыслей тоже. Нет даже отца.

— Это все неважно. Ему виднее. Именно от нас он ждет, что мы поможем ему... собрать это.

— Что это?

— Что-то. Что-то...

Эллиот с трудом подбирал слова, образ необходимого предмета как-то расплылся, а остановка школьного автобуса была уже совсем рядом.

В ожидании автобуса стояли и поддразнивали друг друга Стив, Грэг и Тайлер, которые, когда подошел Эллиот, переключились на него.

— Привет, Эллиот, как дела в пекарне? Пирожные есть?

— Тайлер, отцепись.

Грэг забросал Эллиота советами насчет Герти. Советами продуманными, серьезными.

— Например, можно посадить ее в платяную корзину, — сказал он Эллиоту.

Стив помахал крыльышками на шапке.

— Да, Эллиот, забыл спросить: что с твоим домовым?

Оттого, что все последнее время приходилось играть с Герти в куклы, в настольные игры для малышей, печь бесконечное множество самых разных торты и пирожков из глины, Эллиот был как натянутая струна, и это его подвело. У него вырвалось:

— Вернулся. И он вовсе не домовой. Он из космоса.

— Что, кто из космоса? — проговорил, протягиваясь к Эллиоту, невысокий рыжий мальчишка. — А ты знаешь, сколько времени нужно, чтобы долететь от Земли до Урана?

Крысиные глазки Лэнса горели: похоже, он учился что-то.

Подъехал автобус, и мальчишки, влезая в него, увидели, что водитель новый.

— Привет, а что с Джорджем?

— Заболел, — ответил новый водитель, которого дети никогда до этого не видели.

Сегодня Герти от детского сада увильнула. Вообще-то она побывала там, но притворилась, что заболела. Теперь она могла наконец спокойно поиграть со страшной.

Ведь Эллиот, когда был дома, играл с ним один и никого к нему не подпускал.

Герти вытащила на середину комнаты свою тележку и начала складывать в нее игрушки: они, была она уверена, страшные наверняка понравятся. Как было бы хорошо, если бы он остался жить у них на совместном и женился на мамочке!

Она провезла тележку по коридору, втащила в комнату Эллиота; страшила посмотрел на нее и завращал глазами. Герти захихикала, попыталась вращать своими, а потом, подтащив тележку поближе, села с ним рядом.

— Ты большая игрушка? — Она окнула его взглядом. — Ну, а если не игрушка, то что?

Он попятился и забился в угол; похоже было, что он ее боится. А вот она не боится ни чуточки, потому что видела во сне этой ночью, будто страшила увез ее в красивое место куда-то далеко-далеко, где звезды. Страшила держала ее за руку и показывал прекрасные цветы, и на голову к нему садились странные маленькие птички, а свет вокруг был какой-то необыкновенно приятный.

Герти взяла страшилу за руку.

— Не бойся, — сказала она, — во сне мы тоже держались за руки. — Она погладила его руку так, как гладила Харви. — Мы с Эллиотом о тебе заботимся, и ты ни о чем не беспокойся, даже если ты большая игрушка. Вот мои куклы, видишь? Правда, у них красивые волосы? А у тебя волос нет совсем, ты это знаешь?

Инопланетянин смотрел на щебечущую, как птичка, девочку; ее общество приятно общества Харви, но смогут ли такие несмышленыши, как она, помочь ему связаться с его соплеменниками? Укрыть его — да, могут на время. Но ведь этого мало, для того, чтобы достичь цели, ему будет нужна сложная техника. Тележка с куклами ему не поможет.

...а это скакалка, а это ковбойский жилет, красивый, правда? А это «Скажи по буквам». Ты видел когда-нибудь такую игрушку?

Старый инопланетянин взял блестящую коробку своими длинными пальцами. Миг — и включился самый высокий уровень функционирования его интеллекта, а свет-его-сердца начал вспыхивать часто-часто.

— Она учит правильно писать, — сказала Герти. — Посмотри.

Девочка нажала кнопку, на которой стояла буква «А». «Скажи по буквам» сразу заговорила. Мужским голосом она очень внимательно произнесла:

— А.

Герти нажала кнопку с буквой «О», и коробка сказала:

— О.

Старый путешественник нажал букву «М» и услышал:

— Эм.

— Послушай теперь, — сказала Герти и нажала кнопку, на которой было слово «УРОК».

— Скажи по буквам «механический», — послышалось из коробки.

Герти стала нажимать кнопки, но пока еще ее орфография оставляла желать лучшего, и коробка сказала:

— Нет. Неверно. Попробуй еще раз.

Герти попробовала, и коробка сказала:

— Это неправильно. Правильное написание будет «М-Е-Х-А-Н-И-Ч-Е-С-К-И-Й».

Заблестевшими глазами существо из космоса смотрело, не отрываясь, на коробку. Да, это устройство может научить его языку землян. Но еще важнее — по сути, сейчас для него важнее всего во Вселенной — то, что это вычислительное устройство.

Его психический щуп был уже внутри коробки и с головокружительной скоростью двигался по микропроцессору, по синтезатору речи, по ячейкам электронной памяти.

— Ой, что это с тобой? Ты не заболел? — И Герти дотронулась до старого ученого, чьи руки сейчас дрожали.

Инопланетянин кивнул девочке, но взгляд его был по-прежнему прикован к замечательному устройству, а разум в это время с немыслимой быстротой выдавал решения и варианты решений, пути и способы возвращения домой — и все они становились возможными благодаря тому, что он увидел эту небольшую коробку.

Герти нажимала кнопки.

— Скажи по буквам «зануда», — произнесла коробка.

Герти снова стала нажимать на кнопки, перевиная

гласные, а старый ученик смотрел, как играет девочка, и ждал, когда ей это надоест.

— Ну, мистер Страшила, урок окончен. Я скоро вернусь.

Герти повернулась и вприпрыжку выбежала из комнаты.

Взял коробку, инопланетянин перевернул ее и снял крышку.

Замечательно!

Он стал ласково гладить проволочки и транзисторы.

Это будет сердце его передатчика.

Громко чавкая, он съел шоколадное печенье и приступил к делу. Сосредоточился, и его внутреннему взору предстала сияющая схема игрушки «Скажи по буквам» — для него в ней больше не было тайн. Введенная в нее информация и способы введения оказались проще простого для такого старого космического волка, как он. Вычислительные устройства — его давние друзья. И какая приятная неожиданность, что одно из них оказалось говорящим!

Он нажал кнопку.

— Скажи по буквам «механический».

Его ушной клапан приподнялся, и он стал внимательно слушать, сразу выделяя фонемы — фундамент, на котором построено здание языка.

— Скажи по буквам «зануда».

Как великолепная вычислительная машина, его собственный мозг изучал, усваивал, сопоставлял. Начинал действовать высшие уровни его интеллекта, и его глаза от этого будто остекленели. Много раз на других планетах, планетах мертвых, забытых, изучая выбитые на каменных плитах древние письмена, ему удавалось овладеть в конце концов языками этих письмен. Сейчас в руках у него нечто, по сути, сходное с каменными плитами — созданное землянами электронное устройство, которое позволит ему овладеть звуками и знаками этой планеты.

Он опять нажал кнопку.

— Скажи по буквам «холодильник».

Слово это будто светилось, и внутреннему взору его предстал предмет, который оно обозначает — место, где держат молоко и печенье.

— Хо-лод-иль-ник...

Вдохновленный образом этого замечательного предмета, включился наконец целиком лингвистический центр его удивительного мозга; языки, тысяча которых хранилась в глубинах его памяти, один за другим выходили на авансцену сознания и там сравнивались и сопоставлялись сразу на многих уровнях с языком землян, чтобы можно было понять, какое место этот язык занимает среди других. Уловив основы его структуры, старый инопланетянин перешел к оттенкам:

— Пи-рожное... пи-рог...

Скоро у него будет запас слов, достаточный для свободного общения с любым землянином.

— Мо- роженое...

Снова и снова нажимал он кнопку. Да, общаться с этой штукой очень приятно, ведь она разом учитель и товарищ по играм. И нечто большее.

От этой машины с вычислительным устройством внутри можно, раз она говорит на языке землян, добиться, чтобы она заговорила на каком-нибудь другом языке. И языком этим будет его родной язык, и все, что он на этом языке скажет, радиоволны понесут к звездам.

Но одну ошибку он совершил в этот день: не отключился телепатически от Эллиота. «Скажи по буквам» поглотила его внимание целиком, и он совсем забыл об Эллиоте, но телепатическая связь между ними осталась, и из-за нее Эллиоту пришлось туго, потому что на уроке биологии ему предстояло вскрыть лягушку.

— Снимем кожу, — учитель показал на ванночку с живыми лягушками, — и посмотрим, что под ней находится. — Взял одну из лягушек, он провел вдоль ее живота красную линию. — Это будет линия разреза... Эллиот, что ты делаешь?

И он уставился на тетрадь Эллиота, которую тот лихорадочно покрывал сверхсложными электронными диаграммами и схемами, причем рука Эллиота двигалась совершенно автоматически, как будто ее кто-то водил.

Бодил ю, разумеется, сидевший в чулане у Эллиота инопланетянин, это его сознание наводняло сейчас сознание Эллиота.

Но учитель ничего этого не знал. Его ученик, вообще довольно трудный, сейчас, абсолютно игнорируя урок, писал не отрываясь, так самозабвенно, что его лоб вспотел; и тут оказалось, что глаза всех учеников в классе устремлены только на него.

— Эллиот!

Рука мальчика съехала с тетради и писала теперь на поверхности стола. Потом начала писать в воздухе. Потом, вскочив с места, Эллиот подошел к доске, снял висевшее изображение лягушки в разрезе и стал писать на доске мелом.

У Тайлера, Грега и Стива глаза от изумления полезли на лоб. Тайлер вытянул длинные ноги под лабораторным столом и легонько постучал одной из них по лодыжке Грега. Потом показал глазами на Эллиота и покрутил пальцем у виска.

Грег кивнул, от волнения в углу его рта появлялись и лопались пузырьки слюны, а сам он в это время не отрываясь смотрел, как Эллиот, будто одержимый, рисует и пишет что-то на доске, и на ней появляются какие-то странные чертежи — схема приемника или что-то вроде.

— Молодой человек, сядьте на место! — истошно заржал учитель.

Он схватил Эллиота за локоть, но локоть был налит силой, намного превосходящей мальчишескую; ощущение было такое, будто это не рука мальчишки, а пульсирующий металлический рельс. — а между тем загадочные творения этой руки, покрывая быстро всю классную доску, все больше дезорганизовывали класс.

— Урок отменяется! Мы вернемся к сегодняшней теме на следующей неделе, Эллиот!

Мел в руке у Эллиота сломался, крошки посыпались на пол. Эллиот повернулся к учителю, взглянув на него был отсутствующий, а разум распирал знания и опыт тысяч программистов, внезапно в нем оказавшиеся...

— ...аналог цифровому... — пробормотал Эллиот, и учитель высыпал его в коридор.

Стив достал из кармана шапку, натянул на голову, расправил крыльышки и покачал головой, глядя, как Эллиота поволокли к директору.

— Теперь ему стирать тряпки для досок месяц, а то и два.

— Да он трёхнужлся, — сказал Тайлер.

— А я думаю, — сказал Стив, — это из-за глиняных пирогов, которые он лепит. Уж я-то знаю, что может сделать с человеком сестренка. — И он поправил на шапке крыльышки. — Она вообще может погубить брата.

Герти оторвалась от картинок для раскрашивания и задумалась: а стоит ли этим заниматься, когда есть страшила, с которым можно играть? Но до этого, когда она была в чулане, что-то словно вытолкнуло ее оттуда и отправило в собственную ее комнату. Теперь же она будто проснулась, и ей снова хотелось поиграть со страшилой.

Она побежала в комнату Эллиота и, открыв дверь, вошла. И тут ей вспомнилось кое-что из сна, который она видела, они со страшилой где-то далеко-далеко, держась за руки, съезжают вниз по водопаду.

Она отворила дверь в чулан. Страшила играл ее игрушкой «Скажи по буквам». Герти посмотрела в его большие, чудные-пречудные глаза и увидела в них водопад из своего сна: вода плясала и сверкала всеми цветами радуги.

Старый путешественник отложил коробку в сторону. Ум его испытывал блаженное чувство счастья.

Он совсем забыл о детях, а забывать о них не следует: если кто и поможет ему, то только они. Ведь именно детские ручки дали ему всемогущую «Скажи по буквам». Какие еще бесценные дары могут у них оказаться для него?

— Пошли, страшила. Никого нет.

Пальчики Герти, такие крошечные в его огромной ладони, взяли инопланетянина за руку. Шагая впереди, переваливаясь, как он, Герти провела его за руку через комнату, и они вышли в коридор.

— Идем, я тебе что-то покажу.

После того, как он погрузился на несколько часов в устройство «Скажи по буквам», в преобразованную в электромагнитные волны речь, он понимал уже почти все, что ему говорил ребенок. Теперь можно было попробовать свои силы в этом новом для него языке.

— Скажи по буквам «механический», — произнес он.

Герти посмотрела на него и ответила:

— Эм, и, ха, а, эн, и, че, и, эс, ка, и, и краткое.

— Это неправильно, — сказал он.

— Ой, ты умеешь говорить!

Она потащила его дальше, в спальню матери, и там инопланетянин ощущал биополе тонкого и гибкого существа. Поле было красивое, но окрашенное одиночеством.

Лип-лип-лип...

Приняв сигнал, он посмотрел в окно и увидел ее: она въехала во двор и остановила машину у огорода. Разве не родственны их души? Разве ее сердцу меньше дороги овощи? И разве на этой основе не может возникнуть дружба? Не следует ли все-таки собраться с духом и показать ей себя?

Нет, это было бы безумием. Она не поймет его присутствия в чулане сына. А объяснить будет трудно, хотя он и овладел их языком.

— Мама в саду, — сказала Герти. — Она не услышит, что мы здесь.

Герти подошла на цыпочках к телевизору и включила его. Появился скачущий Маппил¹, его выпущенные глаза были очень похожи на глаза страшилы.

Инопланетянин подошел к экрану ближе.

— Ты умеешь считать до десяти? — спросил пучеглазый Маппил.

— Умею, — ответила Герти.

— Один... — сказал Маппил.

— Один, — повторил страшила.

— Два! — пропела, став перед экраном, Герти.

— Двадцать, тридцать, сорок, пустят!

— Пустят, — повторил страшила.

Огромные ступни Маппита задвигались: он плясал. Герти посмотрела на перепончатые ноги существа из космоса.

— Ты Маппил? — спросила она.

— Нет, — ответил старый ученик.

— Яблоко, — сказал Маппил.

— Яблоко, — сказала Герти.

А страшила уже зашел, переваливаясь, за телевизор — ему хотелось посмотреть поближе, как тот устроен. Его психический щуп переходил с одной детали на другую: необходим высокочастотный блок, этот блок даст ему возможность перенести сигнал игрушки «Скажи по буквам» в область микроволновых частот.

Да вот же блок, остается только его вынуть. Но делать этого нельзя, ведь он принадлежит тонкому и гибкому существу. Она привыкла к этому ящику, привыкла в него смотреть.

И все же придется на время взять эту деталь: без нее не обойтись.

Герти, однако, визжала от восторга, ей хотелось играть, и старый ученик только собрался извлечь из телевизора высокочастотный блок, как она нахлобучила ему на голову ковбойскую шляпу — похожая уже красовалась на голове у нее самой.

— Мы оба ковбои!

— Будь... — сказал Маппил.

— Будь... — повторил страшила.

— Я вижу по вашей одежде-е, — фальшиво пропела Герти, — что вы ко-о-овбо-о-ой...

— Будь хорошей, — сказал страшила.

Мать наверняка обратит внимание на радостные крики девочки. Инопланетянин подошел, шаркая, к окну и посмотрел наружу. В саду никого не было.

Поля шляпы мешали ему смотреть, он сдвинул ее назад и показал в сторону своего чулана.

— Домой, — сказал он.

— Скажи еще раз, — попросила Герти.

— Домой.

Герти закатилась счастливым смехом.

Снизу послышался голос тонкого и гибкого существа:

— Герти, хочешь увидеть большую-пребольшую тыкву? Такой ты еще не видела.

— Я играю, мамочка. С... с...

— Будь хорошей, будь хорошей, — сказал страшила.

Он взял ее куклу и вывернулся кукле руку. Старый ученик уже знал, что это действует на Герти как выключатель: она умолкает.

И правда, она сразу умолкла.

Они пошли тихо по коридору, но он не удержался и остановился у перил взглянуть на украдкой на мать: та стояла у столика для корреспонденции и просматривала почту.

— Пошли скорее, страшила, — прошептала Герти.

Снизу доносился голос Эллиота:

— Привет, я уже дома!

Втолкнув старого ботаника в чулан, Герти вошла за ним следом. Она взяла «Скажи по буквам» и нажала кнопку для буквы «М». Но вместо «М» на дисплее появилась буква, какой никто на Земле никогда не видел. И голос из коробки уже не называл добрую старую букву, не сказал: «Эм». Голос сказал: «Блип». Или, во всяком случае, нечто похожее, нечто очень странное, и звездный мудрец, знавший все тайны компьютеров, улыбнулся своей широкой-преширокой черепашьей улыбкой.

— Что такое с моей игрушкой? — воскликнула Герти.

— Ничего, — ответило существо из космоса.

Перестроить сигнал ему удалось; для этого понадобилось только разрушить связи в микросхемах и ввести в электронную память новый словарь.

Дверь чулана открылась, вошел Эллиот.

— Эллиот, — сказал со своих подушек страшила.

У Эллиота отвалилась челюсть.

— Это я научила его говорить! — гордо заявила Герти.

— Ты меня назвал! — воскликнул Эллиот. — Скажи еще раз.

— Эллиот.

— А ты будешь Ип. Можешь сказать: «Ип»?

— Ип, — повторил инопланетянин.

В дверь комнаты три раза стукнули.

¹ Персонаж популярной в США серии мультипликационных фильмов (напоминает Чебурашку). — Прим. перев.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Как исчисляется двухмесячный срок при расторжении трудового договора по инициативе работника?

Л. Смирнов,
Днепропетровск

Исчисление срока предупреждения об увольнении по собственному желанию, как и всех других сроков в трудовом праве, начинается со следующего дня после подачи заявления. В этот срок включаются не только рабочие, но и выходные дни. Например, работник подал заявление 5 марта, значит, срок предупреждения начнет исчисляться с 6 марта и закончится 5 мая. Этот день является последним днем работы и будет считаться днем увольнения. В этот же день с работником должен быть произведен полный расчет и выдана трудовая книжка.

Если последний день срока предупреждения приходится на выходной день, то днем его окончания считается первый рабочий день, следующий за выходным.

Я принят на работу шофером, но меня второй месяц обязывают работать вместо заболевшего слесаря, ссылаясь на производственную необходимость. Могу ли я отказаться от этой работы?

С. Криворучко,
Курск

По общему правилу администрация не может требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. Однако в отдельных случаях законодательство допускает возможность перевода рабочего или служащего на другую работу на том же предприятии, на другое предприятие или в другую местность вместе с предприятием. Такой перевод производится только с согласия работника. Без его согласия временный перевод на другую работу может иметь место только в порядке производственной необходимости или простоя, а также в качестве одной из мер дисциплинарного взыскания.

Бывает, что администрация без достаточных на то оснований, ссылаясь на производственную необходимость, а фактически прикрывая неумение организовать труд работников, обязывает их выполнять различные посторонние работы. Закон четко предусмотрел случаи, при которых допускается такой перевод на другую работу без согласия работника, а именно: для предотвращения или ликвидации стихийного бедствия, производственной аварии или немедленного устранения их последствий, для предотвращения несчастных случаев, простоя или порчи государственного или общественного имущества и в других исключительных случаях, а также для замещения отсутствующего работника (ст. 26 КЗоТ РСФСР). Вам, тов. Криворучко, следует знать, что продолжительность перевода для замещения отсутствующего работника не может превышать одного месяца в течение календарного года.

Если при переводе не соблюдаются вышеизложенные условия, работник вправе отказаться от выполнения другой работы. При этом администрация не имеет права наказывать его за это.

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Музыка Евгения ЖАРКОВСКОГО

Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

Метель куролесит по свету,
метель все следы заметает,
а в сердце забвения нету,
а сердце опять замирает.

Давно та метель отшумела,
но в трепетной памяти это,
хоть звали его не Ромео,
хоть звали ее не Джулльетта...

В блокадную зиму то было,
в морозной глухой круговерти,
но девушка парня любила
всего в двух рассветах от смерти.

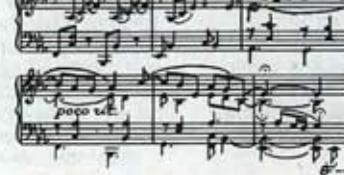
Вдали канонада гремела,
взлетала и гасла ракета...
И звали его не Ромео,
и звали ее не Джулльетта.

Часы бесконечные длились...
Для них они были мгновением.
Как будто бы хлебом, делились
они своим первым горенем.

И в этом горенье несмелом
настигла их смерть до рассвета,
хоть звали его не Ромео,
хоть звали ее не Джулльетта...

Метель куролесит по свету,
метель все пути заметает...
Пусть ищет Ромео Джулльетту,
находит и не умирает!..

А люди споют, как умеют,
извечную песенку эту—
о тех и об этих Ромео,
о тех и об этих Джулльеттах.

27-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

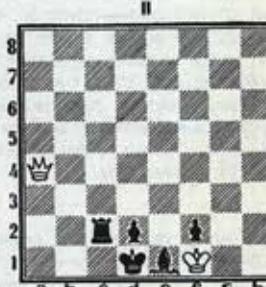
ШАХМАТНЫЕ ДУЭЛИ

Когда в задачах, чаще всего многоходовых, от каждой из сторон «солирует» по одной фигуре, создается впечатление их единоборства. Конечно, и все другие наличные фигуры незримо участвуют в борьбе сторон, но определяющее значение имеет исход именно этого единоборства. В шахматной дуэли могут состояться совершенно различные фигуры, скажем, ферзь против пешки. И не всегда побеждает сильнейший! Только не надо понимать единоборство двух играющих фигур буквально, дескать, одна фигура уничтожит другую. Нет, в задачах всегда погибает черный король. Поражение белых — когда не удается дать мат в заданное число ходов. А белыми играете вы, уважаемый читатель! Успеха вам!

Десятый тур

Белые: Krc7, Cb8, Ch5, п.d4 (4)
Черные: Kра8, Cc4, п. d5 (3)
Мат в 5 ходов (2 балла)

Белые: Kpf1, Fa4 (2)
Черные: Kpd1, Lc2, Ce1, пп. d2, f2 (5)
Мат в 6 ходов (2 балла)

Белые: Kpb2, Cf2, Ka2, Kg3 (4)
Черные: Kpd1, Kb5, п. d2 (3)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конверта!) с пометкой «27-я шахматная олимпиада, 10-й тур». Решения всех заданий необходимо привести полностью. Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 августа.

3-Я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

КОМБИНАЦИОННЫЕ ВЗРЫВЫ

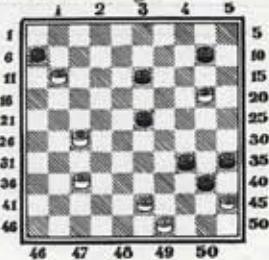
В читательских письмах часто встречаются вопросы: как получаются комбинации?

Гроссмейстер В. Агафонов в своей книге «Комбинация. Международные шашки» приводит полные партии, а не фрагменты, как это обычно принято, чтобы представить читателю возможность проследить за борьбой в середине партии и за истоками комбинационных «взрывов». В книге приведены партии известнейших гроссмейстеров и мастеров, в которых они, попавшись на комбинацию, потерпели поражение. И это неудивительно. Попадаясь на комбинацию, разумеется, различной степени сложности может каждый — и новичок, и опытный гроссмейстер.

Вот один из примеров из книги.
Щеголев — Гурков,
Москва, 1981 год.
1. 34—30 18—22 2. 32—28

12—18 3. 37—32 7—12 4. 41—37
1—7 5. 46—41 20—25 6. 30—24
19:30 7. 35:24 (неожиданно игра сверлась к русской партии) 7...
14—20 8. 33—29 22:33 9. 39:28
17—21 (все чаще в турнирной практике черные создают контригру, поддерживая напряжение в партии) 10. 29—23 20:29 11. 23:34
21—26 12. 43—39 10—14 13.
38—33 11—17 14. 42—38 17—22
15. 28:17 12:21 16. 33—28 7—12 17.
39—33 5—10 18. 44—39 14—20 19.
49—43 18—23 20. 28:19 13:24 (черные рискованно уступают центральные поля доски) 21. 47—42
9—13 22. 33—28 10—14 23. 39—33
4—9 24. 34—29 24—30 25. 50—44
30—35 26. 43—39 14—19 27.
40—34 19—24 28. 48—43. Ненужный подрыв позиции, шашка 48 является как бы фундаментом, поддерживающим всю позицию. Надо было играть 28. 31—27, затем 29. 28—22 30. 33—28, создавая крепкий центр. 28... 2—7 29.
31—27 9—14 30. 28—23 24—30 31.
27—22?

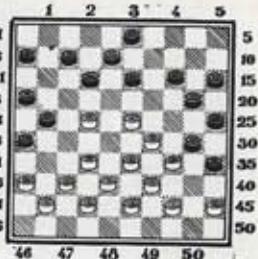
Черные поймали своего мастиго соперника на невиданную комбинацию!

31... 12—17! 32. 22:2 26—31! 33.
37:17 13—19! 34. 2:24 30:48. Новый

редчайший удар в практической комбинации; вскоре белые сдались.

Десятый тур
1. В. Муляр, Хмельницкая область. Публикуется впервые.

2. Г. Шестериков, Волгоградская область. Публикуется впервые.

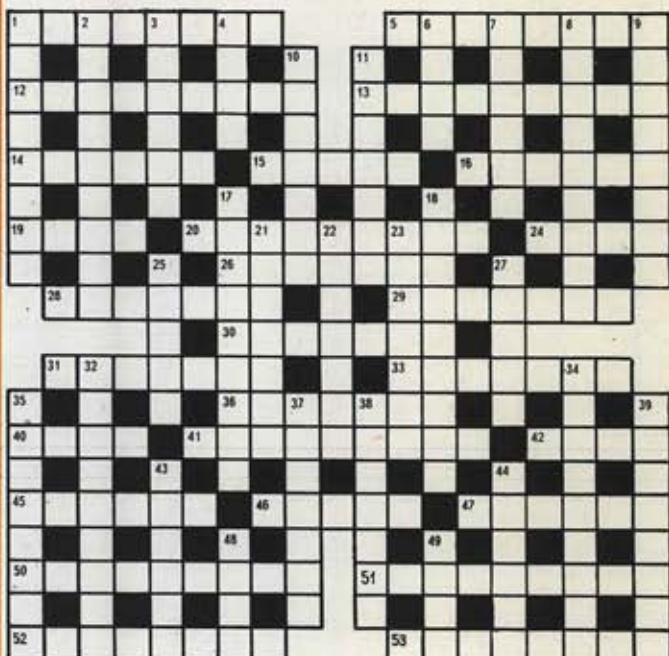

В обеих позициях белые начинают. Читателям предлагается сделать анализ: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Ответы на задания десятого тура присыпайте с пометкой: «3-я шашечная олимпиада. 10-й тур». Последний срок отправки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил Н. ЗИНКЕВИЧ, Москва

По горизонтали:

1. Зерновая культура. 5. Ученость, начитанность. 12. Свод правил, законов. 13. Неуступчивость. 14. Сорная трава. 15. Мягкая выделанная кожа. 16. Немецкий философ начала XIX века, призывающий к всемирному союзу народов. 19. Город в Коми АССР. 20. Первый русский ученый мирового значения. 24. Оперный композитор XVIII века, примыкавший к венской школе. 26. Вредное насекомое. 28. Железнодорожное сигнальное устройство. 29. Музикальное украшение в виде быстрого следования смежных тонов. 30. Языковед. 31. Прибор для усиления голоса. 33. Знаменитая американская киноактриса. 36. Ловчая птица. 40. Этнографическая группа мордвы. 41. Железокаменный метеорит. 42. Разменная монета Замбии. 45. Ответ на призыв, приглашение. 46. Областной центр Украины. 47. Один из основоположников немецкой классической литературы. 50. Ограниченный участок водной поверхности. 51. Изысканное блюдо. 52. Важнейшее качество часов. 53. Проверка.

По вертикали:

1. Частый кустарник. 2. Письменная просьба в Древней Руси. 3. Гончий пес. 4. Стоимость. 6. Пристань на реке Зеравшан. 7. Дипломатическое действие, выступление. 8. Аминокислота, не входящая в состав белков. 9. Художник-передвижник. 10. Садовые ножницы. 11. Рейка для измерения уровня воды в реке, озере. 17. Светобоязнь. 18. Единоженство. 21. Тип соуса. 22. Напраслина, ложное обвинение. 23. Старинное фитильное
25. Любимая одежда Обломова в романе И. А. Гончарова. 27. Героиня романа Ф. Купера «Зверобой». 32. Советский композитор, собиратель казахского музыкального фольклора. 34. Опера Д. Верди. 35. Воздухоплаватель. 37. Польский поэт-лирик. 38. Канавка, оставляемая плугом. 39. Антоним скучности. 43. Маленький ресторан в странах Западной Европы. 44. Руда одного из металлов. 48. Пещера. 49. Муза, покровительница истории.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 11

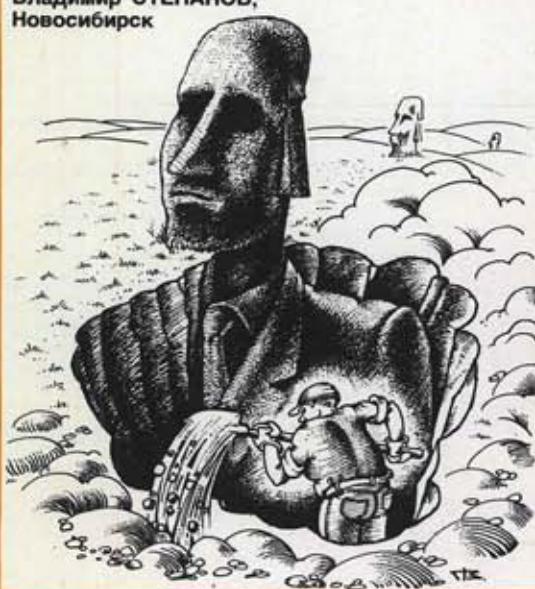
По горизонтали:

3. Элсмир. 5. Гнездо. 7. Жостер, 8. Штуцер. 13. Валенки. 14. Отблеск. 15. Кварцит. 18. Стентор. 20. Блиндаж. 21. Изложница. 22. Помада. 23. Доллар. 28. Консонанс. 30. Иглева. 32. Тифтели. 34. Опунция. 36. Манилов. 37. Румынка. 38. Алогей. 39. Усилие. 40. Надолб. 41. Юкатан.
1. Змеевик. 2. Цейтнат. 4. Лысенко. 6. Децибел. 7. Жилина. 9. Ровеня. 10. Хватка. 11. Упряже. 12. Октава. 16. Вальдинген. 17. Исиомаки. 19. Ритмика. 20. Балласт. 24. Призма. 25. Шорник. 26. Филиал. 27. Бленда. 29. Чтение. 31. Волхова. 33. Ермолка. 34. Овцевод. 35. Ярослав.

Конкурс юмористических рисунков

Владимир СТЕПАНОВ,
Новосибирск

Александр ОБУХОВ,
Москва

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 06.05.85. Подписано к печати 20.05.85. А 04430. Формат 70×108^{1/4}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1385. Заказ № 739. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спорт учит трезво
одинаково седа. А это очень
важно в жизни.

Арвидас

Уважаемые читатели! Благодарим вас за внимание к публикации рубрики «Спортивный автограф», за ваши советы. Напоминаем, что наш спорт богат чемпионами не только в таких видах спорта, как футбол и хоккей. И потому мы расскажем вам также о замечательных советских спортсменах, завоевавших чемпионские титулы в гребле, в легкой атлетике, боксе, плавании, велосипедном спорте.

Сегодня вам предстоит встреча с баскетболистом Арвидасом Сабонисом. Об этом просят нас читатели Д. Циденданбаев из села Можайка Бурятской АССР, С. Лапиков (Новомосковск), К. Караева (Херсон), Ю. Старушин (Майкоп), М. Изекова (Владивосток), С. Красиков (Казань) и другие (всего 89 читателей).

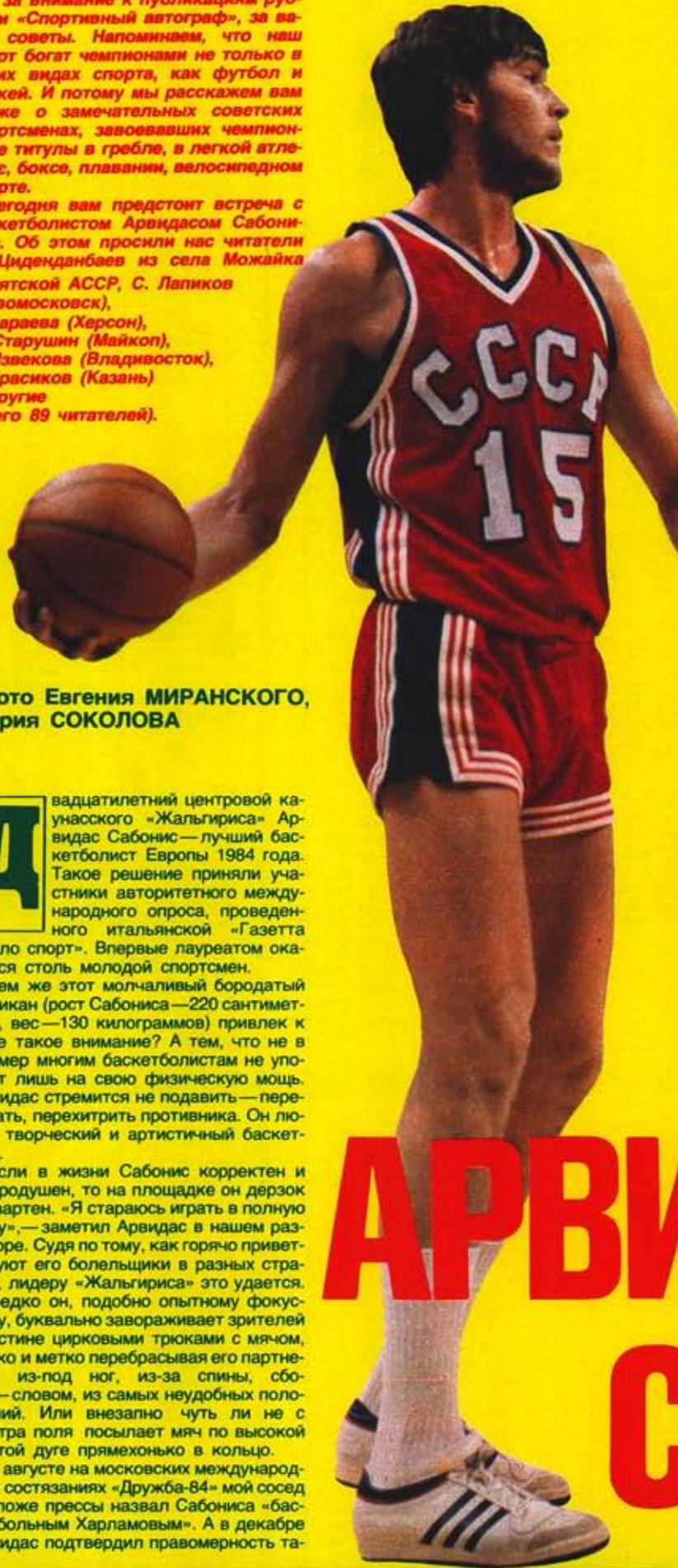

Фото Евгения МИРАНСКОГО,
Юрия СОКОЛОВА

Двадцатилетний центровой канунского «Жальгириса» Арвидас Сабонис — лучший баскетболист Европы 1984 года. Такое решение приняли участники авторитетного международного опроса, проведенного итальянской «Газетта делло спорт». Впервые лауреатом оказалась столь молодой спортсмен.

Чем же этот молчаливый бородатый великан (рост Сабониса — 220 сантиметров, вес — 130 килограммов) привлек к себе такое внимание? А тем, что не в пример многим баскетболистам не упоминает лишь на свою физическую мощь. Арвидас стремится не подавить — перегреть, перехитрить противника. Он любит творческий и артистичный баскетбол.

Если в жизни Сабонис корректен и добродушен, то на площадке он дерзок и азартен. «Я стараюсь играть в полную силу», — заметил Арвидас в нашем разговоре. Судя по тому, как горячо приветствуют его болельщики в разных странах, лидеру «Жальгириса» это удается. Нередко он, подобно опытному фокуснику, буквально завораживает зрителей поистине цирковыми трюками с мячом, мягко и метко перебрасывая его партнерам из-под ног, из-за спины, сбоку — словом, из самых неудобных положений. Или внезапно чуть ли не с центра поля посыпает мяч по высокой кругой дуге прямехонько в кольцо.

В августе на московских международных состязаниях «Дружба-84» мой сосед по ложе прессы назвал Сабониса «баскетбольным Харламовым». А в декабре Арвидас подтвердил правомерность та-

кого сравнения. На представительном турнире в Испании наша сборная впервые встретилась с якобы непревзойденными американскими профессионалами. И победила. А канунский центровой стал подлинным героем матча, затмив собой «суперзвезд» родоначальников баскетбола Арчибалда. Не так ли когда-то и Харламов при первом же знакомстве сбил излишний гонор с заокеанских хоккейных «профи»?

— Американские баскетболисты — прекрасные солисты, — говорит Арвидас. — Но, видно, их недостаточно учат коллективизму, товарищеской взаимовыручке. А в нашей сборной действует железное правило: прежде всего думай о команде. Мы побеждаем благодаря взаимопониманию, слаженным комбинационным действиям. Каждый старается помочь партнеру, в особенности новичку, сполна проявить игровые достоинства.

Старший тренер сборной СССР Александр Гомельский — он уже четвертый десяток лет работает в большом баскетболе и повидал немало великолепных мастеров — так отзываются о Сабонисе:

— Тонким мышлением, рискованностью, красотой движений он напоминает мне Александра Белова — автора легендарного «золотого броска», который на Играх-72 в Мюнхене принес нашей команде первую и пока единственную олимпийскую победу. Мы пригласили Арвидаса в сборную в 1982 году. Ему тогда едва исполнилось семнадцать. А несколько месяцев спустя на мировом чемпионате в Колумбии он вместе с товарищами поднялся на высшую ступеньку пьедестала. Вскоре Сабонис закрепился в стартовом составе. Когда мы выступали в США, где выиграли девять из двенадцати поединков с сильнейшими университетскими клубами, даже избалованные американские болельщики приходили в восторг от необычайной быстроты и легкости юного гиганта. Сейчас Сабонис не только многое умеет сам, но и отменно взаимодействует с партнерами, в особенности с Владимиром Ткаченко. Вдвоем они способны проторчанить и запутать любую оборону. В общем, я считаю, что природа наделила Арвидаса выдающимся талантом.

Арвидас спустя на мировом чемпионате в Колумбии он вместе с товарищами поднялся на высшую ступеньку пьедестала. Вскоре Сабонис закрепился в стартовом составе. Когда мы выступали в США, где выиграли девять из двенадцати поединков с сильнейшими университетскими клубами, даже избалованные американские болельщики приходили в восторг от необычайной быстроты и легкости юного гиганта. Сейчас Сабонис не только многое умеет сам, но и отменно взаимодействует с партнерами, в особенности с Владимиром Ткаченко. Вдвоем они способны проторчанить и запутать любую оборону. В общем, я считаю, что природа наделила Арвидаса выдающимся талантом.

В семье Сабонисов долгое время никто об этом не догадывался. Отца Арвидаса, закройщика швейной фабрики, и маму, бухгалтера, тоже маленьими не назовешь, но баскетболом они никогда не увлекались. Неудивительно, что и будущий центровой в детстве не особенно к нему тяготел. Тренерам, присмотревшим долговязого парнишку на школьном уроке физкультуры, пришлось не один месяц уговаривать его записаться в ДЮСШ. В конце концов тот согласился: родители сказали, что нехорошо упрямиться перед взрослыми. Кстати, теперь его примеру последовал и младший брат, двенадцатилетний Андрюс.

Но предоставим слово Арвидасу:

— Лет до одиннадцати я стоял по росту только третьим в классе. Наверное, поэтому заслуженный тренер Литовской ССР Юрий Федоров предложил мне вначале поиграть в защите, на фланге и лишь потом определил в центровые. Я понял, что у каждой баскетбольной роли свои секреты. Разбираться в них оказалось очень интересно. А тут еще увидел по телевизору прославленного югослава Чосина. Благодаря удивительно разностороннему мастерству он мог в одиночку предрешить исход любого матча. Так появился образец для подражания.

Осенью 80-го юношеская сборная Литвы, самым ярким игроком в которой был Сабонис, победила на Всеобщей спартакиаде школьников. Арвидаса пригласили в «Жальгирис». Но он решил по временем — считал, что не дорос еще до команды мастеров. Почетное приглашение принял лишь после года напряженных тренировок, когда почувствовал, что окреп физически, прибавил в скорости, в прыгучести. Взыскательность к себе — одна из черт его характера.

— Мне и сейчас очень далеко до совершенства, — убежден лучший баскетболист континента. — Во-первых, увлекаюсь рискованной обводкой. Во-вторых, не всегда успеваю подбирать мячи у щита, ставить надежный заслон перед соперниками. Чрезмерно «завожусь» в борьбе и в итоге зарабатываю фолы... Ну, и ноги необходимы срочно «подкачать» — за последний год подрос на пять сантиметров, и сразу стало тяжелее передвигаться по площадке.

Арвидас учится на экономическом факультете Литовской сельскохозяйственной академии. Когда устает, старается хотя бы на денек-другой выбраться на море, чтобы побродить в одиночестве по дюнам. — Понимаете, каждая игра отнимает массу эмоциональной энергии, — поясняет он, — и на прогулках я возвращаю себе душевное равновесие. Но иногда люблю потанцевать в дискотеке. Или покататься с друзьями на машине. Давно мечтаю выступить в авторалли — у нас в Литве они очень популярны, — да тренер не позволяет. Считаю меня лихачом и боится, как бы «Жальгирис» не остался без центрового.

Я спросил, что для него сейчас важно в жизни.

— Прежде всего не размякнуть от комплиментов. Заставить себя «выкладываться» до конца не только в каждом матче, но и на каждой тренировке, как это делает капитан «Жальгириса» Вальдас Хомичюс. Отлично подготовиться к июньскому чемпионату Европы в ФРГ и помочь сборной страны завоевать золотые медали.

Сергей ШАЧИН

АРВИДАС САБОНИС